

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 2(37) 2020

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 2(37) 2020

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия;

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2020

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Eremeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;
Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора..... 8

К 75-летию победы в Великой Отечественной войне

Королева И.А. Языковые ономастические средства авторской оценки в поэзии А.Т. Твардовского (к 110-летию Твардовского) 10

Заварзина Л.Э. Семантико-стилистические особенности военной публицистики Леонида Леонова..... 18

Лингвистика

Патроева Н.В., Лебедев А.А. Ассоциативно-образный потенциал прецедентного собственного имени в поэзии (на материале контекстов с антропонимом *Ломоносов*)..... 29

Методика преподавания языков

Ванюшина Н.А. Формирование вторичной языковой личности в процессе диалога культур на уроках РКИ..... 38

Телкова В.А. Педагоги-словесники конца XIX – начала XX века о проблемах лингвистического образования..... 45

Аспекты изучения художественного текста

Фахрутдинова Л.И. Перевод повести А. Еники «РЭШЭ» («МАРЕВО») Р. Кутуем как форма межлитературного диалога..... 52

Смирнов К.В. Петербургское Марьино, трикстер и вечный спор (о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»)..... 60

Вязовская В.В., Кузьминых Е.О. «Клички греко-российского календаря»: к специфике именования персонажей Н.С. Лескова..... 68

Рогалев А.Ф. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: новое прочтение..... 77

Абрарова А.М. Образ «иной культуры» в лирике А. Абсалямовой..... 83

Ширяева С.Н. Функции эпитафия и заглавия в художественном тексте (на материале произведений Сергея Довлатова)..... 90

Лингвокультурология

Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Особенности внутриигрового общения игроков массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр..... 97

Линник А.А. Способы репрезентации кинообраза отца в американском кинодискурсе..... 108

Межкультурная коммуникация

Остапенко Д.И. Характеристика переводческих примечаний к роману Дж. Барнса «Предчувствие конца»..... 114

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Рева Е.К. Функционирование сайтов профильных правительственных организаций в контексте реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года..... 120

Язык СМИ

Алексеев А.Б. Политеймент: прагматически обусловленный гибридный дискурс..... 128

Фомина С.Б. Лексико-семантические характеристики современного англоязычного газетного дискурса..... 137

Васильева Н.А., Самойленко Н.С., Васильев А.В. Функционирование медицинской терминологической лексики в отраслевых и популярных СМИ..... 145

Храброва Е.С. Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19)..... 152

События, обзоры, рецензии

Гоннова Н.В., Осипова Н.Д. Методологический семинар «Методология лингвистических исследований в русистике: многообразие микропарадигм»..... 162

Правила оформления статей..... 167

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>On the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War</i>	
Koroleva I.A. Language onomastic means of author's evaluation in the poetry of A.T. Tvardovsky (to the 110 th anniversary of Tvardovsky).....	10
Zavarzina L.E. Semantic and stylistic features of military journalism by Leonid Leonov.....	18
<i>Linguistics</i>	
Patroeva N.V., Lebedev A.A. Associative-image potential of precedent name in poetry (on the material of contexts with anthroponym Lomonosov).....	29
<i>Methods of teaching languages</i>	
Vanjushina N.A. Formation of a secondary language personality in the process of cultural dialogue on the lessons of Russian as a foreign language.....	38
Telkova V.A. Language teachers of the late 19 th – early 20 th century on problems of linguistic education.....	45
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Fakhrutdinova L.I. Translation of A. Yeniki's novel «РӘШИӘ» by R. Kutui as a form of cross-literary dialogue.....	52
Smirnov K.V. The Petersburg Marino, trikster and the everlasting dispute (about the novel of I.S. Turgenev «Fathers and sons»).....	60
Vjazovskaya V.V., E.O. Kuzminukh «The nicknames of Greek and Russian calendar»: to the specifics of naming of Leskov's characters	68
Rogalev A.F. M.Y. Lermontov's novel «The hero of our time»: new reading.....	77
Abrarova A.M. The image of a «different culture» in the lyrics of A. Absalyamova.....	83
Shiryayeva S.N. The functions of the epigraph and title in a literary text (based on the works of Sergey Dovlatov).....	90
<i>Language and culture studies</i>	
Kropacheva M.A., Litvinova E.S. The peculiarities of in-game communications of mass multiplayer online role-play game players.....	97

Linnik A.A. Means of the father's film image representation in American film discourse.....	108

Intercultural communication

Ostapenko D.I. Features of translator's commentaries to the novel «The sense of an ending» by J. Barnes	114

Journalism in historical and theoretical aspect

Reva E.K. Operation of websites of relevant governmental organizations in the context of the implementation of the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025.....	120

Language of mass media

Alexeyev A.B. Politainment as a pragmatically based hybrid discourse.....	128

Fomina S.B. Lexical and semantic characteristics of modern English newspaper discourse.....	137

Vasilieva N.A., Samoilenko N.S., Vasiliev A.V. Functioning of medical terminological lexis in industrial and popular media.....	145

Khrabrova E.S. Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basis of COVID-19 pandemic media coverage).....	152

Events and reviews

Gonnova N.V., Osipova N.D. Methodological seminar «Methodology of linguistic research in Russian philology: variety of microparadigms».....	162

Laout of the articles.....	167

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей тридцать седьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии». Выделен раздел «К 75-летию победы в Великой Отечественной войне».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

В раздел «Лингвистика» входит работа, посвященная исследованию образного потенциала имени собственного (Патроева Н.В., Лебедев А.А.).

Раздел «Методика преподавания языков» представлен работами, которые обращаются к вопросу формирования вторичной языковой личности (Ванюшина Н.А.) и проблемам лингвистического образования (Телкова В.А.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, в которых представлен межлитературный диалог (Фахрутдинова Л.И.), образ «иной культуры» (Абрарова А.М.), а также исследования произведений русской литературы XIX века (Смирнов К.В., Вязовская В.В., Кузьминых Е.О., Рогалев А.Ф., Ширяева С.Н.).

Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу особенностей внутриигрового общения в пространстве онлайн-игр (Кропачева М.А., Литвинова Е.С.) и некоторых особенностей американского кинодискурса (Линник А.А.).

Раздел «Межкультурная коммуникация» включает работу, характеризующую переводческие примечания к роману Дж. Барнса «Предчувствие конца» (Остапенко Д.И.).

Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» представлен статьей, описывающей функционирование сайтов профильных правительственных организаций в РФ (Рева Е.К.).

В раздел «Язык СМИ» входят работы, исследующие различные виды дискурсов (Алексеев А.Б., Фомина С.Б., Храброва Е.С.), а также функционирование медицинской терминологической лексики в СМИ (Васильева Н.А., Самойленко Н.С., Васильев А.В.).

Завершает выпуск раздел «События, обзоры, рецензии», в котором говорится о методологическом семинаре «Методология лингвистических исследований в русистике: многообразии микропарадигм» (Гоннова Н.В., Осипова Н.Д.).

Содержащиеся в выпуске 2(37) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГГУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

**К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ON THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

УДК 811.161.1'373.232

*Смоленский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор
Королева И.А.
Россия, г. Смоленск
тел. +7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

*Smolensk State University
Doctor of Philology,
professor
Koroleva I.A.
Russia, Smolensk
tel. + 7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

И.А. Королева

**ЯЗЫКОВЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ
В ПОЭЗИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО (К 110-ЛЕТИЮ ТВАРДОВСКОГО)**

В статье рассматриваются модально-оценочные ономастические средства в художественном тексте на примере анализа именованных персонажей в поэзии А.Т. Твардовского, великого русского мастера слова, 110 лет со дня рождения которого в 2020 году отмечает вся прогрессивная общественность. Акцент делается на анализе личных имен лирических героев; показывается, как с помощью оценочных форм именованных автор выражает свое отношение к лирическим героям, взаимоотношения персонажей в текстах стихов и поэм. Затрагивается проблема формирования модально-оценочного потенциала в системе имен собственных художественного текста, рассматриваются языковые средства его выражения. С помощью анализа трехмерной семантической модели имен нарицательных демонстрируется проецирование коннотативного наполнения в значении лексемы на имя собственное. Показывается, как в художественном тексте на ономастическом уровне реализуется субъективная авторская и художественно-эстетическая оценка системы личных именованных. Материал позволяет проникнуть в творческую лабораторию А.Т. Твардовского и вскрыть мотивы номинации лирических персонажей. Делаются выводы о роли оценочных имен в текстах великого поэта. Еще раз подтверждается основа введения имен собственных в художественный текст через анализ своеобразной цепочки «писатель – имя – текст – читатель».

Ключевые слова: субъективная модальность, авторская оценка, имя собственное, художественно-эстетический потенциал, художественный текст, поэзия, А.Т. Твардовский.

I.A. Koroleva

**LANGUAGE ONOMASTIC MEANS OF AUTHOR'S EVALUATION
IN THE POETRY OF A.T. TVARDOVSKY
(TO THE 110TH ANNIVERSARY OF TVARDOVSKY)**

The article sites modal and evaluative onomastic means in literature based on the example of analysis of character names in the poetry of A.T. Tvardovsky, the great Russian master of words, whose 110th birthday was celebrated in 2020 by the entire progressive society. The emphasis is made on the analysis of personal names of lyrical heroes; it is shown how, with the help of evaluative forms of naming, the author expresses his attitude to the lyrical heroes, the rela-

tionship between the characters in the texts of the poems and verse. The problem of the formation of modal and evaluative potential in the system of names of own literary text is touched upon, the language means of its expression are considered. Using the analysis of a three-dimensional semantic model of common nouns, the projection of connotative filling in the meaning of a lexical unit into a proper name is demonstrated. It is shown how in a literary text a subjective author's assessment is realized at the onomastic level, as well as artistic and aesthetic estimation of the personal naming system. The material allows you to get into the creative laboratory of A.T. Tvardovsky and reveal the motives for nominating lyrical characters. Conclusions are drawn about the role of evaluative names in the texts of the great poet. Once again, the basis for introducing proper nouns into an artistic text is confirmed through the analysis of a peculiar chain "writer - name - text - reader".

Key words: subjective modality, author's estimation, proper name, artistic and aesthetic potential, literary text, poetry, A.T. Tvardovsky.

Трехмерная семантическая модель, предлагаемая в качестве основания для классификации лексического заполнения знаменательных частей речи – имен нарицательных, в рамках единой системы определяется тремя аспектами значения слова, выделяемого лексической семантикой: денотативным, сигнификативным и коннотативным. Денотативное значение слова, согласно традиционному определению, отображает некоторый класс референтов, то есть явлений объективной действительности, объединенных определенным набором релевантных семантических признаков, составляющих в совокупности сигнификативное значение данного слова. Коннотативное значение факультативно; оно отображает дополнительные оценочно-стилистические семантические «обертонны», имеющие, как правило, более или менее субъективный характер [1, с. 225].

В имени нарицательном различают следующие основные типы оценки: общая оценка: *хороший – плохой*; прагматическая оценка: *успех-неуспех*; эстетическая оценка: *красота-уродство*; этическая оценка: *добро-зло*; оценка истинности: *правда-ложь* [2, с. 106]. Эту же шкалу оценки можно спроецировать и на систему имен собственных (ИС).

Общая оценка *хороший/плохой* является своеобразной базой для реализации категории модальности.

Как известно, сегодня в научных исследованиях по модальности вслед за Ш. Балли принято различать понятия субъективной и объективной модальности и в качестве смысловой основы субъективности видеть оценку [3]. Оценка, причем субъективная, заметно расширяет категорию модальности, например, в плане эмоциональной оценки того, о чем сообщается и что отражает отношения между коммуникантами [4]. Субъективная оценка реализуется в слове, т.е. информативно значимом фрагменте сообщаемого, а через него и в высказывании [5, с. 34-35].

Таким образом, субъективная модальность расширяется за счет субъективной оценки имени в речи, в реализации различных коммуникативных ситуаций, в которых крайне важны отношения между коммуникантами.

Художественный текст – это особый вид речевой деятельности, поэтому слова с субъективной оценкой, репрезентируемые автором в художественном тексте, именно индивидуально-авторской оценкой как бы «окрашивают» (естественно, с учетом их семантического окружения) все высказывание.

Субъективная модальность, реализованная через категорию авторской субъективной оценки, специфически отражается в разных жанрах и видах художественных текстов. Так, например, реалистическая проза в большей степени содержит объективную модальность и объективную оценку, а романтический текст – субъективную модальность и субъективную авторскую оценку. По-разному отражается авторская оценка в стихах и прозе [4, с. 176].

При исследовании любого художественного текста в центре его своеобразного «прочтения» находятся отношения *автор/читатель* и *автор/герой* произведения, то есть текст можно представить как речевую коммуникацию, где *автор – адресант, читатель – адресат; автор – адресант, герой – адресат*. Реализация этих отношений, безусловно, входит в

сферу субъективной модальности и авторской оценки. Рассматривая, таким образом, художественный текст как своеобразный коммуникативный акт, мы, несомненно, никак не можем не учитывать категорию модальности. Стоит отметить, что коммуникативный аспект в общезыковой реализации категории модальности сегодня достаточно активно развивается [6] и переходит на исследование речевой (текстовой) категории модальности.

Одним из частых и важных языковых средств, используемых в художественном тексте для реализации субъективной модальности, авторской оценки, являются ИС, в частности – личные имена и фамилии [7].

Имена собственные – неотъемлемый элемент формы художественного произведения; в контексте они эстетически значимы и обладают, как правило, достаточно высоким художественно-эстетическим потенциалом [8, с. 50 и далее]. Имена собственные, безусловно, выражают авторскую эстетическую позицию и авторские оценки изображаемого. Содержательность ономастикона во многом поддерживается связью с биографией писателя (прямо или косвенно). Имена собственные часто в качестве элемента художественного текста являются важным средством создания художественных образов, эксплицитно и имплицитно, их система связана с экспликацией глубинных смыслов художественного текста, определяет смысловую и эмоциональную его заданность [9, с. 7 и далее].

Подробнее остановимся на анализе антропонимической лексики, ибо, по мнению многих исследователей [10 и др.], именно антропонимы являются центральным разрядом ономастикона произведения, так как они могут выполнять все три главные функции онимических единиц в художественном тексте: 1) служить текстовой вехой – обозначение главного (-ых) персонажа (-ей); 2) создавать ономастический фон; 3) выступать в качестве опознавательного знака факультативного характера [8, с. 50]. Разумеется, и это подчеркивают многие исследователи литературной ономастики, система имен собственных, в частности – антропонимов, зависит от типа художественного текста, его жанра, семантической структуры, идейного и композиционного замысла автора и пр. [11]. Разрабатывая свое учение о языке художественной литературы, академик В.В. Виноградов писал в одной из своих работ: «Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [12, с. 37-38]. Именно поэтому ономастичность текста – его важный параметр, необходимый фактор текстопостроения. У каждого большого писателя и поэта создается и живет в текстах уникальный антропонимический мир. Несомненно работа автора над именами персонажей – сложный и трудоемкий процесс; нередко автор меняет именованья героев, пока не находит то, что, с его точки зрения, верно [13, с. 5 и далее]. И не менее сложной и кропотливой, увлекательной и затягивающей является работа по анализу авторской оценке имен в художественном тексте.

Таким образом, коммуникативный аспект в реализации модальности и оценки представляет собой широкое поле для изучения модально-оценочного потенциала ИС именно в художественном тексте, представляющем собой особую коммуникативную связь, образованную цепочкой *писатель – имя – текст – читатель*, где ИС – это своеобразный культурный код, содержащий в себе в свернутом виде самую разноплановую информацию, которую читатель должен раскодировать. Художественно-эстетическое содержание этой информации отражает авторские интенции [14, с. 120].

Не вдаваясь детально в теорию вопроса о значении имени ИС (это до сих пор дискуссионная проблема), мы отметим только тот факт, что коннотат в семантической структуре ИС зачастую представляет собой обязательный компонент, то есть та информация коннотативного характера, которая в имени нарицательном факультативна, в имени собственном может выходить на первый план и совмещаться, а иногда и подменять собой денотативное

значение имени. Особенно это совмещение проявляется в прозвищах, хотя и другие именованья человека оценочны.

Как пишет В.И. Супрун, антропонимическая лексика обладает высоким художественно-эстетическим потенциалом, особенно в рамках художественного дискурса, богатством коммуникативно-выразительных возможностей онимов, особенно личных имен и фамилий [8, с. 1-3].

Обратимся к оценке, заложенной в личном имени. Сразу же подчеркнем, что оценочны все формы личных имен: полные, паспортные, официальные (Александр, Мария, Николай, Иван, Марина и др.) и уменьшительные формы имен, которые могут по структуре быть бессуффиксными (Катя, Саша, Коля, Петя и пр.) или иметь в своем составе особые суффиксы, которые, в целом такие же, как и у существительных со значением субъективной оценки (Танечка, Петенька, Андрюша, Валька, Надюха и др.) [15]. Н.А. Петровский, автор первого словаря русских личных имен, называет их производными уменьшительными формами имен [16, с. 19].

Следует указать, что уже исследователь системы древнерусских личных имен А.М. Селищев выделил особые суффиксы, которые придавали личному имени экспрессивное значение: так, суффикс -ЕЦЬ обладал уменьшительно-уничижительным значением, -ИМЪ – уменьшительным, -ИЩ(е) – уничижительным, -К(а) – уменьшительным, а также был социально маркированным и т. д. [27, с. 123, 126 и др.].

Производные формы личных имен сегодня носят неофициальный характер, широко используются в бытовой коммуникации, в которой позволяют выразить самые различные оттенки отношений между коммуникантами. Естественно, их коммуникативная роль в художественном тексте обозначена авторской позицией. Именно такие формы могут служить характеристикой героев, передавать отношения между героями, служить выразителем отношений автора к своему герою и пр. Словом, они коммуникативно значимы.

У разных имен разное количество производных уменьшительных форм. Во многом это определяется популярностью того или иного имени. У некоторых личных имен наблюдается избыточность форм, которая может быть еще увеличена за счет окказиональных образований. Однако все производные уменьшительные формы имен обладают субъективной оценкой и маркированы в тексте.

Проиллюстрируем наши положения примерами из текстов известного русского поэта, основоположника смоленской поэтической школы, одного из лучших редакторов журнала «Новый мир», А.Т. Твардовского, 110 лет со дня рождения которого 21 июня 2020 года отмечает весь славянский мир.

Производные формы личных имен с субъективной оценкой часто используются по этому для передачи авторской оценки по отношению к женским персонажам.

Так, в поэме «Страна Муравия» (1936), сразу же принесшей Твардовскому заслуженную славу, автор представляет два женских эпизодических образа в конце поэмы в сцене колхозной свадьбы. Однако эти образы эпизодичны только на первый взгляд. Невеста – символ красоты, чистоты, доброты, юности – названа *Настя*, *Настенька* (не *Ася* и тем более не *Анастасия*). Настенька – героиня русских сказок, и имя выбрано не случайно.

Заводила на свадьбе – *Аксюта* (использована эмоционально-экспрессивная форма народного имени Аксинья, образованного от греческого Ксения «чужеземка») [16, с. 133]. Модель типична – ср. *Дашута*, *Маишута*, *Анюта* и пр. С помощью имени Твардовский передает свое отношение к любимой героине «из народа», русской женщине, труженице. Такое же отношение возникает и у читателя, который верит автору и воспринимает его героиню как близкую и понятную, свою. Несомненно, этому способствует ее именование.

Главная героиня поэмы «Дом у дороги» (1942-1946) – Сивцова Анна. Пять раз она, один из любимых образов Твардовского, названа *Анюта*:

Окликни – отзовусь.

Я здесь, твоя Анюта... [18, с. 480].

Имя *Анна* – древнееврейское «милость божья» [16, с. 133] использовано Твардовским только однажды, когда героиня именуется официально, будучи в плену.

Интересны женские именованья в стихах.

Как известно, один из постулатов поэтов смоленской поэтической школы – показ людей труда [19]. Стихотворение 1936 года «Катерина» посвящено именно такой простой сельской труженице, «основе основ» земли русской. Уже в заглавии мы видим разговорный вариант полного греческого имени *Екатерина* «чистая» [16, с. 108]. Этот же вариант неоднократно повторен в тексте:

Отдыхай, Катерина,
Прощай, Катерина,
Дорогой наш товарищ и друг [20, т. 1, с.90].

В тексте представлена также бессуфиксная производная уменьшительная форма *Катя* и знаменитая, прославленная на весь мир другим представителем смоленской поэтической школы М.В. Исаковским *Катюша*:

Вдруг две бабы в толпе по-старинному заголосили:
– И куда же ты, Катя, уходишь от нас...
Находила ты слово про всякую душу –
И упреком, и лаской могла ты зажечь,
Только плохо свою сберегли мы Катюшу –
Спохватились, как поздно уж было беречь... [20].

Как видим, сельский мир любит свою труженицу, любит ее и Твардовский, а вслед за поэтом любит и читатель. Катерина, Катя, Катюша... Русская женщина!

Одно из любимых мужских имен А.Т. Твардовского – *Василий* (древнегреческое «царь») [16, с. 70]. Это имя самого последнего брата поэта, родившегося, когда сам Твардовский уже ушел из семьи. Имя было дано мальчику по настоянию Александра. Любимый народный герой и любимый герой Твардовского – Василий Теркин. В поэме ситуативно очень умело использованы производные уменьшительные формы; уже в главе «От автора» прямо идет название:

Не прожить...
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин – мой герой [18, с. 308].

Главный герой всенародно любимой поэмы может быть Василием Теркиным, просто Теркиным, Василием Ивановичем, Васей Теркиным, Василием... И все имена маркированы, наделены ситуативной авторской оценкой, которую безоговорочно воспринимает читатель.

Вот как сам писатель дает объяснение выбора именованья своего героя в очерке «Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям)»:

«Василий Теркин» известен читателю с 1942 года, но Вася Теркин появился еще в 1939-1940 гг. в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» и был созданием коллективным. В коллектив авторов входил и Твардовский. Стали придумывать имя. Имя должно было быть озорным, с сатирическим оттенком. Предлагали имена Ваня, Федя, еще какие-то. Но остановились на Васе. Позднее имя стало использоваться в полной форме, так как герой трансформировался, вырос, стал большим и широко известным русским солдатом с высокой степенью обобщения, выражения народной любви и уважения. Фамилия Теркин была сконструирована: создатели отталкивались от глагола «тереть», «перетирать». Но и вообще, как пишет Твардовский, есть такая русская фамилия, и ее выбор не случаен: русский солдат все перетрет; все перемелется, и мука будет!

Можно ли заменить имя *Василий*, например, на имя *Виктор*? Конечно, нет. Оно уже вошло в жизнь, обросло культурно-историческими коннотациями в сознании читателя, пол-

ностью реализовало свой художественно-эстетический потенциал, помогло сделать героя всенародным любимцем, а значит, стать «значимым, выразительным и социально характерным» [21, с. 619-655].

Итак, мы сделали попытку показать авторскую оценку имен и фамилий в художественном тексте, используя лирические строки А.Т.Твардовского.

Антропонимы, в частности, имена и фамилии, оценочны как в языке, так и в речи, но именно в художественном тексте проявляется наиболее богатая палитра коннотативных реализаций онимов. Каждый тип антропонима способен выражать многообразные эмоционально-экспрессивные значения как непосредственно – с помощью выбора деривационных средств в формах имен, в которых присутствует авторская оценка, и в возможной ономастической сочетаемости (имя и фамилия), так и опосредованно – через контекстуальные связи ИС. Именования человека служат важной текстовой вехой любого художественного дискурса и в значительной мере передают авторскую оценку героя.

Естественно, начатые наблюдения можно и нужно продолжить, но даже небольшой фрагмент исследования показывает высокий оценочный потенциал именований человека.

Библиографический список

1. Сильницкий Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. Т. 1. 255с.
2. Сильницкий Г.Г. Семантическая структура оценочных глаголов // Пропозиционные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: ИЯ АН СССР, 1987. С. 105-108.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Наука, 1955.
4. Королева И.А. Субъективно-модальная оценка в формах личных имен и ее роль в художественном тексте (на материале поэзии А.Т. Твардовского) // Модальность как семантическая универсалия. Сборник научных трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2010. С. 176 – 180.
5. Химик В.В. Оценочные субъективно-модальные преобразования слов в русском языке // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Сб. научн. тр. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2008. С. 34-46.
6. Тимофеева Г.Е. Имплицитный субъект в «запретных конструкциях» (штрихи к речевому портрету современной языковой личности) // Русский литературный язык. Номинация. Предикация. Экспрессия: Межвуз. сб. научн. тр. М.: МАНПО, 2002. С.319-323.
7. Королева И.А. Оценочность русских имен и фамилий // Оценки и ценности в современном научном познании. Сб. научн. тр. Ч.2. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. С. 61-65.
8. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 43 с.
9. Сивцова А.А. Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Калининград, 2008. 24 с.
10. Силаева Г.А. Антропонимия художественных произведений А.Н. Толстого. Рязань, 1986. 81 с.
11. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. 340 с.
12. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 256 с.
13. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.

14. Королева И.А. Модально-оценочный потенциал имен собственных в художественном тексте // Категория модальности в речевой коммуникации. Сборник научных трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С.119 – 123.

15. Королева И.А. Семиотика личных имен как модификаторов дистанции между коммуникантами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Материалы международной научной конференции 15-17 сентября 2005г. Калининград – Светлогорск. Калининград: РГУ им. И.Канта, 2006. С.212-219.

16. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 384 с.

17. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды А.М. Селищева. М.: Просвещение, 1968. С. 97-128.

18. Твардовский А.Т. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1981. 671 с.

19. Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1960. 344 с.

20. Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 495 с.

21. Твардовский А.Т. Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям) // А.Т. Твардовский. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1981. С. 619-655.

References

1. Silnitsky G.G. Semantics. Grammar. Quantitative and typological linguistics. Smolensk, 2006. Vol. 1. 255 p.

2. Silnitsky G.G. Semantic structure of evaluative verbs // Propositional predicates in the logical and linguistic aspect. Moscow, 1987. P. 105-108.

3. Bally Ch. General linguistics and questions of the French language. Moscow, 1955.

4. Koroleva I.A. Subjective and modal assessment in the forms of personal names and its role in a literary text (based on the poetry of A.T. Tvardovsky) // Modality as a semantic universal notion. Kaliningrad, 2010. P. 176 - 180.

5. Chimik V.V. Estimated subjective and modal transformations of words in Russian language // Modality in language and speech: new approaches to learning. Kaliningrad, 2008. P. 34-46.

6. Timofeeva G.E. Implicit subject in “forbidden constructions” (strokes to the speech portrait of a modern linguistic personality) // Russian literary language. Nomination. Predication. Expression. Moscow, 2002. P. 319-323.

7. Koroleva I.A. Evaluation of Russian names and surnames // Assessments and values in modern scientific knowledge. Part 2. Kaliningrad, 2009. P. 61-65.

8. Suprun V.I. Onomastic field of Russian language and its artistic and aesthetic potential: abstract ... Dr. of Filology. Volgograd, 2000. 43 p.

9. Sivtsova A.A. Proper names in the lyrics of N.I. Rylenkova: abstract ... PhD in Philology. Kaliningrad, 2008. 24 p.

10. Silaeva G.A. Anthroponymy of works by A.N. Tolstoy: Textbook for the special course Ryazan, 1986. 81 p.

11. Kovalev G.F. Writer. Name. Text. Voronezh State University, 2004. 340 p.

12. Vinogradov V.V. The style. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow, 1963. 256 p.

13. Skuridina S.A. Poetics of the names in F.M. Dostoevsky’s works (based on the novels “The teenager” and “The Karamazov brothers”). Voronezh, 2007. 302 p.

14. Koroleva I.A. Modal and estimation potential of proper names in literary text // Category of modality in speech communication. Kaliningrad, 2016. P. 119 - 123.

15. Koroleva I.A. The semiotics of personal names as modifiers of the distance between communicants // *Semantic and discursive language studies: the explicitness / implicitness of the expression of meanings*. Kaliningrad, 2006. P. 212-219.
16. Petrovsky N.A. The dictionary of Russian proper names. Moscow, 1966. 384 p.
17. Selishchev A.M. The origin of Russian surnames, proper names and nicknames // *Selected works of A.M. Selishchev*. Moscow, 1968. P. 97-128.
18. Tvardovsky A.T. *Selected works*. Moscow, 1981. 671 c.
19. Makedonov A.V. *Essays on Soviet poetry*. Smolensk, 1960. 344 p.
20. Tvardovsky A.T. *Collected works in 3 vols. Vol.1*. Moscow, 1990. 495 c.
21. Tvardovsky A.T. How was written "Vasily Terkin" (Reply to readers) [Text] / A.T. Tvardovsky // *A.T. Tvardovsky. Selected works*. Moscow, 1981. P. 619-655.

УДК 811.161

Воронежский государственный педагогический университет
доцент кафедры общей и социальной педагогики
кандидат педагогических наук, доцент
Заварзина Л.Э.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-960-118-19-83
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Voronezh state pedagogical University
associate Professor of General and social pedagogy
candidate of pedagogics
docent
Zavarzina L.E.
Russia, Voronezh, tel. 8-960-118-19-83
e-mail: lyubovzavarzina@mail.ru

Л.Э. Заварзина

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Автор анализирует публицистические произведения Л.М. Леонова, созданные в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Обращение к этим текстам особенно актуально в год памяти и славы, каковым является 2020 год, – год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. «Без изучения прошлого нельзя наметить столбовой дороги и в наше завтра», – справедливо отмечал Л.М. Леонов (1899-1994) – крупный русский, глубоко национальный писатель, лауреат Ленинской премии. В статье рассмотрена специфика публицистического жанра, его актуальность в годы грозного лихолетья, подчеркнута обусловленность стиля от мироощущения и миропонимания писателя, темы и идеи произведения. Каждая фраза, каждое слово Леонова-публициста воздействует и на ум, и на чувства читателя, будит мысль, будоражит совесть. Это происходит потому, что публицистические произведения Л.М. Леонов создавал не на основе чужих отчетов или корреспонденций, сидя в кабинетной тиши, а благодаря собственным наблюдениям, полученным во время поездок на фронт в качестве военного корреспондента, бесед с красноармейцами и командирами. Он, в частности, выступал с чтением своих произведений перед солдатами и офицерами частей 1-го Украинского фронта, присутствовал в зале суда над фашистскими преступниками в Харькове, работал на Международном военном трибунале в Нюрнберге. За корреспондентскую деятельность писатель был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. В статье приведены примеры использования Л.М. Леоновым лексико-фразеологических, синтаксических средств и средств художественной выразительности, «работающих» на идиостиль писателя.

Ключевые слова: Л.М. Леонов, Великая Отечественная война, публицистика, идиостиль, патриотизм, гражданственность, историческая память, средства художественной выразительности.

L.E. Zavarzina

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF MILITARY JOURNALISM BY LEONID LEONOV

The author analyzes L.M. Leonov's publicistic works created during the great Patriotic war (1941-1945). The appeal to these texts is especially relevant in the Year of memory and glory, which is 2020 – the year of the 75th anniversary of Victory in the great Patriotic war. "Without studying the past, you can't map out a post road to our tomorrow," L.M. Leonov (1899-1994), a major Russian, deeply national writer, winner of the Lenin prize, rightly noted. The article examines the specifics of the journalistic genre, its relevance in the years of terrible hard times, and emphasizes the dependence of the style on the writer's attitude and worldview, the theme and idea of the work. Every phrase, every word of the publicist Leonov affects both the mind and the feelings of the reader, awakens the thought, stirs the message. This is because the publicistic works of L.M. Leonov created not on the basis of personal reports or correspondence, sitting in the silence of the office, but thanks to his own observations, obtained during trips to the front as a war correspondent, conversations with red army soldiers and commanders. In particular, he read his works to soldiers and officers of the 1st Ukrainian front, was present in the courtroom of Nazi criminals in Kharkiv, and worked at the Inter-

national military Tribunal in Nuremberg. For his work as a correspondent, the writer was awarded the order of the Patriotic war, 1st class. The article provides examples of L.M. Leonov's use of lexical-phraseological, syntactic and artistic expression tools that "work" on the writer's idiosyncrasy.

Key words: L.M. Leonov, the Great Patriotic war, journalism, idiostyle, patriotism, citizenship, historical memory, means of artistic expression.

Память о Великой Отечественной войне священна. Но память – это прежде всего знание. Большой объем достоверных сведений наш современник может получить из средств массовой информации, издававшихся в годы грозного лихолетья.

Публицистика военных лет – это уникальная летопись героической борьбы с сильным и коварным врагом, это отражение непрерывного движения наших соотечественников к Победе. Читатели с нетерпением ждали свежих номеров «Правды», «Известий», «Красной звезды», чтобы прочитать яркие статьи, интересные очерки, жгучие памфлеты, захватывающие рассказы, написанные настоящими мастерами художественного слова. А. Толстой, И. Эренбург, Л. Леонов, М. Шолохов, Н. Тихонов, Б. Горбатов, Б. Полевой и другие писатели в страшные периоды отступления, крупных потерь и лишений метким, образным, острым словом вселяли в читателей веру в свои силы, рассказывали о беспримерных ратных подвигах воинов, о проявлении мужества, стойкости, бесстрашия гражданским населением. Они объясняли адресату политическую ситуацию, сущность фашизма, информировали его о произошедших событиях, аргументировали свои оценки, призывали читателя к действию.

Писатели с ненавистным, лютым врагом боролись сильным, выразительным, по-настоящему боевым, действенным словом. Они пробуждали у советских людей высокие патриотические и гражданские чувства, «с благоговейной нежностью» повествуя о наших соотечественниках, которые «сложили свои жизни к приножью великой матери». Эту функцию военной публицистики отметил Л. Леонов: «Какой могучий призыв к подвигу, мужеству и мщенью заключен в каждодневном шелесте газетного листа!» [1, с. 90]. Писатели разъясняли идеологию нацизма, обнаруживали подлинное лицо устроителей «нового порядка», учили непримиримо относиться к фашизму. Публицистический жанр бил, как тогда говорилось, прямой наводкой по врагу. Писатели и журналисты в годы Великой Отечественной войны обращались к разным категориям читателей, среди которых были командиры и бойцы Красной Армии, труженики тыла, жители и защитники блокадного Ленинграда, партизаны Брянщины, Украины и Белоруссии, женщины, дети, люди старшего поколения. Они рассказывали неприглядную правду о войне, поддерживали в народе веру в победу над врагом, уверенность в его разгроме, тепло беседовали о родине, о выдающихся соотечественниках, призывали к стойкости, мужеству, упорству, преданности отечественным идеалам.

Без чтения публицистических текстов, созданных в годы военного лихолетья, молодое поколение XXI века не сможет выработать объективного взгляда на историю великой войны.

Крупным мастером военной публицистики выступил Л.М. Леонов (1899-1994). К началу Великой Отечественной войны он был уже признанным писателем. Среди его довоенных произведений романы («Барсуки», «Соть», «Вор», «Скутаревский», «Дорога на Океан»), повести («Белая ночь», «Саранчуки» и др.), пьесы, рассказы. У литератора сформировалась собственная художественная картина мира, выработался стиль изложения, появился свой, думающий, читатель. Оценки довоенных читателей о творчестве прозаика, которые привел в своем биографическом исследовании о Л.М. Леонове Захар Прилепин, звучали в основном так: читая книги Леонова, начитаешь думать о многом, даже не имеющем прямой связи с темой произведения. «Книга рождает бодрые мысли. Достоинство книги в том, что она ставит проблему, недостаток ее – в том, что она ставит слишком много проблем» [2, с. 259].

Эта манера письма, этот идиостиль, конечно, характерны и для публицистики писателя. Литературовед О. Михайлов об этом общем подходе к написанию художественных и публи-

цистических произведений заявил так: «Мышление Леонова – художника и публициста – едино в своей глобальной устремленности» [3, с. 596]. Публицистика адресована прежде всего мыслящему читателю, гражданину, патриоту. Полагаю, что идея, объединяющая все статьи военного времени, отражена в реплике Федора Таланова, героя пьесы «Нашествие», созданной в этот же период: «Я русский. Защищаю родину».

Л.М.Леонов – глубоко национальный писатель. И этим, подчеркивал В. Чивилихин, определяется многое: «Книги Леонова дышат Россией, в них живет наш могучий и свободный язык, в них – склад и толк русского ума, сложность, доброта и энергия чисто русских характеров... в них отражаются нелегкие судьбы народные, наша тысячелетняя история. Чувство неотделимости от русского народа пропитывало и цементировало все слова, которые когда-либо были сказаны или написаны Леонидом Леоновым» [4, с. 256]. Это верное замечание собрата по цеху имеет прямое отношение и к публицистике Л. Леонова.

Военную публицистику Л.М. Леонова можно рассматривать как некий единый текст, как цельное произведение, главной темой которого является «Отечественная война», а идеей – «Победа над завоевателями». Организующий центр этого текста – творческая личность автора, ее аксиологические установки, идейно-эстетические позиции. Автор, как создатель текста, преобразует, эстетически трансформирует и варьирует средства языка, пользуется им как тончайшим инструментом в выражении своих взглядов и оценок. Таким образом, согласно Ю.Н. Караулову, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [5, с. 27]. Языковая личность, подчеркивал исследователь, «начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы» [Там же, с. 36]. Интеллект, знания, тезаурус личности обуславливают также языковую образность.

Уже в первые дни войны писатель почувствовал свою сопричастность к тому, что происходит с его Родиной. Это чувство в совокупности с любовью к родной земле и долгом подвигло писателя к публицистическим выступлениям. Он осознал, что ему есть, что сказать народу и армии. Названия статей, созданных в самом начале жестокого противостояния, говорят сами за себя: «Вставайте, народы!», «Что ты сделал для победы», «Наша борьба священна», «22 июня 1941 года».

В военной публицистике проявилась индивидуальная манера речи Л.М. Леонова, его стиль, стиль человека-творца, писателя, философа, общественного деятеля. «Знания, факты и открытия, – писал Ж.Л.Л. Бюффон, – легко отчуждаются и преобразовываются... эти вещи вне человека. Стиль – это сам человек. Стиль не может ни отчуждаться, ни преобразовываться, ни передаваться» [Цит. по: 6, с. 495]. Исследование стилистических особенностей текстов Л.М.Леонова позволит более полно представить его языковую личность.

Интересен и поучителен анализ словаря языковой личности, прежде всего ее ключевых слов, так называемых идеологем – семантико-тематических обозначений духовных ценностей. Ключевые слова каждой исторической эпохи, справедливо уточнял Р.А. Будагов, неотделимы от культуры определенного времени, общественно-политической жизни страны, трудовой деятельности населения, создавшегося общественного мнения и т.д. «Язык, – писал он, – своими путями, внешне порою не очень заметными, становится вровень с современной культурой. И в этом постоянном движении языка немаловажная роль принадлежит словам-ключам каждой исторической эпохи» [7, с. 395].

Ключевыми словами военной публицистики Л.М. Леонова являются: *русский* (как субстантив и как определение), *Россия* (*Русь*), *родина*, *отечество*, *мать*, *Москва*, *человек*, *жизнь*, *народ*, *вера*, *освобождение*, *память*, *победа*, *подвиг*, *правда*, *бессмертье*, *война*, *история*, *смерть*, *фашизм*, *Германия*, *Гитлер*.

Приведем некоторые из этих слов в контексте.

«Подымись во весь свой рост, гордый *русский* человек, и пусть содрогнутся в мире все, кому ненавистна *русская* речь и нетленная слава *России!*» [1, с.125].

«Победу нужно начинать немедленно и с главного: убивать убийц, поднявших руку на священные права *Человека*» [1, с.110].

«Родина скорбит о павших, но забвенья никогда не поглотит *памяти* об этих лучших из ее детей» [1, с.91].

Ключевой стилистической фигурой, используемой Л.М.Леоновым, является антитеза. Контраст, резкое противопоставление понятий, положений, образов, состояний и т.п. обусловлено содержанием военной публицистики, ее основной темой. Во-первых, писатель противопоставлял гармонию, царившую в природе, социальному злу, которое породила фашистская Германия. Это хорошо видно из начальных строк статьи «Наша Москва»: «Русская зима вступает в свои права. Ровный чистый снег ложится на поля... но чужим поганым следом затоптаны нынче дороги к милой столице» [1, с. 83]. Во-вторых, антагонистичен сам характер войны: захватническая и освободительная. Анализируя исход войны, Л.М. Леонов писал, что «мы победили потому, что добра мы хотели еще сильнее, чем враги наши хотели зла. Германия расплачивается за черный грех алчности, в который вовлекли ее фюрер и его орава. Они сделали ее своим стойлом, харчевней для жратвы, притоном для демагогического блуда, станком для экзекуций, плац-парадом для маньякальных шествий...» [1, с. 184]. Мы победили потому, что войну вели освободительную. «Мы люди простые, рабочие. Освободительная война для нас – почетный, тяжкий и опасный труд» [1, с. 196].

Для Л.М. Леонова характерно противопоставление русского человека (чаще всего писатель употреблял определение (или субстантив) *русский* человек, а не *советский*), сражающегося на фронте или трудящегося в тылу, людям других государств. Посредством антитезы писатель утверждал, что только наши соотечественники, в отличие от жителей других стран, обладают высокими нравственными качествами, особой выносливостью, беспримерным героизмом. Он, в частности, подчеркивал, что «наши вчера еще незаметные люди» «дерутся за родину так, как никто, нигде и никогда не дрался: вспомните черную осень 1941 года!..» [1, с. 107]. «Самое железо корчится от боли на полях России, но не русский человек», – с гордостью заявлял Леонов [1, с.117]. Весь свет, замечал он, «дивится нынче закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия. Нет такой человеческой стали нигде на Западе. И в мире нет такой. Она изготавливается только у нас» [1, с.91].

Безмерная любовь к своему Отечеству породила сильное противоположное чувство: наши люди «ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь, – ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения» [1, с.117]. Такой жгучей ненавистью к врагу не обладают жители других государств: быстрое продвижение по Европе фашистских полчищ подтвердило этот факт.

Антитезу порождала сама жизнь. Л.М. Леонов в своих статьях документально отражал сложившуюся в ходе Второй мировой войны ситуацию: до открытия второго фронта противником Гитлера выступал только Советский Союз. Об этом так сообщал писатель: «Один на один бьемся мы с бедой, грозящей всему свету. Все умное и живое, затаив дыхание, следит за эпизодами беспримерной схватки, потому что здесь решается судьба человечества: оставаться ему свободным или, утратив все, с арканом на шее пойти в арьергарде свирепых фашистских орд» [1, с. 83]; «Народ мой словом и делом проклял этот подлейший замысел дьявола. Народу моему ясно, что, если бы не было пушек мира, следовало бы голыми руками расшвырять это бронированное гнездо убийц. И я люблю мать мою Россию за то, что ум и сердце ее не разъединены с ее волей и силой... за то, что, гордая своей правотой, она идет впереди всех народов на штурм пристанища зла. <...> ... сегодня Родина моя становится духовной родиной всех, кто верит в торжество правды на земле!» [1, с. 117].

Разоблачая сущность фашистской идеологии, проповедующей превосходство арийской расы, Леонов также не мог обойтись без противопоставления. Он, в частности, писал: «Не бывать на свете нациям господ, потому что нет и наций-служанок» [1, с. 130].

Значительные успехи Красной Армии, ее мощное продвижение в западном направлении давало право Л.М. Леонову утверждать, что «слово русский звучит сегодня как освободитель на всех языках мира». А «слово германец ... приобрело значение угнетателя на всех наречиях земли» [1, с. 130, 131]. Писатель аргументированно объяснял, чем обусловлено это противопоставление: «Не обширностью воровских налетов на мирные города, не количеством расстрелянных детей, не замысловатостью содеянных преступлений измеряется величие народа, а человечностью его духовных взносов в сокровищницу мировой культуры и прежде всего действенной решимостью защищать ее до последней кровинки – и своими собственными руками» [1, с. 130]. Не мог писатель пройти мимо антитезы *Гитлер – здравомыслящие, честные, добропорядочные люди*: «Пора уходить, полно тебе торчать на сцене, презренный, освищенный балаганщик! Миллиард честнейших людей нетерпеливо ждет, когда ты уляжешься наконец в яму с хлорной известью, Гитлер» [1, с. 131]. Употребленная писателем сниженная лексика, с помощью которой он характеризовал фюрера, усиливает противопоставление.

Человеку свойственно не только противопоставлять, но и сопоставлять, находить в различных ситуациях, предметах, явлениях, обстоятельствах что-либо общее, тождественное. Советский красноармеец не внеисторический феномен, он органически связан с героями прежних эпох. Наши былинные персонажи Микула да Вольга, Колыван да Дунай Ивановичи, «исполин Святогор», «оберегатель Русской земли Илья Муромец» всегда рядом с ним, в его сердце. Но не только былинные богатыри сопровождают русских бойцов в их ратном труде. «С вершин истории смотрит ... песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою» [1, с. 123]. В трудную минуту, советовал Леонов красноармейцу, «спроси у них, этих строгих русских людей», «и они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества». Не удивительно, что современные ратники так же храбры, мужественны, сметливы, как и их предки. В этой общности наша сила.

Великая Отечественная война носила народный характер, весь народ сплотился, выступив единым фронтом против сильного врага. Поэтому когда Леонов писал об одной художественной выставке, проходившей в Москве, но на которой были представлены работы ленинградских художников и скульпторов, он никоим образом не противопоставлял Москву и Ленинград (Петербург), несмотря на то, что он прекрасно знал, что в русской литературе исторически сформировалась антитеза *Москва – Петербург*.

Л.М. Леонов нашел уникальное и верное определение для обеих российских столиц: Москва и Ленинград, город-мать и город-сын. Эти нераспространенные приложения, конечно, отличаются от сотен имеющихся самых разнородных философских и политических определений Москвы и Петербурга. В них лаконично и ёмко выражено взаимоотношение, которое бывает между матерью и сыном. Пожалуй, кроме Л.М. Леонова никто из авторов, писавших о Москве и Петербурге, не видел таких «родственных» в хорошем смысле слова отношений между этими городами. В статье «Документы, сделанные кистью» писатель создал настоящий гимн Ленинграду (Петербургу), в котором подчеркнул беспримерную красоту его архитектуры, его светлые беззакатные вечера, его романтическую фантастику, царственность его площадей и улиц. «Десять русских императоров руками величайших зодчих воздвигали и холили этот многокилометровый памятник всесторонней русской деятельности», подчеркивал он. Здесь творили Пушкин, Достоевский, сюда приезжал «из недр России в скрипучем овчинном полушубке» Лев Толстой, «чтобы сверить замысел с оригиналом». В этой вековой каменной книге России, заключил Леонов, нет ни одной пустой страницы. «И каждая песчинка из ленинградской мостовой доро́га нам как родительское благословение на жизнь и подвиг». Ленинградские художники запечатлели этот город-красавец, полонивший «своими

чарами всю русскую музыку и литературу», во время блокады. Вот, «весь в сугробах, расплывчатый и мглистый, бесконечный проспект, и, как маяк ампириной красоты, высится вдали прославленная Адмиралтейская игла... Вот распахнутый взрывом дом на фоне бесстрастной громады св. Исаакия. Вот «Александрийский столп» Пушкина перед Зимним дворцом, одетый от бомбежек в деревянную одежду» [1, с. 87-88].

Интересно в качестве сравнения обратиться к леоновскому описанию Москвы: «Москва! На картах мира нет для нас подобного, наполненного таким содержанием слова. Возможно, со временем возникнут города на земле во сто крат многолюдней и обширней, но наша Москва не повторится никогда. Москва – громадная летопись, в которой уместилась вся история народа русского. Здесь созревало наше национальное самосознание. Здесь каждая улица хранит воспоминанья о замечательных людях, прославивших землю Русскую. Здесь были встречены и развеяны во прах многие бедствия, которыми история испытывала монолитную прочность Русского государства. Отсюда народ русский в сопровождении большой ми многоплеменной семьи народов двинулся в свое будущее» [1, с. 83].

Для Леонова Москва – стратегический город, который ни за что не должен быть отдан врагу. Поэтому автор подчеркивал историческое значение Москвы, ее роль в создании Русского государства. Эта характеристика Москвы военного времени, которая, разумеется, заметно отличается от описания древней столицы, сделанного в мирную, спокойную пору.

Идиостиль художественного произведения проявляется в процессе текстопорождающей и эстетической деятельности языковой личности. Автор, создавая произведение, отдает предпочтение тем или иным лексико-фразеологическим средствам, синтаксическим конструкциям, выразительным возможностям языка. Этот выбор языковых средств обусловлен целью, мотивами общения, взглядами, интересами, личностными пристрастиями автора. В подобном отборе видное место занимает стилистически окрашенная лексика, способная усилить определенную оценку, произвести художественно-эстетический эффект, подчеркнуть авторскую установку. В этом случае, отмечает В.В. Леденёва, имеет место не эксплицитная, а имплицитная форма передачи информации, которая отражает «именно субъективно-личностный аспект» [8, с. 39]. Подобные примеры богато представлены в военной публицистике Л.М. Леонова.

Сниженную лексику писатель употреблял преимущественно в отношении врагов. Приведем некоторые примеры: *домушники, мокрое дело, фомки, балаганичик, пададь, державка* (от держава с уничижительным суффиксом), *пирушка, ублюдок, пожрать, тухлый, втихомолку, ломиться, вонючий, мерзавцы, каналы, разбой, шпана, человеко-жаба, гаденок, рожки, упыри, трупоед, ихний, собачья душонка, жратва, притон, блуд, огрызаться, харчевня, пошляки, оплеуха* и др.

Конечно, только сниженная лексика стала основой синонимического ряда, доминантой которого является лексема *фашисты*: *орава, убийцы, громилы, дикари, орда, каратели, гитлеровские удалцы, прохвосты, каналы, шакалы, воронье* (о людях) и др.

Сниженная лексика участвует в создании многочисленных перифраз, в различных определениях, данных врагу, войне, Гитлеру. Фашизм, например, по мнению Л.М. Леонова, – «выдумка дикаря, помесь насекомого со скучным, мещанским немецким чертом, но прежде всего он все-таки свинья... Много добротного металла всадили мы в этого кабана с обеих сторон, а он еще огрызается на своих загонщиков!» [1, с. 186-187] или «гнуснейший из заболеваний человеческого общества» [1, с.158]. Войну же он определял так: «безглазое и сторукое чудовище, и каждая рука шарит свою добычу...» [1, с.110].

Следует отметить, что для леоновской публицистики вообще характерно употребление перифраз. Приведем некоторые примеры:

Ленинград – самый красивый город на земле; беспримерная академия архитектуры; Северная Флоренция; многокилометровый памятник всесторонней русской деятельности; толстая каменная книга России; город-красавец, полонивший своими чарами всю русскую музыку и литературу.

Россия – оплот добра и правды на земле.

Война – основной недуг Земли; дело истребления; завеса сплошного огня и стального ливня; большая ночь; грозное несчастье; исполинская схватка; свирепое лихо; вселенская бойня.

Фашисты – человекообразные существа; гитлеровское чудовище; гитлеровская орда; гитлеровские посланцы; гитлеровские прохвосты; фашистские гомункулы, выведенные в смрадной гитлеровской яме; красномордые гитлеровские апостолы; чугунное Идолище Поганое; Гитлер и его банда.

Гитлер – австрийский маляр и мастер мокрого дела; подлый и низменный невежда; железный болван; тупой немецкий фельдфебель; политический ублюдок, изучивший пару жалких книжонок, – наставление по окраске квартир да руководство к разведению племенных свиней; зверь с квадратными усиками и юркими рысьими ноздрями; прилично одетый господин, мастер кнута и душегубок; убийца народов.

Для реализации эмоционально-оценочной функции Л.М.Леонов часто обращался к нераспространенным приложениям. Вот некоторые примеры: произведения-раны, произведения-улики, город-мать, город-сын, города-берлоги, юноша-красноармеец, нация-служанка, города-пустыни, человеко-жаба, эрзац-человек и др.

Разумеется, наряду со сниженной лексикой Л.М.Леонов использовал и высокую. К ней он обращался, когда речь шла об отечественной истории, о героях Великой Отечественной войны, о победе, о будущем нашей страны. Примером служат такие, в частности, слова и обороты: *суровые и непреклонные пращурь, беззаветные свершения, отечество, могучие воины, овеванные славой соратники, хоругви предков, праматерь, цитадель гуманизма, тайны мирозданья, светоносные герои, племя богатырей, торжество правды, пристанище зла, тризна, скорбная повесть, поступь Великого Гнева, отмщение* и др.

Не менее часто, чем к антитезе, Леонов-публицист обращался к сравнению. С помощью этого вида тропа он передавал свое отношение к теме и главной мысли выступления. Он использовал как развернутые сравнения, так и односложные. Вот, к примеру, интересное образное сравнение: «Как и четыре месяца назад – конца войне не видно. Больше того, владеть сегодня Европой – это все равно что владеть пороховым погребом, где под ногами бегут и тлеют искры. Напрасно враг пытается трупами своих солдат завалить пропасть, отделяющую гитлеровскую Германию от победы: бездонна эта расщелина смерти!» [1, с. 84]. А вот еще одно сравнение, связанное с жизнью русского народа. Народ сравнивает гитлеровское чудовище с лесным зверем, которого рогатиной встречали бывалые русские богатыри. Известно, что даже когда лезвие уходило глубоко в тело зверя, он, не замечая боли, продолжал сопротивляться, сознавая чутьем, что остановка – это смерть. Только отчаянье становится движущей силой его нападения. «В эту решительную минуту – выдержит ли, выдюжит ли русская рука?» – спрашивал автор. Ответ был очевиден: конечно, выдержит, выдюжит [Там же]. В следующем примере сравнение выполняет оценочную функцию, оно также делает текст эмоционально насыщенным, экспрессивным: «Что же сказать вам, освободители Харькова? Дрались, как львы? Мало! Как орлы, когтили вы вражескую нечисть на поле боя? Мало!.. Вы бились, как деды ваши, прославленные герои былин и песен, которые поете вы сами» [1, с. 127].

Вот еще некоторые примеры: «Грозен и прекрасен летчик Гастелло, который крылатым телом своим, как кинжалом, ударил в гущу вражеской колонны» [1, с. 91]; «... честный, простой, как небо родины, взор партизана Володи Куриленко» [1, с. 92]; «Через внимание суда неторопливо проплывают страдальческие судьбы смежных с Германией государств, которые Гитлер, как подосиновики в роще, сбирал в грабительскую кошелку рейха» [1, с. 225]; «...напорвшись глазами на эту женщину, [пленный немец] отшатнулся, как от улики» [1, с.

159]; «Разъяренные фашистские каналы <...> кидали детей в яму, ухватив за руку и развертев над головой, как лягушат...» [1, с. 145].

Для синтаксиса Л.М.Леонова характерно употребление риторических вопросов, обращений, инверсий. Есть у него интересные примеры использования парцелляции. Однако особую выразительность текстам Л.М.Леонова придают анафорические сложные синтаксические целые, в которых самостоятельные предложения соединены между собой параллельной связью. Синтаксический параллелизм предложений в анафорических сложных целых (микротекстах) подчеркивается и усиливается параллелизмом лексическим. Действительно прав критик (В.Щербина), когда заметил, что «статьи Леонова отличаются не только страстностью гражданского чувства, но и художественной выразительностью». Прекрасно иллюстрирует это утверждение первое открытое письмо «Неизвестному американскому другу».

Образование второго фронта против фашистской Германии во Второй мировой войне постоянно откладывалось. Американцы и англичане занимали выжидательную позицию, им было важно узнать, чем закончится противостояние *Гитлер – Сталин*. Они, конечно, хотели прежде всего удовлетворить свои собственные интересы в этой войне, вовремя примкнув к потенциальному победителю. Поэтому второй фронт был открыт США и Великобританией лишь в июне 1944 года, когда Красная Армия уже одержала ряд крупнейших побед и продолжала успешно громить злейшего врага, изгоняя его с родной земли и вплотную пододвигая к границам Советского Союза. Работу, связанную с открытием второго фронта вели не только военные и дипломаты, но и писатели, общественные деятели. Первое письмо «Неизвестному американскому другу» для американского радио Л.М. Леонов написал еще в августе 1942 года. Оно было передано через Совинформбюро. В 1943 году в журнале «Знамя» было опубликовано второе письмо «Неизвестному американскому другу».

Писатель, обращаясь к рядовому американцу, стремился объективно рассказать ему об ужасах войны, «облика которой не могли представить себе даже самые мрачные фантасты, – им материалом для воображения служила наивная потасовка 1914 года» [1, с. 104]. Гитлер идет на штурм мира. Вена и Прага, Варшава и Белград, Афины и Париж... И если бы не Россия, акцентировал Леонов, «он был бы сейчас на самом вершине цитадели».

Писатель рассказывал американцам о героизме советских людей, об их мужестве и стойкости, об их любви к родине. Вот пример микротекста, тема которого – «Люди-великаны», а его максимальная экспрессивность достигнута синтаксическим параллелизмом предложений, усиливающимся анафорическими подлежащими:

«Какими великанами оказались наши вчера еще незаметные люди! Они возмужали за эти годы, – страдания умножают мудрость. Они постигли необъятное значение этой воистину Народной войны. Они дерутся за родину так, как никто, нигде и никогда не дрался: вспомните черную осень 1941 года!.. Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавать сталь, – ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения» [1, с. 107].

Первое предложение этого сложного целого – зачин – вводит читателя в тему размышления автора, в последующих – доказываемая справедливость утверждения. В них – прямой порядок слов, анафорически употребленное подлежащее и простое глагольное сказуемое, с той лишь разницей, что во втором и третьем предложениях сказуемые – глаголы прошедшего времени (*возмужали, постигли*), а в четвертом и пятом – глаголы настоящего времени (*дерутся, ненавидят*). Повторяющееся местоимение *они* в параллельных предложениях помимо функции грамматической связи между предложениями способствует экспрессивности речи.

С возмущением писал Л.М. Леонов в этом письме о зверствах фашистских молодчиков в нашей стране. Может быть, задавался он вопросом, за океаном не знают правды о войне, может быть, там думают, что война «свирепых фашистских орд», «убийц и громил», «человекообразных существ» с советским народом не слишком кровопролитна, может быть, газетные описания палаческих ухищрений преувеличены? «Сообщи мне адрес, – писал Леонов,

– и я пошлю тебе фотографии расстрелянных, замученных, сожженных». О том, что увидит на фотографиях-документах американский друг, говорить спокойно нельзя. Слово писателя приобретает огненную меткость, речь его взволнованна. Не последнюю роль в создании экспрессивности этого микротекста сыграли анафорически употребленные главные члены предложения.

«Ты увидишь, – писал Л.М. Леонов, обращаясь к заокеанской аудитории, – ребяташек с расколотыми черепами, женщин с разорванной утробой, девственниц с вырезанной после надругательства грудью, обугленных стариков, никому не причинивших зла, спины раненых, где упражнялись на досуге резчики по человеческому мясу... Ты увидишь испепеленные деревни и раскрошенные города, маленькие братские могилы, где под каждым крестиком лежат сотни, пирамиды исковерканных безумием трупов... Керченский ров, наконец, если выдержат твои очи, увидишь ты! Ты увидишь самое милое на свете, самое человеческое лицо Зои Космодемьянской, после того как она, вынутая из петли, целый месяц пролежала в своей ледяной могиле. Ты увидишь, как вешают гирляндой молодых и славных русских парней, которые дрались и за тебя, мой добрый друг, – как порют русских крестьян, не пожелавших склонить своей гордой славянской головы перед завоевателями, – как выглядит девушка, которую осквернила гитлеровская рота...» [1, с. 107].

В плане художественного мастерства интересен очерк Л.М. Леонова «Твой брат Володя Куриленко» (1942), пронизанный необычайной эмоциональной силой. Начало очерка написано исключительно высоким стилем. Здесь размышления автора о мужестве и героизме современников, об их безграничной любви к родине. Далее – рассказ о юном партизане-герое – Владимире Тимофеевиче Куриленко, голубоглазом, русоволосом русском семнадцатилетнем юноше, сыне учителя на Смоленщине.

Л.М. Леонов познакомил читателя с биографией Володи Куриленко, рассказал о том, что уже в августе 1941 года он самостоятельно организовал партизанский отряд из ребят своего селения и руководил им. На счету юных мстителей много различных боевых операций: крушение вражеских эшелонов с живой силой и товарных составов; сообщение землякам правдивой информации, услышанной ночью по радиоприемнику, тайком установленному; налаживание связи с Красной Армией и выполнение разведывательных заданий для нее; ликвидация случайно встретившегося противника и др. Автор очерка, обратившись к современнику, просил его сердцем патриота почувствовать, глазами брата прочитать скудные записи из партизанского дневника за март и апрель 1942 года, в которых отражена хроника военных будней партизанского отряда. Леонов отмечал, что в этих записях, конечно, ничего нет о стремительной дерзости, об искусстве преодоления самых, казалось бы, непреодолимых препятствий, об особенностях партизанской жизни. Поэтому он, хорошо понимая специфику публицистического жанра, видел органическую связь описываемой действительности с ее авторской обработкой и уровнем восприятия читателями, художественно представил несколько протокольных записей. У него получилось подробное, образное, воздействующее на чувства читателей, повествование о жизни партизанского отряда. В нем – диалоги юных бойцов, размышления командира Куриленко, описание некоторых боевых эпизодов, родная природа как помощница действий партизан и, конечно, лирические отступления. Вот маленький пример:

«Снова отправились в путь партизаны, и опять их было трое, с Володей Куриленко во главе. Теперь они свою взрывчатку заложили под железнодорожное полотно и терпеливо ждали, как ждет рыболов своей добычи на громадной и безветренной реке.

Сбивчивые стуки пошли по рельсам, – земля подсказывала на ухо партизану:

– Пора!

Володя выждал положенное время и крутнул рукоятку заветной машинки. И тихий русский вечер по-медвежьи, раскоряко, встал на дыбы и черную когтистую лапу взрыва об-

рушил на вражеский эшелон. Гаркнула тишина, и вагоны с их живой начинкой посыпались под откос, вдвигаясь один в другой, как спичечные коробки... И где-то невдалеке трое юношей, исполнители казни, сурово наблюдали эту лютую окрошку из трехсот фрицев.

– Люблю большую и чистую работу, – сквозь зубы процедил Владимир Куриленко и повернулся уходить [1, с.100].

К сожалению, в неравном бою с немецким карательным отрядом, охотившимся за партизанами, Володя Куриленко был смертельно ранен. «Не долго жил, да славно умер», – напомнил писатель древнюю русскую поговорку и подчеркнул: «Он умер за семь месяцев до своего совершеннолетия». На высокой эмоциональной ноте завершил Леонов этот героико-патриотический очерк, набатно прозвучавший по всей стране: «Для того ли родина любовно растила тебя, Володя Куриленко, чтоб сразила пуля гитлеровского подлеца? Прощай! Отряд твоего имени мстит сейчас за тебя на Смоленщине. На великой и страшной тризне по нашим павшим братьям мы еще вспомним, вспомним, вспомним тебя, Володя Куриленко!» [1, с. 102].

Критики подчеркивают, что «несокрушимой тысячелетней верой» в свой народ сильна публицистика Л.М. Леонова. Она впитала в себя патриотические традиции и исторические аналоги. Для стиля Леонова-публициста характерна перегруженность метафорами, изысканными эпитетами, оригинальными перифразами, необычными сравнениями. Эта особенность обусловлена идейно-тематическим содержанием выступления, его воздействием на читателя, а, возможно, и слушателя. Признано, что победа достигалась не только оружием, стратегией военачальников, умело организованными сражениями, но и, а это, пожалуй, главное, – духом народа, его мировоззрением, жизненной философией. Крепость народных убеждений и моральных устоев, самопожертвование при защите родной земли, родного дома делали народ непобедимым. Народное мировоззрение, мировосприятие, миропонимание – основа военной публицистики Л.М. Леонова, в этом ее сила.

Библиографический список

1. Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. Т.10. М.: Худож. лит, 1984. 631 с.
2. Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 569 с.
3. Михайлов О. Примечания // Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. Т.10. М.: Худож. лит., 1984. С.595-622.
4. Чивилихин В. // О Леонове / Ред.-сост. В.Чивилихин. М.: Современник, 1979. С.248-271.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. Степанов Ю.С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С.494-495.
7. Будагов Р.А. Несколько замечаний о «ключевых словах» в истории культуры // Искусство слова: Сб. статей к 80-летию Д.Д. Благого. М.: Наука, 1973. С.392-395.
8. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. №5. С.37-43.

References

1. Leonov L. M. Sobr. works: In 10 vols. V. 10. M.: Hud. lit., 1984. 631 p.
2. Prilepin Z. Leonid Leonov: "His Game was huge". M.: Mol. gvardiya, 2010. 569 p.
3. Mikhailov O. Notes // Leonov L. M. Sobr. works: In 10 vols. V. 10. M.: Hud. lit., 1984. - Pp. 595-622.

4. Chivilikhin V. // About Leonov / Ed. - comp. V. Chivilikhin. M.: Sovremennik, 1979. Pp. 248-271.
5. Karaulov Yu.N, Russian language and language personality. M.: Nauka, 1987. 264 p.
6. Stepanov Yu. S. Style // Linguistic encyclopedic dictionary. M.: Sov. encyclopedia, 1990. Pp. 494-495.
7. Budagov R. A. Several remarks about "key words" in the history of culture // Art of the word: Collection of articles for the 80th anniversary of D. D. Blagogo. M.: Nauka, 1973. Pp. 392-395.
8. Ledeneva V. V. Idiostyle (to clarify the concept) // Philological Sciences. 2001. No. 5. P. 37-43.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'373

*Петрозаводский государственный университет
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Патроева Н.В.
Россия, г. Петрозаводск, тел. +79110517091
e-mail: nvpatr@list.ru*

*Petrozavodsk State University
Head of Department of Russian Language,
Doctor of Philological Sciences, Full Pro-
fessor, Patroeva N. V.
Russia, Petrozavodsk, tel. +79110517091
e-mail: nvpatr@list.ru*

*Петрозаводский государственный университет
старший преподаватель,
кандидат филологических наук
Лебедев А. А.
Россия, г. Петрозаводск, тел. +79095725691
e-mail: perevodchik88@yandex.ru*

*Petrozavodsk State University
Senior Lecturer, Candidate of Philological
Sciences,
Lebedev A. A.
Russia, Petrozavodsk, tel. +79095725691
e-mail: perevodchik88@yandex.ru*

Н.В. Патроева, А.А. Лебедев

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОГО СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ В ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНТЕКСТОВ С АНТРОПОНИМОМ ЛОМОНОСОВ)

Авторы рассматривают роль имен собственных в поэтическом творчестве, опираясь на контексты XVIII-XIX веков с антропонимом *Ломоносов*. В статье описываются атрибуты-ассоциаты, сопровождающие прецедентное имя, а также связанные с ним типичные мотивы. Используемое в работе понятие «ассоциативный ореол» вбирает в себя базовые признаки главного слова – ключевого понятия как его атрибуты, демонстрирующие коннотации и образные приращения смысла и существенно расширяющие его синтагматический потенциал в сравнении с иными типами дискурсов. Ассоциативный ореол опирается, наряду с атрибутикой, на типичные для данного имени мотивы-ассоциаты, участвующие в формировании образно-коннотативной системы прецедентного имени. Вместе с прецедентным именем система выявляемых атрибутов и связанных с ними коннотаций включается в образную концептосферу поэзии. Описываются типичные эпитеты и перифразы, сопровождающие прецедентный феномен в поэзии и участвующие в поэтическом формулообразовании: *великий, славный, почтенный, бессмертный, парящий, Пиндар Холмогора, невец* и др. Мотивы полета, дороги, величия, чести и славы россов включаются в концептосферу прецедентного имени. В завершении статьи делаются выводы, связанные с ролью антропонимов в развертывании категории интертекстуальности.

Ключевые слова: поэтическая ономастика, имя собственное, антропоним, Ломоносов, прецедентное имя.

N.V. Patroeva, A.A. Lebedev

ASSOCIATIVE-IMAGE POTENTIAL OF A PRECEDENT NAME IN POETRY (ON THE MATERIAL OF CONTEXTS WITH ANTHROPONYM LOMONOSOV)

The authors consider the role of proper names in poetic creativity, based on the contexts of the 18th-19th centuries with the anthroponym *Lomonosov*. The article describes the groups of motives and associate attributes that accompany the use case name. The concept of «associative halo» used in the work incorporates the basic features of the main

word - the key concept as its attributes, demonstrating connotations and figurative increments of meaning and significantly expanding its syntagmatic potential in comparison with other types of discourses. The «associative halo» is based, along with attributes, on the typical motives-associates involved in the formation of the figuratively-connotative system of the precedent name. Together with the precedent name, the system of identifiable attributes and associated connotations is included in the figurative conceptual sphere of poetry. Typical epithets and periphrases accompanying the precedent phenomenon in poetry and participating in poetic formula formation are described: *the great, glorious, respectable, immortal, soaring, Pindar Kholmogor, singer* and others. Motives of flight, roads, greatness, honor and glory of the Russian people are included in the conceptual sphere of precedent name. At the end of the article, conclusions are drawn related to the role of anthroponyms in the development of the category of intertextuality.

Key words: poetic onomastics, proper name, anthroponym, Lomonosov, precedent name.

Поэтическая ономастика, в отличие от активно развивающейся в последние десятилетия общей, а также диахронической и синхронной частной ономастики, – область мало изученная: каковы экспрессивно-стилистические и образные потенции онимов, каковы направления и правила их трансформации в лирическом дискурсе? – эти вопросы еще ждут комплексного анализа на материале лучших образцов русской лирики. «Бурный рост антропонимических исследований в последние десятилетия обусловил становление антропонимики как самостоятельной области научного познания и позволил заложить основы этой науки. Но то, что сделано, – только начало, и до идеала – восстановления русской антропонимической системы во всей ее полноте – еще достаточно далеко. Не обследован ряд важных секторов русского антропонимического пространства, по некоторым же другим – материал, находящийся в нашем распоряжении, явно неполон и потому недостаточно осмыслен», – отмечает А.Б. Пеньковский [1; с. 311].

С одной стороны, лирика, по самой своей природе безымянная, превращает «каждый случай индивидуального переживания ... в модель отношений между более или менее обобщенным Я («всяким «Я») и действительностью» [2; с. 84], а потому, по словам Т.И. Сильман, «именно обобщающее местоимение, а не индивидуализирующее имя оказывается ... адекватным лирическому заданию» [2; с. 84]. Личные местоимения заменяют в лирическом роде имена персонажей, и не удивительно в связи с этим, что частотность антропонимов здесь очень невелика. С другой стороны, имена собственные не включаются в словари поэтической речи, за исключением редких пока конкордансов (например, издание [3]) – полных собраний всех словоупотреблений того или иного автора, очевидно, по той основной причине, что лишены понятийного компонента лексического значения, а поэтому возможность появления образных «приращений» у антропонимов и топонимов представляется гораздо более проблематичной, чем даже у самых абстрактных по содержанию нарицательных субстантивов. Однако значение имени собственного включает релевантный с точки зрения ассоциативно-семантического обогащения «национально-культурный компонент» [4; с. 76], так что система имен собственных в концентрированном виде представляет историю культуры каждого народа и вместе с нею демонстрирует образно-символическую структуру этнической картины мира. Кроме того, поскольку в ономастической сфере происходит отождествление слова и именуемого им индивидуального денотата, «непосредственно связанными по своей природе» [5; с. 301] оказываются имя и миф, в силу чего ситуация именованного предмета может рассматриваться как акт ее творения, узнавания, познания. В системе поэтического дискурса, нацеленного прежде всего на оценивание окружающего мира, имена собственные (или онимы) зачастую обрастают разнообразными коннотациями, ассоциациями, что существенно расширяет синтагматику онимов в сравнении с «практической», в терминах ОПО-ЯЗа, речью. Таким образом, «креативность» ономастики и ее тесная связь с национальной картиной мира позволяет сделать предположение о важной роли имен собственных в создании образно-ассоциативных полей (парадигм) поэтического текста.

Целью данной статьи является анализ ассоциативного ореола, сопровождающего прецедентный антропоним в русской поэзии XVIII-XIX веков. Гипотезой исследования является предположение о богатстве ассоциативного потенциала прецедентного имени в лирическом тексте.

Материалом для исследования служила выборка примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Поэтический подкорпус НКРЯ демонстрирует 119 вхождений антропонима на протяжении трех веков, из них 76 приходится на первые два века русской поэзии. Далее поэтические тексты цит. по [6].

Представляется целесообразным начать анализ ассоциативной синтагматики с прецедентного, «знакового» для всей русской культуры имени Михаила Васильевича Ломоносова. Ученый-энциклопедист, поэт, теоретик русского стиха и нормализатор литературного языка, надолго предопределивший магистральный путь развития отечественной словесности и воплотивший в своем художественном творчестве ту особую форму мироощущения, которая была характерна для русского барокко и нарождавшегося уже классицизма, при жизни и после кончины вызывал к себе и к своему творчеству неподдельный интерес среди коллег по поэтическому цеху.

Считаем необходимым предварить анализ ассоциативного ореола выбранного имени некоторыми терминологическими и методологическими уточнениями:

1. под прецедентным именем понимается ключевое, широко известное в рамках данной культуры существительное, участвующее в формировании когнитивно-концептуальной сферы ее носителя – этноса; к сфере прецедентных имен «персоносферы» (термин используется, напр., в работе [7]) русской и мировой культуры, без сомнения, может быть отнесен антропоним *Ломоносов* (опыт анализа данного прецедентного имени на материале медиаресурсов см. в работе [8]);

2. используемое в работе понятие «ассоциативный ореол» вбирает в себя базовые признаки главного слова – ключевого понятия как его атрибуты, демонстрирующие коннотации и образные приращения смысла, а также синтагматические (валентностные) возможности имени;

3. анализ синтагматики антропонима основан на выявлении лексем-ассоциатов как атрибутов, сопровождающих имя; при повторении атрибутов в разных произведениях возможно формирование формульных компонентов, узнаваемых читателем, в силу повторяемости у разных писателей, а также контекстуальных аналогов имени – перифраз, реминисценций и аллюзий; вместе с прецедентным именем система выявляемых атрибутов и связанных с ними коннотаций включается в образную концептосферу поэзии;

4. ассоциативный ореол имени опирается, наряду с коннотативно-образной атрибутикой, на типичные для данного имени мотивы-ассоциаты (М.А. Стешенко утверждает, что «значение прецедентного антропонима равно совокупности его коннотативных признаков, реализованных через прецедентный сюжет» [9; с. 60], между тем, на наш взгляд, применительно к лирическому тексту лишь условно можно говорить не столько о сюжете, сколько о системе мотивов, ассоциирующихся с данным культурно значимым именем); анализ поэтической «концептосферы» (Д. С. Лихачев) прецедентного имени собственного необходимо предполагает выявление данных мотивов, связанных с образной системой лирического текста, с одной стороны, и «семиосферой» (в терминах Ю.М. Лотмана) русской культуры – с другой.

Вокруг имени *Ломоносов* в стихотворных произведениях русских писателей конца XVIII–XIX века, согласно данным, полученным с помощью НКРЯ, выстраивается целый ряд сопровождающих данный им лексем-ассоциатов, выступающих в функции украшающего эпитета и занимающих синтаксическую позицию атрибута (определения или приложения):

Противу Пиндара являлся Пиндар россов,

Краса отечества, бессмертный Ломоносов (М. Муравьев);

О ты, певец преславный россов!
О, несравненный Ломоносов!
Твой слог отменной красоты,
Твоя огромна песнь и стройна (В. Майков);

На Пинде славный Ломоносов... (А. Пушкин).

Имя смелого пропагандиста русской силлабо-тоники и поэта, первенствовавшего в одическом жанре, неизменно сопровождается ассоциатами, объединенными поэтической тематикой (*певец, лирик, творец, преобразитель словесности, философ*):

Почто парящий Ломоносов,
Парнаса русского творец,
Не сплел достойный вам венец? (С. Ширинский-Шихматов).

Есть Пиндар свой у нас, бессмертный Ломоносов,
Творец языка своего... (А. Палицын);

...И сам Ломоносов
Преобразитель словесности нашей... (А. Воейков);

Так мыслил северный мудрец,..
Сердоболящий Ломоносов.
Философ долго был в безмолвьи...
... остроумный Ломоносов,
Спасатель таинств естества! (С. Бобров).

Но еще помянуть непременно надо ...
Славного лирика Ломоносова ... (А. Пушкин).

Поэтический текст содействует функционально-семантическому обогащению слова, в результате чего изменяются также языковая валентность и – нередко – грамматические свойства лексемы. Имя собственное существенно расширяет свои синтагматические возможности за счет «украшающих» атрибутов-эпитетов, которые в сочетании с онимами превращаются в формульные:

Трубою мог звучать великий Ломоносов... (М. Муравьев);

... великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников ... (К. Рылеев);

Перед Шуваловым свой стяг
Склонял великий Ломоносов (А. К. Толстой)

... показал себя он честью россов, -
Таков-то был велик почтенный Ломоносов (В. Майков);

Узнал почтенный Ломоносов ... (К. Батюшков);

...парящий Ломоносов. .. (С. Ширинский-Шихматов);

Парящий Ломоносов... (К. Рылеев).

«Поле» эпитетов дополняется в контексте целого произведения перифразами, создающими устойчивый ассоциативный ореол вокруг антропонима и являющихся его контекстуальными аналогами: «северный мудрец» (С. Бобров), «Парнаса русского творец» (С. Ширинский-Шихматов), «наш звучный Пиндар» (Г. Державин), «Родись вновь Пиндар, царь певцов! Родился ... Ломоносов» (Н. Карамзин); «Пиндар Холмогора» (А. Пушкин), «архангельский мужик» (Н. Некрасов) и т.п. Так формируется интертекстуальный ореол и – одновременно – некий «инвариант ассоциаций» [10; с. 296-300], сопровождающих прецедентное имя в лирическом гипертексте.

Коннотативный ореол прецедентного имени почти никогда не сопровождается иронией, но исключения все же встречаются:

Пусть Ломоносов был умен,
И нас еще умнее;
За пьянство стал бессмертен он,
А мы его пьянее (К. Батюшков)

Имя собственное в условиях художественного контекста оказывается способным к символизации, сопровождаемой синекдохической трансформацией морфологической (одночисловой в системе языка) природы:

Пожалуй, не судите строго:
Ведь Ломоносовых не много (А. Хвостов).

В этих самоиронии эпигона классицизма читатель может уловить аллюзию на известные ломоносовские стихи: «И может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать ...».

Впрочем, форма единственного числа прецедентного онима в сочетании с атрибутом «другой» также способна передавать переносное (метонимическое) значение:

Другой Невтон, и Локк другой,
Или другой здесь Ломоносов
Торжественной стопою внидут... (С. Бобров)

Известное, культурно значимое имя, помимо сочетающихся с ним в контексте атрибутивных лексем, обрастает мотивами-ассоциатами, также участвующими в создании феномена прецедентности. Эти мотивы формируют сферу художественного концепта, моделируя его как «совокупность ассоциативных связей языковых единиц и их значений» [11, с. 31] и высвечивая традицию поэтического использования.

1. Мотив славы и величия:

Когда так станешь петь для утешенья россов,
Как Сумароков пел и так, как Ломоносов,
Великие творцы, отечеству хвала,
И праведную честь им слава воздала (М. Херасков);

... зрелись из россов
Великий тамо Ломоносов,
Державин, Дмитрев, Карамзин (А. Востоков);

... Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов... (А. Пушкин);

И честь и слава россов,
Как диво-исполин,
Палящий Ломоносов ... (К. Рылеев);

Хотя с критических покосов ...
В труху пошел наш Ломоносов
С цветущей славою своей (П. Вяземский).

Здесь обращает на себя внимание регулярное сопровождение имени *Ломоносов* рифмой «росс», наделенной риторически-торжественной коннотацией, восходящей к классицистической оде и поддерживаемой в дальнейшем русскими романтиками.

2. *Мотивы «звона» и «грома»:*

... с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару сподобен... (А. Сумароков);

В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел,
Высоки гимны в слух он россов
В божественном восторге пел (В. Капнист);

Когда торжественно на лире он гремел,
Он гром соединять с приятностью умел ...
И тамо показал себя он честью россов, -
Таков-то был велик почтенный Ломоносов (М. Муравьев);

Поспешно прелетим к богатству слова россов,
Услышим, как гремит витийством Ломоносов:
Он в слове сем открыл неистоцимый клад... (С. Ширинский-Шихматов);

Внимай, как звучно Ломоносов
Здесь славу вечную поет! (Г. Державин);

... Ломоносов
Когда-то лирою гремел (Н. Некрасов).

3. *Мотив парения, высоты, полета над огромным пространством российской державы:*

... с громом звучных струн ...
Уж Ломоносов здесь, меж облаков летая
И яры молнии с росой упоевая,
Нас чрезъестественной мог высотой дивить...
К местам тем возносил он быстрым нас умом...
На геликонский верх, где он пред нами встал... (Я. Княжнин);

Как Ломоносов, Сумароков,
Парил я в мыслях на Парнас... (Д. Хвостов);

Палящий Ломоносов... (К. Рылеев).

Мотивы высоты и гремящей лиры создают реминисценции и аллюзии, отсылающие внимательного читателя к ломоносовским произведениям, в свою очередь продолжавшим пиндаровские традиции. Как отмечает И. З. Серман, «в ломоносовских одах метафора поэтического восторга реализуется в образах движения по вертикали» [12; с. 133]: подъем высоко вверх, взлет на Парнас, позволяющий обозревать обширные пространства родины, постигать прошлое и прозревать будущее. Высота полета и гром лиры как нельзя лучше соответствуют торжественности и «высоте штиля» ломоносовской оды:

Пройдите землю и пучину
И саму высоту небес ...
Не Пинд ли под ногами зрю?
Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой...
Взнесись превыше молний Муза ...
Ты, муза, лиру приими ...
Возникни, вознесись, греми... (М. Ломоносов)

4. «Культурная память» русской поэзии неизменно связывает имя Ломоносова с «приметами» его нормализаторской деятельности в области литературного языка – так, в окружении описываемого онима появляются, например, *мотивы-ассоциаты* «язык», «слог», «письменность», «наука»:

Прекрасный наш язык приял в свое участие
Италианского не мягкость, но согласие:
Он с Ломоносовым гремел и утихал... (М. Муравьев);
...О, несравненный Ломоносов!
Твой слог отменной красоты... (В. Майков);

... се храм, наукам посвященный.
Здесь Ломоносов пел... (М. Муравьев);

Открыл природы храм богатым словом россом
Пример их остроты в науках Ломоносов (Н. Поповский);

... письмен Ломоносов
Там вырастил плоды (М. Муравьев);

Для позора, для допросов
Привели на стыд и срам
Буквы те, что Ломоносов
Завещал когда-то нам... (Д. Минаев).

5. *Мотивы дороги, странствия, морского путешествия и северных земель* связывают биографические аллюзии с традиционно-поэтическими метафорами жизненного и творческого пути и формируют лирический хронотоп:

В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел ... (В. Капнист);

Я блеском обольщен прославившихся россом,

На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь (М. Муравьев);

В отечестве Зимы, среди ее снегов, –
Сказал парнасский бог, – к бессмертной славе россов
Родись вновь Пиндар, царь певцов! (Карамзин);

Тогда, нежданностью дивя полнотный свет,
Рыбак по промыслу, но по душе поэт,
Рожденный средь пустынь и ледяных утесов,
На лире загремел впервые Ломоносов. (В.И. Туманский);

Отец великих, Ломоносов,
Огонь средь холода и льдин,
Полночных стран роскошный сын! (В.К. Кюхельбекер);

... к вечной славе россов
Во хладном севере родился Ломоносов (В. Пушкин);

И Ломоносова дорога
Открыта каждому из вас (Д. Минаев).

В поэтическом дискурсе синтагматика имени собственного оказывается тем богаче, чем ярче этнокультурная память о его носителе. Антропоним с богатым культурно-историческим ореолом способствует формированию категории интертекстуальности, предлагая читателю – эксплицитно (через контекстуальное окружение) и имплицитно (через скрытые аллюзии и пресуппозиции) – уловить диалог разных авторов, текстов, стран, эпох. Кроме того, анализ ассоциативного поля широко известного имени собственного, превращающегося с течением времени в концепт-мифологему, выявляет формульность поэтического мышления, благодаря которой антропоним, не имеющий в системе языка устойчивой лексико-семантической валентности, в отличие от нарицательных слов, не существует изолированно, а извлекается поэтом из памяти вместе с готовыми уже смежными «со-смыслами» (ср. с замечаниями о «формульном стиле» [13; с. 211, 223]). Антропоним «обрастает» ассоциатами, создающими аллюзии и реминисценции, направленные на «воспоминание» связанных с носителем прецедентного имени ситуаций и текстов.

Библиографический список

1. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
2. Сильман Т. И. Синтактико-стилистические особенности местоимения // Вопросы языкознания, 1970, № 4. С. 81-92.
3. Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: Издательский центр Азбуковник, 2005. 448 с.
4. Листрова-Правда Ю. Т. К изучению русских антропонимов как носителей лингвострановедческой информации // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 75-80.

5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1994. 608 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).
7. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры // Новый Мир. 2002. № 1. С. 133–145.
8. Осколкова Н. В. Прецедентное имя «Ломоносов» в медиатекстах разных типов // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. Москва; Архангельск : Соломбальская типография, 2013. С. 108-112.
9. Стешенко М. А. Библейские антропонимы «Иосиф Прекрасный» и «Мария Магдалина» в поэтической интерпретации Марины Цветаевой // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология, 2016, № 1. С. 59–64.
10. Латышева В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2011, № 1 (48). С. 296-300.
11. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004, № 1. С. 29–34.
12. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.
13. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с

References

1. Penkovskiy A.B. Essays on Russian semantics. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 464 p.
2. Silman T.I. Syntactic-stylistic features of the pronoun // Questions of linguistics, 1970, №4. Pp. 81-92.
3. Grigoryev V.P., Kolodiazhnaia L.I., Shestakova L.L. Proper name in Russian poetry of the twentieth century: Dictionary of personal names. Moscow: Publishing Center Azbukovnik, 2005. 448 p.
4. Listrova-Pravda Iu. T. On the study of Russian anthroponyms as carriers of linguistic and regional information // Lexical and grammatical components in the semantics of a linguistic sign. Voronezh, 1983, pp. 75-80.
5. Lotman I. M., Uspenskii B. A. Myth - name - culture // Selected works. Vol. 1. Moscow: Languages of Russian Culture, 1994. 608 p.
6. Russian national corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (date of the application 15.11.2019).
7. Khazagerov G.G. Personosphere of Russian culture // New World. 2002. № 1. Pp. 133–145.
8. Oskolkova N. V. The case name "Lomonosov" in various types of media texts. // Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world: collection of scientific papers. Moscow; Arkhangel'sk: Solombala Printing House, 2013. Pp. 108-112.
9. Steshenko M. A. Biblical anthroponyms “Joseph the Beautiful” and “Mary Magdalene” in the poetic interpretation of Marina Tsvetaeva // Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University, 2016, № 1, pp. 59–64.
10. Latysheva V. L. Signs and functions of case phenomena // Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2011, № 1 (48), pp. 296-300.
11. Slyshkin G. G. Linguistic and cultural concept as a system of education // Vestnik of the Volgograd State University. 2004. № 1, pp. 29–34.
12. Serman I. Z. Poetic style of Lomonosov // Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. 260 p.
13. Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Articles on the linguistics of the verse // Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 288 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 378.1

*Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина
кандидат филологических наук, доцент
кафедры стажировки зарубежных
специалистов Ванюшина Н.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(985)502-62-81
e-mail: wanjuschina@yandex.ru*

*Pushkin State Russian Language Institute
The foreign specialists internship department,
PhD, associate professor
Vanyushina N.A.
Russia, Moscow, tel. +7(985)502-62-81
e-mail: wanjuschina@yandex.ru*

Н.А. Ванюшина

ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР НА УРОКАХ РКИ

В статье рассматриваются вопросы формирования вторичной языковой личности студентов-иностранцев в процессе обучения русскому языку как иностранному в мультинациональной группе. Говорится о зависимости успешности развития вторичной языковой личности от близости исходной и новой культур, возраста и уровня общей эрудиции учащихся, даются различные трактовки понятия «языковая личность». Предлагаемое построение аудиторной работы в форме равноправного диалога всех участников коммуникации является максимально благоприятной средой для межкультурного взаимодействия, в рамках которого и происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур. Диалог рассматривается в данной связи как навык успешного взаимодействия с представителями других культур, в результате чего и происходит обмен информацией, конечной целью которого является взаимовлияние участников коммуникации и изменение или обогащение их мнений по вопросу. Подчеркивается важность воспитания толерантного отношения к ценностям новой культуры, успешного включения студентов в процесс межкультурной коммуникации в рамках основной работы по формированию вторичной языковой личности. В процессе диалога у учащихся появляется уникальная возможность наиболее полно и в благоприятных психологических условиях познакомиться с различиями традиций и обычаев представителей разных культур и народов. Выполняемые совместные проекты, предложенные преподавателям виды работ, описываемые в данной статье, способствуют формированию нового взгляда у слушателей. Особое внимание уделяется основным принципам этнометодики и учету культурных особенностей студентов восприятия новой информации и обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковая личность, вторичная языковая личность, диалог культур, этнометодика, натуральный урок.

N.A. Vanjushina

FORMATION OF A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY IN THE PROCESS OF CULTURAL DIALOGUE ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with the formation of a secondary language identity by foreign students during learning Russian as a foreign language in a multinational group. It is said that the success of secondary language personality development depends on the proximity of the original and new cultures, the age and level of general education of students, besides various interpretations of the concept of "language personality" are given. The proposed construction of classroom work in the form of an equal dialogue for all participants in communication is the most favorable environment for intercultural interaction, in which the interpenetration and mutual enrichment of cultures take place. In this context, dialogue is

considered as the skills of successful interaction with representatives of other cultures, as a result of which there is an exchange of information, the ultimate goal of which is the mutual influence of communication participants and changing or enriching their opinions on the issue. The importance of fostering a tolerant attitude to the values of the new culture and the successful students inclusion in the process of intercultural communication as part of the main work on the formation of a secondary language personality is emphasized. In the process of dialogue, students have a unique opportunity to get acquainted with the differences in traditions and customs of different cultures and peoples in the most complete and favorable psychological conditions. The joint projects that are being implemented and the types of work that are offered to teachers, described in this article, contribute to the formation of a new view among students. Based on the anthropocentric approach of modern science, special attention is paid to the basic principles of ethnomethodics and taking into account the cultural characteristics of students' perception of new information and learning.

Key words: Russian as a foreign language, language personality, the second language personality, cultural dialogue, ethnomethodics, practically oriented lesson.

Повседневная жизнь связана с каждодневным взаимодействием с другими людьми, с общением с ними. Необходимость постоянного использования языка дает возможность анализа языковых средств, которые являются ключом к пониманию языковой картины мира нации, к выделению коллективного и индивидуального в сознании носителя, все эти данные, в конечном итоге, служат построению методик преподавания иностранных языков. Антропоцентрический подход в лингвистике и обусловил внимание ученых к вопросам языковой личности и, как следствие, формированию вторичной языковой личности. Можно сказать, что разработка понятия «вторичная языковая личность» строится на основе работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», вышедшей в свет в 1987 году, и идей, которые нашли отражение в лингвоперсонологии [1]. Рассматриваемый нами термин «вторичная языковая личность» был использован И. И. Халеевой, отметившей в работе «Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста», что при изучении иностранного языка происходит формирование «черт вторичной языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация» [2; с. 278]. Изучению формирования вторичной языковой личности посвящен ряд исследований, таких как «О формировании вторичной языковой личности» Н.Н. Касаткиной [3], «Онтогенез вторичной языковой личности» Н.А. Мамонтовой [4], «Феномен языковой личности в свете лингводидактики» Л.П. Клобуковой [5] и многие другие.

Цель исследования — на основе реализации принципов этнометодики представить процесс формирования вторичной языковой личности в процессе этноориентированной системы обучения русскому языку как иностранному. Реализация заявленной цели достигается решением таких задач: 1) обосновать актуальность формирования вторичной языковой личности студентов-иностранцев; 2) рассмотреть методы работы, способствующие заявленному процессу.

Принимая во внимание тот факт, что формирование не только коммуникативной, но и лингвокультурологической компетенции входит в задачи обучения русскому языку как иностранному, отметим, что успешность формирования вторичной языковой личности можно рассматривать в качестве основополагающего критерия оценки успешности такой работы. В качестве иллюстрации данного утверждения приведем слова С.Г. Воркачева: «Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [6; с. 65]. Однако для формирования вторичной языковой личности не является достаточным лишь освоение вербально-семантического кода изучаемого языка, необходимыми являются приобщение к живому русскому языку, готовность и способность постигать иной образ мысли и осмысления действительности, формирование способности думать на языке, в конечном итоге, языкового сознания. Решению представленных задач способствует работа

на уроках русского языка как иностранного в мультинациональных группах, основой, которой является диалог. В данной связи мы понимаем диалог не только лишь в качестве формы устного или письменного высказывания, но и как навыки успешного взаимодействия с представителями других культур, в результате чего и происходит обмен информацией, конечной целью которого является взаимовлияние участников коммуникации и изменение или обогащение их мнений по вопросу. Такая трактовка диалога нами основывается на идеях великого Сократа, рассматривающего майевтику как метод раскрывать сокровище в человеке посредством наводящих вопросов. Образно можно заявить о том, что именно в процессе взаимодействия с представителями других национальностей, под влиянием изучения культуры и языка новой страны происходит рождение новой личности. Задачей преподавателя русского языка как иностранного является помощь в овладении новым языком и культурой, не подавляя уже сформировавшиеся мировоззренческие парадигмы студентов. Именно при правильно построенном учебном процессе учащимся открывается новая среда, в которой плюрализм мнений, свобода и равноправие всех точек зрения и ценность личности являются отличительными чертами. Часто предлагаемые темы для обсуждения на занятиях по практическому курсу русского языка находят различный отклик у студентов, что связано с национальными мировоззренческими особенностями. Так, например, тема клонирования, проблемы перенаселения и связанные с этим вопросы ограничения рождаемости не находят отклика у арабской аудитории. Это связано с традиционными устоями иметь большую многодетную семью. Однако в китайской аудитории эти темы обсуждаются с большим энтузиазмом, что связано с имевшей место демографической политикой Китая «одна семья – один ребенок» и проблемами густонаселенных регионов страны. В работе с мультинациональными группами преподаватель должен руководствоваться данными этнометодики – этноориентированной модели обучения РКИ, которая должна выходить на первое место. Именно выявление специфики обучения иностранных слушателей всем аспектам языка на основе компаративного анализа языковой детерминации, национальных традиций и этнопсихологии русских и других национальностей, составление национально-ориентированных учебно-методических комплексов способствует наиболее успешной интеграции иностранного студента в российское образовательное пространство. Как отмечает Аббас Ясин Хамза, «в распоряжении студента должны быть не только учебные пособия, рассказывающие по-русски о русской культуре, но и источники, в которых по-русски освещается его родная культура, что создает атмосферу доброжелательности между иностранцами и их русскими собеседниками не только через узнавание иностранцами русской культуры, но и через возможность для них рассказать русским о своей культуре» [7; с. 88]. Путем создания максимально благоприятной психологической атмосферы с учетом национально обусловленных факторов возможно не только основанное на механическом повторении обучение, но и приобщение к русской культуре и литературе, что, в конечном итоге, способствует формированию вторичной языковой личности. Необходим диалог как преподавателя и студента, так и участие в нем всех членов многонациональной группы, в результате чего происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур. *Discussio mater veritas est* – в споре, диалоге, благодаря критической работе ума и рождается истина.

Рассмотрим некоторые варианты уроков, нацеленные на вовлечение всех студентов группы как представителей своих стран. Например, организация и проведение ток-шоу в рамках изучения лексической темы «Образование». Среди участников: 1) ведущий – сообщает тему программы, координирует очередность вопросов и ответов участников с целью создания общей логики картины. Ведущий также может рассказать о системе российского образования и инициировать сравнение образовательных систем в разных странах; 2) студенты высшей школы. Например, китайские студенты рассказывают о всекитайских государственных вступительных экзаменах в высшие учебные заведения страны Гаокао (кит.

高考 gāokǎo), проводя параллели с российским ЕГЭ. Важно обращать внимание на сходства и различия явлений российской действительности и родных стран студентов, это создает ощущение общности, единого мира, в процессе чего приобретаются и общие знания; 3) министр образования зарубежной страны. Здесь предпочтение отдается наиболее малочисленным представителям группы, поскольку в процессе каждодневной работы они могут чувствовать некоторую ущемленность; 4) приглашенные эксперты и зрители. Эти участники задают вопросы, проводят параллели в области организации системы образования между Россией и представленными странами. Важно построить дискуссию таким образом, чтобы исключить возможный перевес в сторону какой-то одной страны, следует говорить не только о достоинствах, но и о недостатках. Таким образом, в процессе искусственно созданной преподавателем ситуации общения студенты-иностранцы познают все многообразие мира, становятся более открытыми новым знаниям, происходит формирование новых мировоззренческих представлений. Говоря о проблемах современного общества, некоторые учебные пособия предлагают остановиться на рассмотрении вопросов гражданского брака (здесь мы имеем в виду отношения без официальной регистрации), гостевого брака, движения чайлдфри. Если идеи чайлдфри находят понимание в китайской аудитории, то первые два вопроса воспринимаются однозначно отрицательно. В этой связи становится очевидным, что мировоззренческие установки, выработанные на основе родного языка, культуры и традиционных установок, не могут отвечать новой культуре страны изучаемого языка. Это обуславливает серьезные трудности, а порой и невозможность реализации личности в условиях новой языковой среды.

В случае с работой с безэквивалентной лексикой значение нового слова не может иметь полное соответствие в родном языке, оно должно стать частью и найти свое место в системе иностранного языка [8; с. 36]. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, выучив иностранное слово, «человек как будто вынимает кусок мозаики из чужой, неизвестной ему до конца картины мира и пытается совместить его с картиной мира, имеющейся в его сознании и заданной родным языком. Необходимость перестройки мышления, перекраивание собственной, обычной, родной картины мира по чужому, необычному образцу и является одной из главных трудностей, в частности психологических» [9; с. 112]. Преобразование имеющегося и построение нового когнитивного уровня вторичной языковой личности предполагает переход к более абстрактным понятиям интеллектуальной сферы, формирующий понимание метафор, прецедентности и концептуальной картины мира нового языка [10; с. 346]. Именно наличие в языковом сознании личности концептов, как структурированных понятий, содержащих в себе ценности иноязычной культуры, позволяет говорить о той или иной степени сформированности вторичной языковой личности. С целью подкрепления сказанного выше фактографическим материалом нами был проведен опрос респондентов – представителей Китая, Словакии, Венгрии, Чехии, Италии, Сербии, Боснии. Целью опроса было выявление ценностных характеристик и общего понимания концепта «несчастье». Примечательным было то, что студенты из европейских стран отметили как позитивное влияние несчастий – возможность стать сильнее, преодолев их, так и отрицательное – несчастья способны сломать человека. Китайские же студенты почти единогласно ответили, что несчастье укрепляет человека, оно обязательно закончится, стоит только потерпеть. Именно на терпение возлагались большие надежды, в качестве доказательства приводились пословицы китайского языка – «человек не должен бояться многоразового терпения, а должен опасаться одного случая нетерпения» и «не будешь терпеть, и счастье растает, как снег, будешь терпеть, и невзгоды развеются, как пепел». Обсуждение полученных результатов на занятии дало возможность европейским студентам по-новому осмыслить ранее привычные для них вещи. Такая работа, основанная на межкультурном диалоге, способствует обогащению внутреннего мира индивида, расширению кругозора и образованию новой вторичной языковой личности.

Таким образом, формирование вторичной языковой личности идет на основе уже существующей первичной, дополняя и существенно обогащая ее. Успешность этого процесса зависит от степени вовлеченности индивида в учебный процесс, от его готовности к кооперации. Важно учитывать психологические и возрастные особенности студента, его общий уровень культуры и образования [11; с. 89]. В китайском языке есть такое выражение – 鸡蛋人 *Jīdàn rén*, буквальным переводом которого будет «человек-яйцо». Оно метафорически подчеркивает, что внутренний мир человека уже стал китайским, остались только лишь внешние признаки европейца. Антонимичным этому является понятие 香蕉人 *xiāngjiāorén* – «человек-банан». Изначально оно применялось для обозначения китайцев, родившихся в европейских странах или Северной Америке, сейчас так называют и китайцев, воспитанных в европейских традициях или сильно увлеченных западным образом жизни и культурой. Мы считаем, что приведенные лексемы являются яркой иллюстрацией особенностей формирования вторичной языковой личности – необходимо не только выучить язык, но и проникнуться духом этой страны.

Важным показателем успешности образования является возможность скорейшей интеграции молодого специалиста в профессиональную среду. На сегодняшний день построены тесные связи между вузами и работодателями, представители работодателей активно участвуют в процессе подготовки будущих специалистов. В рамках обучения русскому языку как иностранному выпускники зарубежных стран нередко находят работу в России не только в различных языковых школах и центрах, но и на российских предприятиях. В случае успешного формирования навыков, построенных на готовности к диалогу, иностранный специалист, понимающий специфику российского профессионального общения, готов к адаптации в российском обществе и решению профессиональных задач. Его успешное и гармоничное включение в деятельность возможно лишь в случае сформированности вторичной языковой личности, что делает возможным перестройку языкового сознания и прежних, характерных для родной страны, схем и стереотипов поведения. Готовность понимать новую социальную действительность влечет за собой и изменение социального поведения, перестройку и существенное изменение системы ценностей и приоритетов [12; с. 187-188]. Большое значение имеет и овладение правилами поведения, характерными в новой среде – жесты и мимика, дистанция во время общения, которая разнится для стран высококонтекстной и низкоконтекстной культуры. Изучение невербального средства общения логично в свете рассмотрения двух форм коммуникации: вербальной и невербальной. Исключение из образовательного процесса ознакомления с невербальной коммуникацией, которая сопровождает вербальную, не позволит сформировать полноценную вторичную языковую личность, что будет проявляться в сбоях коммуникации. Занятия по русскому языку как иностранному, знакомство с невербальными средствами общения целесообразно проводить в виде игровых ситуаций, предварительно ознакомившись с наглядным изображением (картинки, видео-фрагменты). Интересными, на наш взгляд, являются игровые ситуации, позволяющие студентам продемонстрировать привычные для них невербальные средства коммуникации в сравнительно-сопоставительном ракурсе с русской культурой. Основываясь на собственном опыте преподавания русского языка как иностранного, можем отметить, что подобные упражнения можно построить на демонстрации китайских жестов счета. В нашем случае, китайские студенты представляют основной массив группы, при подготовке таких заданий у студентов получаются действительно интересные презентации. Кроме того, китайская культура и язык являются на сегодняшний день достаточно популярными, интерес к этой стране растет ежегодно, что подтверждают достаточно внушительные числа приема абитуриентов на факультеты синологии. Так, например, для демонстрации цифры один показывают один указательный палец – здесь нет ничего необычного, это встречается во многих культурах. Однако в Италии

счет на пальцах начинается с большого пальца, таким образом, показывая цифру один, итальянцы поднимают вверх большой палец. Цифру три китайцы показывают средним, безымянным и мизинцем, в русской культуре принято – указательным, средним и безымянным. Если в группе есть немецкие учащиеся, то они поднимут большой палец, указательный и средний. Мы видим, что на примере всего лишь трех цифр мы можем показать разницу восприятия явлений разными культурами.

Таким образом, подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов.

Во-первых, диалог, как форма равноправного для всех участников взаимодействия в процессе межкультурной коммуникации, является наиболее удачным способом построения аудиторной работы в мультинациональной группе.

Во-вторых, он позволяет развивать толерантное отношение и навыки общения с представителями других этносов.

В-третьих, обмен информацией и знаниями может оказывать влияние на участников процесса, изменяя или расширяя их представления по рассматриваемому вопросу, что, в конечном итоге, способствует формированию вторичной языковой личности иностранного студента.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2004. 258 с.
2. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: РАН ИРЯ, 1995. С. 7-286.
3. Касаткина Н.Н. О формировании вторичной языковой личности // Вестник Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова. 2013. С. 167-171.
4. Мамонтова Н.А. Онтогенез вторичной языковой личности // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст. Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 2009. С. 46-56.
5. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация. 1997. С. 25 – 31.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64- 72.
7. Аббас Ясин Хамза. Лингвоориентированная методика преподавания русского языка как иностранного в арабской аудитории // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 86-90.
8. Ванюшина Н.А. Формирование вторичной языковой личности в процессе изучения русского языка как иностранного (на примере работы с безэквивалентной лексикой) /Н.А. Ванюшина, О.А. Дмитриева // Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24. С. 34-39.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2005. 264 с.
10. Казимирчук А.Д. Диалог культур и проблема межкультурной коммуникации на занятиях РКИ с учащимися факультета международного права // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы. 2018. С. 345-348.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
12. Хоменко А.В. Формирование вторичной языковой личности как фактор совершенствования иноязычной подготовки в экономических вузах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. с. 187-190.

References

1. Karaulov Yu. N. Russian language and language personality. Moscow, 2004. 258 p.
2. Khaleeva I. I. Secondary language personality as a recipient of a foreign language text // Language-system. Language-text. Language-ability. Moscow, 1995. pp. 7-286.
3. Kasatkina N. N. About the formation of a secondary language personality // Bulletin of the Yaroslavl state University named after P. G. Demidov. 2013. pp. 167-171.
4. Mamontova N. A. Ontogeny of a secondary language personality // Language spaces and metaspheres: structure, discourse, and metatext. Materials of the III Intercollegiate scientific conference on topical problems of language and communication theory. 2009. pp. 46-56.
5. Klobukova L. P. The Phenomenon of language personality from the perspective of linguodidactics // Language. Consciousness. Communication. 1997. pp. 25-31.
6. Vorkachev S. G. Linguoculturology, language personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics // Philological Sciences. 2001. No. 1. pp. 64-72.
7. Abbas Yassin Hamza. Language-oriented methodology of teaching Russian as a foreign language in the Arabic audience // The world of Russian word. 2009. No. 4. pp. 86-90.
8. Vanyushina N. A., Dmitrieva O. A., Formation of a secondary language personality in the process of learning Russian as a foreign language (based on teaching non-equivalent vocabulary) // Linguistic paradigm: Theoretical and applied aspects. 2019. No. 24. pp. 34-39.
9. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. Moscow, 2005. 264 p.
10. Kazimirchuk A.D. Dialogue of cultures and the problem of intercultural communication in Russian language classes with students of the faculty of international law // Teaching Russian as a foreign language in higher education: experience and prospects: collection of scientific articles. 2018. pp. 345-348.
11. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: linguocultural studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow, 1990. 246 p.
12. Khomenko A.V. Formation of a secondary language personality as a factor of improving foreign language training in economic universities // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2013. No. 6. pp. 187-190.

УДК 372.881.161.1

*Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина*
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка,
методики его преподавания
и документоведения
Телкова В.А.
Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: telkova.2014@bk.ru

BuninYeletsStateUniversity
PhD in Philology, Associate Professor, Associate
Professor of Department of Russian Lan-
guages, Methods of Its Teaching and Document
Science
Telkova V.A.
Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: telkova.2014@bk.ru

В.А. Телкова

ПЕДАГОГИ-СЛОВЕСНИКИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА О ПРОБЛЕМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается участие ученых-лингвистов, преподавателей гимназий, школ, реальных училищ в обсуждении и решении судьбы российской школы в целом и лингвистического образования в частности в период подготовки реформ образования на рубеже XIX-XX вв. К этому времени обнажились довольно серьезные недостатки в системе преподавания русского языка: отсутствие четко определенных целей и задач преподавания, несоответствие между развивающейся лингвистической наукой и учебным предметом, несогласованность учебных программ средней и высшей школы, формализм знаний, низкая квалификация учителей, перегрузка учащихся. Преодоление этих недостатков в основном и явилось целью реформирования школьного лингвистического образования. Идеи реформирования широко обсуждались в методической печати, отделах языкознания и русской словесности научно-педагогических обществ, съездах представителей среднего образования. Автором проведено комплексное исследование, чтобы показать, какое влияние оказала на развитие методической мысли этого периода развернувшаяся на страницах печати полемика между сторонниками академического и прагматического направлений в преподавании, представителями логико-грамматической и формально-грамматической концепций, «грамматистами» и «антиграмматистами». Выделены группы идей, которые в дальнейшем нашли поддержку среди педагогической общественности. Определен вклад педагогов в научно-теоретическое и учебно-методическое обеспечение дисциплины. Источниками стали малоизвестные статьи, брошюры, обзоры, опубликованные в дореволюционной периодической печати.

Ключевые слова: лингвистическое образование, русский язык, грамматика, программа, педагог.

V.A. Telkova

LANGUAGE TEACHERS OF THE LATE 19TH-EARLY 20TH CENTURY ON PROBLEMS OF LINGUISTIC EDUCATION

The article discusses the participation of linguistic scientists, teachers of gymnasiums, schools, real schools in the discussion and decision of the fate of the Russian school as a whole and linguistic education in particular during the preparation of educational reforms at the turn of the XIX-XX centuries. By this time, quite serious shortcomings were revealed in the system of teaching the Russian language: the lack of clearly defined goals and objectives of teaching, the mismatch between developing linguistic science and the subject, the inconsistency of the curriculum of secondary and higher education, the formalism of knowledge, the low qualifications of teachers, and student overload. Overcoming these shortcomings was mainly the goal of reforming school linguistic education. The ideas of reform were widely discussed in the methodological press, departments of linguistics and Russian literature of scientific and pedagogical societies, and congresses of representatives of secondary education. The author conducted a comprehensive study to show what impact the development of the methodological thought of this period unfolded on the pages of the press controversy between supporters of the academic and pragmatic areas of teaching, representatives of logical-grammatical and

formal-grammatical concepts, “grammarians and“ anti-grammatists ”. Groups of ideas were identified that later found support among the pedagogical community. The contribution of teachers to the scientific-theoretical and educational-methodological support of the discipline is determined. Sources were little-known articles, brochures, reviews published in the pre-revolutionary periodicals.

Key words: linguistic education, Russian language, grammar, program, teacher.

В начале XX века явно обнаружилось недостатки классического образования в гимназиях, утвержденного в России в 70-х годах прошлого века. Не только родители, педагоги, общественные деятели, но и сами чиновники Министерства народного образования были недовольны постановкой преподавания в средних школах, перегрузкой программ, низким уровнем знаний поступающих в высшую школу. Все решительнее становились требования реформы средней школы. В критике педагогической системы виднейшее место занимали вопросы преподавания русского языка.

В качестве одной из причин догматизма и схоластики, царивших в средней школе, называли низкий профессиональный уровень учителей, часть которых «превратила свой труд в ремесло без живой души»[1; с.410]. Пример такого преподавания привел в своем отчете о ревизии Новгородского реального училища в феврале 1899г. окружной инспектор Муромцев. Оценивая педагогическую работу преподавателя русского языка с десятилетним стажем, он писал: «Бубрих (учитель) не обладает даром слова, не может вести связного рассказа, придерживается исключительно книжек, а иногда и прямо заставляет ученика прочесть по книжке новый урок; скажет несколько слов в пояснение и задает к следующему разу, – но требует обстоятельного ответа, выпрашивает урок тщательно»[2; с.39]. Похожая ситуация наблюдалась и в других гимназиях [3; с.278].

Школьные программы по всем предметам критиковали за их «чрезвычайную громоздкость, иногда прямо преступную в педагогическом отношении обременительность»[4; с.411]. Излишне сложным считали и курс грамматики русского языка. Так, анализируя гимназическую программу по русскому языку для 2-3 классов, видный педагог и методист того времени Д.Д. Галанин писал: «Сколько недюжинных способностей нужно и взрослому человеку, чтобы осилить теоретический курс русской грамматики. Надо определять цель, отличать ее от следствия; надо подыскивать сочинение и подчинение предложений. Здесь изучается синтаксис русского языка. Такая концентрация внимания на грамматических правилах и самые эти правила я считаю непосильными для учеников по уровню их развития.<...> Ребенок все время живет в мире отвлеченных идей и схоластических рассуждений; он слышит слова, не связанные в его уме с какими бы то ни было реальными представлениями и потому ему мало понятными; эти слова он должен употреблять при ответах, комбинируя их в некоторые суждения, смысл или идея которых ему еще не вполне доступна. Он запоминает слова, пользуется ими и привыкает говорить без полного понимания того, что именно он хочет сказать. Подобное обременение памяти, сосредоточение внимания на однородном грамматическом материале непосильно для детей 10-11 лет и потому вредно»[5; с. 25]. Вывод из этого у автора довольно категоричен: «Освобождение школы от гнета схоластического начала и в частности от гнета грамматики и должно составить цель переработки программ»[5; с. 29].

Еще раньше некоторая часть учительства выступила против преподавания грамматики в средних учебных заведениях. Наиболее ярко это мнение было выражено в публикациях И.С. Соломоновского, К.Г. Житомирского и др.

В своей статье, появившейся в 1894 году в журнале «Педагогический сборник», И.С. Соломоновский с тревогой говорил о том, что в школе обучают грамматике, стилистике, но не языку. Между тем знание грамматики мало способствует, по мнению педагога, грамотному письму. Ведь под грамотностью автор понимал «не одно умение писать орфографически, но и умение излагать мысли, правильно строить предложения, подчинять и сочи-

нять их, уместно употреблять союзы и т.п.»[6; с. 476]. Обучение языку, считал И.С. Соломоновский, должно начинаться с обучения письменному изложению мыслей. При этом грамматика тоже нужна, но лишь в качестве «справочной книги». Односторонность такого подхода к грамматике, как нам кажется, очевидна, поскольку сознательное изучение языка невозможно без знания теоретического материала.

К.Г. Житомирский не столь резко, не столь категорично ставил вопрос о грамматике, хотя и считает, что «изучая догматическую грамматику человеческий, тем более неразвитый детский ум, слишком мало извлекает из нее для расширения своего мирозерцания, для совершенствования своего духа»[7; с. 283]. Изучение грамматики, в представлении К.Г. Житомирского, не имеет практического значения, ее цель – «развивать рассудочную способность и способствовать стройности мышления» [7; с. 284]. Последнее мнение, на наш взгляд, весьма спорно, поскольку, ограничившись только названной целью, К.Г. Житомирский свел грамматику к некой формальной науке, никак не связанной с живым языком.

Позицию «антиграмматистов» разделяли далеко не все педагоги. Иная точка зрения была представлена в публикации преподавателя Нижегородского Владимирского реального училища А.Э. Боргмана, который выразил мнение консервативной части учительства. Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок его работы «Какие изменения желательны в современной постановке преподавания русского языка и словесности?», автор честно признался, что «существующие в настоящее время учебные планы вообще не требуют больших изменений относительно указанного в них учебного материала» [8; с. 23]. Более того, отмечалось, что «курс грамматики поставлен особенно прочно, и делать в нем какие-либо улучшения едва ли нужно» [8; с. 23]. Мнение же некоторых преподавателей словесности «о чрезмерном обременении учеников чисто теоретическими сведениями из грамматики, бесполезными и малоинтересными для них» [8; с.23], педагог считал необоснованным. Соглашаясь, что такое иногда случается, автор обвинял в этом самих учителей, которые «стремятся к чрезмерному расширению курса грамматики» [8, с. 24]. Завершается статья утверждением, что «при существующих учебных планах, если только дело ведется надлежащим образом, вполне возможно в течение четырех лет обучения достигнуть достаточной грамматической грамотности учеников, поступающих в пятый класс, как со стороны синтаксиса, так и относительно орфографии» [8; с. 24]. Однако как вести дело «надлежащим образом», автор, к сожалению, не разъяснил, отчего не только последний тезис, но и вся его статья носит декларативный характер.

В начале 1900 г. министром просвещения Н.П. Боголеповым была создана комиссия из наиболее авторитетных преподавателей для обсуждения проблем, касающихся пересмотра учебных планов по всем дисциплинам, так как «в ныне действующих программах есть немало вопросов, которыми можно пожертвовать без ущерба для главной цели – достижения известной умственной зрелости и усвоения основных сведений по преподаваемым наукам»[9;с.753]. Подкомиссию по вопросу о преподавании русского языка и словесности в средних учебных заведениях возглавил директор Рижской Александровской гимназии Е.В. Белявский.

Открывая работу комиссии по пересмотру программ преподавания русского языка и словесности, известный московский педагог-словесник В.В. Каллаш в своем докладе констатировал наличие кризиса в постановке преподавания русского языка и словесности в школе. В качестве основной причины этого назывался «излишний грамматизм и пренебрежение к живому языку» [10; с. 3]. Для того чтобы исправить положение, докладчик предлагал «оставить грамматические тонкости и ухищрения, вредную погоню за деталями и исключениями. <...> Грамматика должна быть сведена до *minimata* и преследовать, главным образом, практические цели» [10; с. 4]. Курс церковнославянского языка признавался «излишним».

Своеобразным откликом на работу комиссии стала опубликованная в журнале «Русская школа» довольно объемная статья «К вопросу о пересмотре программ классической гимназии» известного в то время методиста М.А. Тростникова.

Автор, обстоятельно и детально проанализировав всю программу по русскому языку, выявил в ней наиболее «слабые» места и предложил свои способы их устранения.

В самом начале статьи М.А. Тростников четко обозначил свою задачу – «пересмотреть существующий в настоящее время в классических гимназиях учебный план, программу по русскому языку и словесности» [11; с. 143].

Педагог настаивает на сокращении учебных предметов, потому что «в действующих ныне программах есть немало вопросов, которыми можно пожертвовать». [11; с. 142]. Недовольство автора вызывает преподавание греческого, латинского и древнего церковнославянского языков, поскольку он считает, что приобретенные учащимися знания малопригодны для основательного овладения родным языком. Вместе с тем, опираясь на свой педагогический опыт, М.А.Тростников уверяет, что многие воспитанники средних учебных заведений, «будучи незнакомы ни с древними, ни с новыми языками, а только с лучшими нашими писателями, вполне владеют родной речью»[12; с. 115].

В представлении автора преподавание русского языка должно преследовать прежде всего практическую цель – «научить выражаться и писать на родном языке правильно в грамматическом и стилистическом отношении, но не должно пренебрегать и образовательной – дать надлежащее понятие о его грамматическом строе и о логическом построении основных форм сочинений» [12; с. 117]. Однако, не отрицая важности грамматики для овладения родным языком, М.А. Тростников выступает против ее фактического отождествления с изучением русского языка. Тем более что немалая часть грамматического материала относится к церковнославянскому языку. Между тем, по мнению педагога, данная грамматика знакомит только с формами языка, знание которых не означает овладение самим языком. Поскольку «гимназисты не могут увидеть в современном языке элементы церковнославянского», ставится под сомнение необходимость изучения грамматики последнего.

Не остается в стороне М.А. Тростников и от развернувшейся в тот период дискуссии о методах обучения русскому языку. Являясь сторонником индуктивного метода обучения, педагог замечает, что такой способ преподавания требует много времени, хорошей подготовки преподавателя и соответствующего учебника. В статье высказывается предостережение словесникам, которые, не обладая достаточным опытом использования данного метода на уроке, могут принести больше вреда, чем пользы. Сетует педагог и на отсутствие учебника по грамматике, «дающего такие определения, которые представляют вывод из наблюдения над формами языка и их значением в речи» [12; с. 109].

Весьма спорным выглядит мнение М.А. Тростникова о «словесном материале», который можно использовать на уроках русского языка. Так, на его взгляд, поэзия непригодна для обучения прозаическому литературному языку, который необходим в повседневной жизни. Не подходят в качестве дидактического материала и прозаические тексты А.С. Пушкина, поскольку они не могут «служить образцом для подражания в сочинениях, требующих периодической речи». Недостатком считается и наличие большого количества архаизмов, которые малопонятны учащимся. Даже язык Гоголя «не может быть признан образцовым для устной и письменной образцовой речи» [12; с. 115]. Понимая, что с его мнением многие не согласятся, автор статьи просит «доказать противное».

В целом, замечания, высказанные М.А. Тростниковым, не были основательными, они касались лишь отдельных положений учебных планов по русскому языку, не затрагивая всей системы. Педагог явно не был сторонником кардинальных реформ, предлагая лишь незначительную корректировку программы. Неслучайно некоторые из коллег М.А. Тростникова, в частности С.Н. Браиловский, весьма скептически отнеслись к его публикациям, считая, что в

них автор «обнаруживает непонимание многих проблем, а потому впадает в произвол, делающий благою цель его статей бесплодною» [12; с. 328]. Очевидно, что согласиться с такой жесткой оценкой работ М.А. Тростникова можно лишь частично.

В 1903 году С.Н. Браиловский в статье «К реформе школьной грамматики отечественного языка» предложил свой проект пересмотра школьного курса русского языка. В период, когда русское общество обсуждала готовящуюся реформу средней школы, педагог выступил с призывом к учителям русского языка «оказаться на высоте своего призвания и показать, что отечественный язык должен по своему значению для умственного и нравственного развития учеников в средней школе занимать первенствующее значение» [13; с. 330].

По мысли автора статьи, при изложении школьной грамматики русского языка, во-первых, следует отказаться от исторической точки зрения и обратиться к явлениям современной живой литературной речи. В связи с этим был выдвинут тезис: «формы современного языка надо принимать за то, чем они являются ныне в сознании говорящего, а не за то, чем они были когда-то» [13; с. 332]. Во-вторых, в основу обучения грамматике отечественного языка должно лечь четкое соотношение между этимологическими (в современной терминологии – морфологическими) и синтаксическими категориями. С.Н. Браиловский был уверен, что, «если бы определенно указывалось, какую функцию синтаксическую выполняет та или другая этимологическая форма, тогда русская грамматика не имела бы того жалкого вида неопределенности, какой придан ей нынешним преподаванием и нынешними учебниками» [13; с. 336]. Наконец, необходимо «придать грамматике значение предмета, способствующего умственному развитию учащихся», для чего следует удалить из курса грамматики все механическое, а оставить развивающее. Для достижения этой цели, считает педагог, «школа обязана сосредоточить внимание не на роковой для учеников орфографии, а на развитии дара слова, т.е. свободной, логически последовательной, возможно красивой устной и письменной речи» [13; с. 340].

Вступая в дискуссию о роли грамматики при обучении русскому языку, С.Н. Браиловский уверен, что она необходима как теория языка, которая «помогает учащимся утвердиться в правильном употреблении устно и письменно языка, в сознательном отношении к явлениям его; она способствует более глубокому пониманию языка, помогая разбираться в различных оттенках мысли, скрытой в бесконечном разнообразии языковой оболочки; наконец, грамматика развивает ум и делает его восприимчивым к содержанию не только произведений творческого слова, но и всяких других знаний» [13; с. 340]. Однако приоритет автором статьи отдается не грамматике, а словесности как главному средству нравственного и эстетического воспитания учащихся. Для С.Н. Браиловского отечественный язык занимает центральное место в учебном курсе общеобразовательной школы, потому что «только он один сообщает юношам то литературное образование, которое полагается краеугольным камнем человеческого гуманного развития». В свою очередь, именно литературное образование, полагает педагог, «внушит юношам отвращение ко всему дурному и пошлomu, побудит стремиться ко всему возвышенному и благородному, вызовет страстное желание послужить своей любимой родине по мере сил» [13; с. 339]. По нашему убеждению, эти слова должны заставить задуматься современных педагогов-словесников, решающих на каждом уроке не только познавательные, но и воспитательные задачи.

Все рассмотренные нами публикации наглядно свидетельствуют о том, что существовали две точки зрения на реформирование школьного курса русского языка. Сторонники одной из них считали, что можно ограничиться небольшой корректировкой учебных планов, сторонники другой настаивали на значительных изменениях как содержания курса, так и методов обучения.

Важным аргументом в пользу перестройки преподавания русского языка в средних учебных заведениях было понимание большинством передовых педагогов наметившегося еще в 80-90 годах XIX века несоответствия между школьной и научной лингвистикой. В эти

годы в трудах лингвистов и методистов русского языка, выступлениях передовых учителей-словесников были сформулированы идеи, которые легли в основу новых школьных программ, продвинувших школу по пути совершенствования процесса обучения.

Библиографический список

1. Браиловский С.Н. Живое слово об оздоровлении средней школы// Педагогический сборник. 1903. №11 (ноябрь). С. 397-417.
2. Цит. по: Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы. М.: Просвещение, 1956. 312 с.
3. См.: Белавин К. Историческая записка об Оренбургской мужской гимназии за первое двадцатипятилетие ее существования. Вып.1. Оренбург, 1893. 66с.; Любарский П.С. Отчет о состоянии Каменец-Подольской мужской гимназии. Каменец-Подольск, 1885-1894. 278с.
4. Браиловский С.Н. Живое слово об оздоровлении средней школы // Педагогический сборник. 1903. №11 (ноябрь). С. 397-417.
5. Галанин Д.Д. Мысли и наблюдения по вопросу о средней школе. М.: тип.г. Лисснера, 1902. 44 с.
6. Соломоновский И.С. О постановке русского языка в средней школе // Педагогический сборник. 1894. №5. С.467-479.
7. Житомирский К.Г. Критика школьной грамматики // Педагогический сборник. 1894. №10. С.281-309.
8. Боргман А.Э. Какие изменения желательны в современной постановке преподавания русского языка и словесности. М.: тип. Э. Лисснера, 1896. 72с.
9. Цит. по: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. 776с.
10. Каллаш В.В. О постановке преподавания русского языка и словесности в средней школе. Б.м., 1900. 28 с.
11. Тростников М.А. К вопросу о пересмотре программ классической гимназии // Русская школа. 1900. №1. С.142-166.
12. Тростников М.А. К вопросу о пересмотре программ классической гимназии//Русская школа. 1900. №2. С. 102-117.
13. Браиловский С.Н. К реформе школьной грамматики отечественного языка // Педагогический сборник. 1903. №4. С. 327-342.

References

1. Brailovsky S.N. Living word about the recovery of high school // Pedagogical collection. 1903. No. 11 (November). P. 397-417
2. Cit. By: Konstantinov N.A. Essays on the history of high school. M.: Education, 1956. 312 p.
3. See: Belavin K. Historical note on the Orenburg Men 's Gymnasium for its first twenty-fifth anniversary. Issue 1.Orenburg, 1893. 66 p.; Lubarsky P.S. Report on the state of Kamenets-Podolskayamen 's gymnasium. Kamenets-Podolsk, 1885-1894. 278 p.
4. Brailovsky S.N. Living word about the recovery of high school // Pedagogical collection. 1903. No. 11 (November). P. 397-417.
5. Galanine D.D. Thoughts and observations on the issue of high school. M.: type. Mr. Lissnera, 1902. 44 p.
6. Solomonovsky I.S. On the production of the Russian language in high school // Pedagogical collection. 1894. No. 5. P.467-479.

7. Zhitomirsky K.G. Criticism of school grammar//Pedagogical collection. 1894. №10. P. 281-309.
8. Borgman A.E. What changes are desirable in the modern setting of teaching Russian language and literature. M. : type. E. Lissner, 1896. 72 p.
9. Cit. By: Rozhdestvensky S.V. Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. SPb., 1902. 776 p.
10. Kallash V.V. On the production of Russian language teaching and speech in secondary school. B. m, 1900. 28 p.
11. Trostnikov M.A. To the issue of revision of programs of classical gymnasium// Russian school. 1900. №1. P. 142-166.
12. Trostnikov M.A. To the issue of revision of programs of classical gymnasium// Russian school. 1900. №2. P. 102-117.
13. Brailovsky S.N. To the Reform of School Grammar of the Domestic Language // Pedagogical. 1903. No. 4. P. 327-342.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82.01/09

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет
ассистент кафедры гуманитарных наук
аспирант кафедры русской и зарубежной
литературы
Фахрутдинова Л.И.
Россия, г. Казань,
тел. +7 (965)584-08-92
e-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru*

*Kazan (Volga region) Federal University
The assistant of the department of humanities
The postgraduate student of the department of
Russian and foreign literature
Fakhrutdinova L.I.
Russia, Kazan,
tel. +7 (965)584-08-92
e-mail: Liliyaphahrutdinova@yandex.ru*

Л.И. Фахрутдинова

ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ А. ЕНИКИ «РЭШӘ» («МАРЕВО») Р. КУТУЕМ КАК ФОРМА МЕЖЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА

Российский читатель, не владеющий татарским языком, может познакомиться с творчеством А. Еники только в переводах его произведений на русский язык, поэтому необходим анализ особенностей переводных текстов в аспекте межлитературной коммуникации и диалога. Жанрово-стилистические трансформации оригинала в переводном тексте выявляются на основе их сопоставительного анализа. В основе его взгляд на перевод как форму диалога культур, отражающую взаимодействие не только различных национальных языков, но и художественных моделей мира. Установлено, что Р.Кутуй ориентируется в переводе повести «Марево» на традиции жанра романа. Определены основные направления, в которых осуществляется сотворчество переводчика с автором произведения: происходит изменение принципов и приемов изображения внутреннего мира героев, а также изменение жанра. В оригинале произведения для героя характерна эпическая завершенность, а в переводе характер героя приобретает романную незавершенность. Данные изменения являются попыткой переводчика вписать существующее произведение в контекст русской литературы, а также личностью переводчика. Полученные результаты могут быть использованы в решении актуальных проблем межкультурной коммуникации и диалога, в составлении комментариев к переводам произведений А. Еники для русскоязычного читателя.

Ключевые слова: татарская литература, русская литература, диалог, Р. Кутуй, А. Еники.

L.I. Fakhrutdinova

TRANSLATION OF A. YENIKI'S NOVEL «РЭШӘ» BY R. KUTUI AS A FORM OF CROSS-LITERARY DIALOGUE

The Russian reader, who doesn't know tatar language, can get to know A.Yeniki's works only through their translated versions that is why we need to analyze structural features of and the content of the translated texts in the aspect of cross-literary communication and dialogue. Genre-stylistic transformations of the authentic work in the translated texts are revealed on the base of their comparative analysis. The base is his view on the translation as a form of the dialogue of cultures, reflecting interaction not only various national languages, but artistic models of the world as well. It is stated that, R. Kutui resorts to the traditions of the novel genre in his translation of the "Heat haze". The main directions in which the cooperation of the translator and the author of the work is carried out are revealed: depiction of the

inner world of the character and the genre is changed. In the original work the hero is characterized by epic completeness, and in translation hero's character of gets novel incompleteness. These changes are explained by the translator's attempt to fit an existing work into the context of Russian literature, as well as by the translator's personality. The results obtained can be used in the solution of current problems of intercultural communication and the dialogue, in the preparation of the comments to translations of A. Yeniki's works for the Russian reader.

Key words: tatar literature, Russian literature, dialogue, A. Yeniki, R. Kutui.

Перевод и переводоведение в XX веке стали междисциплинарными направлениями, важнейшие аспекты которых изучают представители различных наук. Ученые отмечают, что перевод, который является одной из форм существования художественного произведения, выявляет новые смыслы в оригинальном тексте. Восприятие переводного текста определено сложным взаимодействием субъективного и объективного факторов, в том числе близостью культур и языков оригинала и перевода, профессионализмом и компетентностью переводчика, своеобразием стиля и жанра переводимого произведения, спецификой эпохи, в который совершается перевод и т.д.

Перевод, его классификация и функции были предметом исследования многих лингвистов и литературоведов, таких как: М.П. Алексеев, А.В. Федоров, Е. Эткинд, Г. Гачичеладзе, П. М. Топер, К.И. Чуковский, Ю.Л. Оболенская, В.С. Виноградов, В. Н. Комиссаров, Р. Якобсон, М.Л. Гаспаров и многих других.

Исследователь Ю.Л. Оболенская, определяя содержание перевода, его цель и функции, а также рассматривая разные подходы к переводу, отмечает особую форму единства произведения и перевода: «Диалектическое единство литературного произведения и его перевода предполагает взаимодействие, взаимовлияние двух (или трех, в случае перевода с языка-посредника) языковых картин мира, двух языковых и художественных систем, двух концепций действительности (авторов оригинала и перевода)» [1; с. 563] Перевод, как считает исследователь, является интерпретацией оригинала и представляет собой вторичную коммуникацию, в которой одной из важнейших составляющих выступает личность адресата.

П.М. Топер указывает на противоречивость, диалектичность понятия перевод, а также подчеркивает его особую роль в истории мировой культуры: «Он представляет собой «службу связи» в самом высоком и непосредственном смысле слова – связывает между собой, знакомит и раскрывает друг другу разные национальные культуры, далекие и близкие, молодые и древние, разделенные временем и пространством, традициями и обычаями. Он делает общую картину мира богаче, разнообразнее, ярче; в то же время он способствует нарушению однородности каждой из культур; обогащая их «чужими» импульсами, он мешает видеть их первородную субстанцию. Эта субстанция не исчезает, но перевод участвует в её историческом движении» [2; с. 245].

В науке выделяются различные стратегии перевода в зависимости от коммуникативной ситуации, цели перевода, типа текста и т.д. Однако в большинстве работ ученых перевод рассматривается как форма межкультурной коммуникации и выделяются такие признаки перевода как: адекватность, эквивалентность, полнота и верность передачи оригинала. О переводе как форме межлитературного диалога, отличающейся от межкультурной коммуникации, стали говорить совсем недавно (Я.Г. Сафиуллин [3; с. 15-31], А.З. Хабибуллина, [4; с. 55-62], Э.Ф. Нагуманова [5; с. 137-139].

По мнению исследователя Я. Г. Сафиуллина, межлитературный диалог, в отличие от коммуникации, содействует обмену образами, художественными формами, идеями, а также иными эстетическими ценностями. «В диалоге – признание каждым из его участников другого (иного, чем он сам) и совместный путь к знанию, смыслу, не обязательно завершающийся согласием» [3; с. 23]. Важнейшим критерием, по которому перевод можно рассматривать как форму межлитературного диалога, по нашему мнению, является сотворчество переводчика с автором произведения.

Повесть А. Еники «Рэшэ» («Марево») вызвала в критике того времени бурную дискуссию, участники которой разделилась на два противоборствующих лагеря. Одни были приверженцами старых критериев и отмечали, что А. Еники в своем творчестве описывает в большинстве своем отрицательных героев, уделяя мало внимания положительным, а также рисует неприглядную сторону существующей действительности: «Автор проявляет сухую объективность по отношению к тунеядцам, различным серым трутням, обладающим такими характеристиками как обывательство, подхалимство и собственничество. По нашему мнению, ошибка писателя – в неспособности изобразить отрицательные образы достойными ненависти, в недостаточной мере обвинения преступности <...> В произведении автор старается возвысить не настоящих героев нашего времени, но развратных, духовно бедных людей, калек; в творчестве А. Еники наблюдается чрезмерное увлечение в изображении половой распущенности, курортного флирта, дачной суеты, семейных неурядиц, притимитивных переживаний» [6; с. 33-36]¹. Другие же, сторонники творческого подхода, говорят об особенностях философии главного героя произведения, отмечают его двойственность: «Еникееву удалось создать образ обывателя, который умело скрывает за внешней «деловитостью» свою действительную сущность, свою духовную нищету» [7; с. 192],; «Зуфар Сабитов далек от ставшего шаблоном в иных произведениях типа пройдохи-снабженца. Это живой человек со своими слабыми и сильными сторонами. Автор не боится показать, что природа наделила Сабитова неплохими задатками. <...> Сабитов способен на искренние душевные движения и всем сердцем тянется к артистке Рашиде – чистой и цельной натуре. Но он живет двойной жизнью и чем дальше, тем больше эта двойственность мстит ему самому» [8; с. 247-248].

Исследователь Д. Ф. Загидуллина отмечает психологизм повести как важнейшую особенность ее художественно-эстетической природы, а также выделяет использованные автором принципы и приемы изображения внутреннего мира героя: «Философская позиция автора определяется типизацией героев, психологизмом, использованием символов, психологических приемов, и найденный читателем голос автора усиливает духовное содержание произведения; в повестях «Марево» и «Болотный цветок» автор разделяет духовно богатых и стремящихся к материальному богатству людей, и раскрывает читателю их философию, психологию, взгляд на мир и его объяснение» [9; с. 196].

Р. Кутуй вступает в сотворчество с автором произведения в повести «Рэшэ» («Марево») по двум направлениям.

Во-первых, в переводе меняются исходные принципы и приемы психологического изображения героев. Доминирующей в повести «Рэшэ» («Марево») является нарраториальная несобственно-прямая речь с преобладанием голоса повествователя, дающего характеристику мыслям и чувствам героя. Таков, например, эпизод, показывающий, как Зуфар разрывается между двумя противоположными чувствами – влечением и воздержанием: «Вообще, он не мог не думать о Рашиде. В этом вдохновленном раздумье есть и тоска по Рашиде, и восхищение ею, и желание обладать, но даже долгие размышления не дают полностью понять утонченную душу артистки и всей душой полюбить её. Как говорится, душа желает, но греховность не отпускает и до настоящего времени он продолжает жить между тоскливым влечением и настороженным воздержанием» [10; с. 279]. Повествователь показывает мысли и чувства героя, но истинное его эмоциональное состояние скрыто в подтексте. Однако есть немало эпизодов, в которых точка зрения героя противопоставлена «голосу» повествователя. Например, Зуфар размышляет о том, стоит ли продолжать отношения с Рашидой: «Зуфар совсем не думал быстро бросать Рашиду. Для чего бросать? Не должна ли у такого как он одиночки, быть «отрада для души»? Как ее там называют, кажется, любовница?

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. В квадратных скобках ссылка на текст оригинала.

Да, точно, она! <...> Нет, нужно не только не бросать, но и оберегать в любом случае, и не только оберегать, а и уважать») [10; с. 325]. Ирония состоит в сочетании двух диаметрально противоположных тонов повествования – сухого, серьезного тона героя («Зөфәр Рәшидәне тиз генә ташларга һич уйламый иде» [10; с. 325]) и иронического тона повествователя, который выражается в совмещении взаимоисключающих понятий – «любовница» и «уважать, оберегать», то есть наблюдается неожиданный переход от одной мысли к другой.

Помимо несобственно-прямой речи активно используется внутренний монолог. Внутренние монологи Зуфара Сабитова отличает логичность, сдержанность, рассудочность, эгоизм, большое количество аргументов. Вот как он размышляет о возможности брака со своей любимой: «Но вместе с тем он пришел к важному выводу: нет, Рашида не достойная жена для него! Он, неженатый парень, не сделает любовью всей своей жизни довольную ветреную женщину, брошенную каким-то пришлым человеком! Когда придет время, такому как он человеку, найдется нетронутая, невинная как цветок девушка...» [10; с. 325]. Внутренний монолог обнажает истинные мысли, настоящее лицо Зуфара, рассматривающего женщину не как полноценную личность, а как средство для достижения своих целей. Обращает на себя внимание и обилие восклицательных конструкций во внутренних монологах героя, в которых происходит слияние голосов персонажа и повествователя. Они служат средством выражения эмоционального состояния персонажа, а также усиливают психологическую емкость образа. Большое количество вопросов свидетельствует об ожиданиях и предположениях Зуфара о будущем, желании понять мысли и чувства Рашиды, сомнениях и неопределенности: «В последние дни Зуфара начала беспокоить одна идея, она охватила его мысли: если он возьмет да и женится на Рашиде, а? Не глупая и пустая ли это мечта?.. Возможное ли дело, нужное ли, все ли будет хорошо?» [10; с. 428]. Если в начале произведения в монологах мы наблюдаем решительность и настойчивость, что подчеркивается обилием утвердительных и побудительных предложений, то в конце повести герой переживает сомнения и нерешительность, что выражается в обилии вопросительных предложений и риторических вопросов.

В переводе Р. Кутуя основной является нарраториальная несобственно-прямая речь с доминированием голоса повествователя. Размышляя об отношениях со своей возлюбленной, в оригинале произведения герой испытывает страдание, боль от сказанных Рашидой слов (об этом в оригинале свидетельствуют фразы *«йөрәген өтөп ала, кәефен боза, дөнъясын караңгылатып жиберә»* [10; с. 419] (в подстрочнике – «они неожиданно обожгли его сердце, расстроили, омрачили жизнь»)), но в то же время и желание не поддаваться отрицательным чувствам (*«Ачу китергеч хәл!.. <...> Юк, булмый, ярамый болай!»* [10; с. 419] («Возмутительное дело! Нет, так не получится, так нельзя!»)), доказать свою состоятельность (*«Неужели, ул үзенең нинди әйбәт, шәп кеше булуын шул бала табигатьле, наивный хатынгагына аңлата алмас?»* [10; с. 419] («Неужели, он не сможет объяснить этой наивной женщине с ребяческим характером то, какой он хороший, замечательный человек?»)). В оригинале произведения эти переживания передаются средствами подтекстового психологизма. В переводе Р. Кутуя используется иной, явный, принцип психологизма: раскрывается полный спектр чувств, царящих в душе главного героя, – это и уныние, и страдание, терзания души (*«Даже в минуты, когда он предается своим самым любимым мечтам, в голову лезут эти тихие, вымученные болью слова, заглушают другие мысли, жгут сердце... И радужное настроение испорчено; серым, вязким мраком опутывается жизнь, и будущее, как в тумане...»* [11; с. 211]), но также и негодование от того, что его душа, человеческие качества были так недооценены, даже несколько принижены героиней (*«Наконец, возмутительно! Неужели он не в силах доказать наивной женщине, с детской душой, что он не так плох, и стоит недешево, что он крупный, значительный человек, что он – личность! Не-ет, голубушка, его так просто не возьмешь! Он не из тех, кого куснешь, да выплюнешь! – с негодованием думал он, вспоминая, как защемило сердце от простых и будто вещей слов Рашиды,*

как костью в горле торчит, не дает раздышаться нечаянное пророчество. Нечаянное! Пророчество! Ну, нет! Он ей докажет!» [11; с. 211]).

Другой сферой диалогических отношений переводчика с автором произведения становится жанровая структура произведения. Произведение А. Еники относится к жанру «озын хикая» – «жанр литературы народов Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Поволжья и Приуралья, восходящий к эпическим жанрам фольклора. <...> По содержанию и жанровой природе близок к современному рассказу, новелле, притче. События, как правило, излагаются от лица одного или нескольких персонажей, очевидцев. В центре повествования – действия и поступки героя, <...> показанные в контексте тех или иных событий. С начала 20 века название жанра трансформировалось в «хикэя» (рассказ), «озын хикэя» (длинный рассказ, повесть)» [12; с. 217]. Озын хикая соотносится и с повестью. В данном произведении с повестью её роднит, прежде всего, изображение мира героя и действительности: «центральное событие – испытание <...>, которое для героя повести означает необходимость выбора, и, вызывает этическую оценку его поступка автором и читателем. Но органическая симметричность структуры повести в то же время говорит о равновесии противоположностей, устанавливает полную смысловую исчерпанность и замкнутость изображенного мира» [13; с. 393]. Испытание, которому подвергает А. Еники главного героя «Марева», – это испытание любовью. Зуфар Сабитов – представитель мещанского мира, заведующий отделом рабочего снабжения, рационалист до мозга костей, влюбляется в артистку филармонии Рашиду. Казалось бы, эта любовь должна изменить не только внутреннее состояние героя, но и саму его сущность. Однако этого не происходит. Несмотря на высокое и светлое чувство, присутствующее в душе Зуфара, он ни на минуту не забывает о материальной, комфортной составляющей своего бытия. Так как он размышляет о выборе будущей жены: «...в его сердце девушка Гамбар не смогла занять место Рашиды <...> если он возьмет да и женится на Рашиде, а? <...> сможет ли он найти в Гамбар такую же нежность, изящность и пылкость чувств Рашиды, сможет ли он полюбить ее также, как Рашиду – сомнительно! Самое главное – женитьба на ком – Рашиде или Гамбар будет для него более выгодной? Да, женитьба на Гамбар безопаснее, а на Рашиде опаснее, потому что Рашида со своей жизнью и работой чуждый ему человек» [10; с. 428]. В конце произведения он всё-таки решает жениться на Рашиде, однако она отвергает его чувства. Интересна реакция Зуфара на это решение своей возлюбленной: первоначально он потрясен этим известием, это словно гром среди ясного неба: «Побег Рашиды словно обухом по темени ударил Зуфара. Десять дней он словно оглушенная рыба, был не в себе» [10; с. 444]. Он понимает, что она сбежала не столько от него, сколько от будущей супружеской жизни, которую он предлагал. Далее, несмотря на перенесенные душевные потрясения, он возвращается к своему прежнему, эгоистически-рассудительному состоянию: «Через некоторое время он вернулся к своему «реальному», холодному уму. Логика, работавшая до сих пор в одном направлении, вновь начала работать как часовой механизм» [10; с. 444]. Здесь мы видим, что герой не проходит испытание любовью, не происходит развития характера главного героя. А. Еники создает законченный и цельный образ Зуфара, характер которого соответствует тому исчерпанному, замкнутому и неподвижному обществу, в котором живут и преуспевают такие герои, как он сам, Хамит, Зариф и старик Курамшин.

В переводе Р. Кутуя происходит изменение жанра – произведение наполняется романским типом художественного содержания. «Исходный пункт и источник романского движения – в конфликте между героем, ориентированным на “идеальные ценности”, и наличным бытием, отрицающим эти ценности» [14; с. 66-67]. Важной особенностью романской проблематики является акцент на динамике – это могут быть как внешние изменения – например, в облике героя, социальном положении, так и внутренние – в эмоциональном состоянии, в точке зрения и окружающий мир и действительность. «Движение героя, исходя-

щего из *иллюзии* о достижимости идеальных ценностей, обусловлено *поиском* этих ценностей <...> Не замечая иллюзорности предпринятого поиска, герой становится *носителем идеала и деградации одновременно*, что и приводит его к нравственному поражению» [14; с. 67-68]. В переводе Р. Кутуя присутствует романная проблематика. Изначально главный герой предстает перед нами двойственным, совмещающим в себе как положительные задатки, так и свойства, присущие психологии обывателей. Зуфару свойственно сострадание, например, готовность помочь группе артистов, попавших в трудную ситуацию – хотя и не без неких сомнений по поводу целесообразности этого: «Только вот... стоит ли? Какая надоба в попутчиках? <...> И тут же возникло решение: ну, конечно же, надо им помочь, взять их с собой. Сделаю-ка я доброе дело! Они же, бедняги, по делу мотаются... От неожиданного решения он сразу почувствовал прилив энергии» [11; с. 22-23]. Не чуждо герою и эстетическое чувство – он способен сопереживать, любоваться прекрасным, восторгаться им: «Концерт произвел на него невероятно сильное впечатление. Сказать по правде, он был поражен. Поражен и восхищен. Кажется только вот здесь <...> он увидел, понял и поразился тому, что искусство обладает такой могучей силой воздействия. <...> Удивительно, невероятно!» [11; с. 41]. Пение героини во время прогулки на остров Маркиз преображает Зуфара: «... сердце горело, душа исходила сладостной, непереносимой болью, будто <...> его душа, так же томилась, страдала и пела <...> с удивлением почувствовал, как по лицу катятся теплые слезы... <...> собственные слезы умилили, растрогали его окончательно... <...> Какое наслаждение пить сладостную муку сопереживания, и пьянеть от счастья – до слабости, до слез...» [11; с. 197].

Вместе с тем герой живет по своим правилам, главное из которого – не раскрывать своих мыслей и чувств: «Он строго и неукоснительно придерживался правила: ни при каких обстоятельствах не говорить ничего лишнего, не обнажать нутра до доньшка, не высовываться, когда не спрашивают. Словом, его девизом была одна известная истина: молчание – золото!» [11; с. 89]. Важнейшим принципом изображения героя в переводном тексте становится саморазвитие характера. Из доброго и участливого человека Зуфар превращается в самолюбивого, подозрительного, способного испытывать злорадство. Показательна его реакция на предложение новой высоко оплачиваемой должности: «... народ на заводе шибко беспокойный, мелочный, что ни день, то проверки, придирки <...> пересуды <...> постоянный надзор, <...> изматывающий нервы, ведь суются во все дырки <...> Вот и утрется праведник Симанков. Яму копал, да ничего не вышло – перескочит Сабитов ту западню! – вспыхнуло в мозгу, и даже скулы свело от мстительного чувства» [11; с. 210]. Происходит изменение не только мыслей и чувств героя, но и эмоционального тона повествования, выразившегося в обилии грубой, просторечной лексики. В финале произведения мы видим уже полностью изменившегося, деградировавшего героя – это человек, ни гнушающийся никаких запретов, презирающий отвергнувших его людей, упорно и строго преследующий материальные цели: «А жить надо с прицелом, умно, расчетливо! Да, только с прицелом, только расчетливо, черт побери!» [11; с. 249]. Заботы и проблемы других больше не трогают его, он становится нечувствителен по отношению к своему окружению – об этом свидетельствуют финальные строки перевода: «А всё остальное – хоть в тартарары!» [11; с. 249].

Итак, проанализировав произведение А. Еники «Рэшэ» («Марево») и его перевод на русский язык, мы пришли к выводу, что Р. Кутуй вступает в диалог с А. Еники на разных уровнях произведения. Результаты сотворчества переводчика с автором произведения позволяют говорить о выходе за границы перевода и переходе к жанру вариации.

Р. Кутуй вступает в диалог с А. Еники, ориентируясь на традиции русской классической литературы – история испытания героя любовью характерна для всей русской литературы XIX века (произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. И. Куприна и др.), а также учитывая особенности восприятия русскоязычного читателя.

Библиографический список

1. Оболенская Ю.Л. Перевод как форма взаимодействия литератур // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М, 2004. С. 562-574.
2. Топер П. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 253 с.
3. Сафиуллин Я.Г. Коммуникация и литература // Межкультурная коммуникация: филологический аспект. Словарь-справочник: учебно-методическое пособие. Казань: Отечество, 2012. С. 15-31.
4. Хабибуллина А.З. М.Ю. Лермонтов и татарская литература начала XX века (к вопросу о межлитературном диалоге) // Ученые записки Казанского университета. Том 157. Серия гуманитарных наук. Кн. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 55-62.
5. Ibragimov M, Nagumanova E, Khabibullina A, Dialogue and communication in interliterary process: (The study of Russian - Tatar literary interconnections of the first half of the XX century)//Journal of Language and Literature. 2015. Vol.6, Is.3. P.137-139.
6. Фасеев К. Кояшлы язны рэшә капламасын // Әмирхан Еники: тормыш юлы һәм ижаты: укытучылар, педагогика колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма. Казан: Мәгариф, 2007. 167 б.
7. Халит Г. Портреты и проблемы: избранные статьи разных лет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 344 с.
8. Мустафин Р. Целебное озеро // Образ времени: Статьи. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. С.242-252 .
9. Заһидуллина Д. Ф. 1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. / Д. Ф. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
10. Еники Ә. Әсәрләр, биш томда. 2 том: Повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 447 б.
11. Еникеев А. Невысказанное завещание. Повести и рассказы. Перевод Р. Кутуя, С. Хозиной. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 480 с.
12. Татарская энциклопедия / отв. ред. Г. С. Сабирзянов; гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2014. Т.6. У – Я. 719 с.
13. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 1. Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.
14. Косиков Г.К. О принципах повествования в романе // Литературные направления и стили: сборник. М.: Издательство МГУ, 1976. С. 65-76.

References

1. Obolenskaya Yu. I. Translation as a form of interaction of literatures // Introduction to literary criticism / ed. M, 2004. Pp. 562-574.
2. Toper P. Translation in the system of comparative literature. Moscow: Heritage, 2000. 253 p.
3. Safiullin A. G. Communication and literature // Intercultural communication: linguistic aspect. Dictionary-reference: educational and methodical manual. Kazan: Fatherland, 2012. Pp. 15-31.
4. Khabibullina A. Z. M. Yu. Lermontov and Tatar literature of the beginning of the XX century (on the issue of inter-literary dialogue) // Scientific notes of the Kazan University. Volume 157. Series of humanitarian Sciences. kN. 2. Kazan: Kazan publishing House. University press, 2015. Pp. 55-62.

5. Ibragimov M, Nagumanova E, Khabibullina A, Dialogue and communication in interliterary process: (The study of Russian-Tatar literary interconnections of the first half of the XX century)//Journal of Language and Literature. 2015. Vol.6, Is.3. P. 137-139.

6. Faseev K. Do not let the sunny spring envelop in the heat haze // Amirkhan Yeniki: life and creativity: a guide for teachers, professors of higher educational institutions and pedagogical colleges. Kazan: Magarif, 2007. 167 p.

7. Halit G. Portraits and problems: selected articles from different years. Kazan: Tatar. kN. ed., 1985. 344 p.

8. Mustafin R. Healing the lake // the image of the time: Articles. Kazan: Tatar. kN. ed., 1981. Pp. 242-252 .

9. Zagidullina D. F. Tatar literature of the 1960s and 1980s: fields of renewal and vanguard searches. Kazan: Tatar book publishing house, 2015. 383 p.

10. Yeniki A. Works, in five volumes. Volume 2: Novels. Kazan: Tatar book publishing house, 2001. 447 p.

11. Enikeev A. Unspoken will. Novels and short stories. Translated By R. Kutuya, S. Khozina. Kazan: Tatarskoe kN. ed., 1990. 480 p.

12. Tatar encyclopedia / ed. edited by G. S. Sabirzyanov; ed. by M. Kh. Kazan: Institute of Tatar encyclopedia, 2014. Vol. 6. U-Ya. 719 p.

13. Theory of literature: Studies. student's guide. Philol. fuck. higher. studies'. institutions: In 2 t. T. 1. N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. Theory of artistic discourse. Theoretical poetics. Moscow: publishing center "Academy", 2004. 512 p.

14. Kosikov G. K. The principles of narration in the novel // Literary trends and styles: a collection. Moscow: Moscow state University publishing House, 1976. Pp. 65-76.

УДК 821.161.1

*Вологодский колледж связи и информационных технологий
кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка,
литературы и философии
Смирнов К.В.
Россия, г. Вологда,
e-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru*

*Vologda College of Communication
and information Technology.
candidate of philology,
graduate student of literature, teacher
of Russian, literature and philosophy
Smirnov K.V.
Russia, Vologda,
e-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru*

К.В. Смирнов

ПЕТЕРБУРГСКОЕ МАРЬИНО, ТРИКСТЕР И ВЕЧНЫЙ СПОР (О РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

В статье анализируются образы Евгения Базарова и Павла Петровича Кирсанова, героев, формирующих главный идейный конфликт произведения. Целью работы является аргументированное выявление контекстуального «родства» Базарова и Павла Петровича Кирсанова, восходящего к проявлению бессознательного у обоих героев и наглядно проявляющегося в некоторых сценах романа. Предметом анализа настоящего исследования являются образы Базарова и Павла Петровича Кирсанова, контекстуально-противоположных героев, которые в значительной степени воплощают архетип трикстера. В связи с этим основными методами исследования могут быть названы анализ, синтез и аналогия. Специфика образа Базарова, трансформирующего общество Марьино своим непосредственным присутствием, позволяет говорить о герое как реализации архетипа трикстера. Юнг, рассуждая об особенностях архетипа, указывает на необходимость проницательности и антропоморфности как основополагающих аспектов трикстера. В процессе анализа было доказано, что именно эти критерии, а также близость природе, цветовая гамма и контрастность внешнего вида позволяют рассматривать образ Базарова как реализацию архетипа трикстера. Однако его идейный противник не менее контрастен. Павел Петрович так же, как и Базаров, одинок в своих идейных устремлениях и в той же степени, что и Базаров, не может обрести покоя, находясь в постоянном конфликте с окружающим обществом: обитателями Марьино и петербургскими аристократами. Подводя итог, можно заключить: являясь представителями разных эпох (Павел Петрович – прошлого, Базаров – будущего), герои в полной мере остаются чужими современности, которой они, по словам И.С. Тургенева, в равной степени не нужны. Данное исследование может быть полезно всем, кто интересуется русской литературой XIX века и творчеством И.С. Тургенева.

Ключевые слова: архетип, петербургское общество, дуализм, крайние убеждения.

K.V. Smirnov

THE PETERSBURG MARINO, TRIKSTER AND THE EVERLASTING DISPUTE (ABOUT THE NOVEL OF I.S. TURGENEV «FATHERS AND SONS»)

The article analyzes the images of Yevgeny Bazarov and Pavel Petrovich Kirsanov, the heroes who form the main ideological conflict in the novel. The aim of this work is an argumentative detection of the contextual "relationship" between Bazarov and Pavel Petrovich Kirsanov, dating back to the demonstration of the unconscious in both heroes and clearly manifested in some scenes of the novel. The subject of this study is considering the images of Bazarov and Pavel Petrovich Kirsanov, contextually opposing heroes who embody the archetype of the trickster. In this connection, the main research methods can be called analysis, synthesis and analogy. The specific image of Bazarov transforming the Maryino society by his direct presence allows us to talk about the hero as the implementation of the trickster archetype. Jung, discussing the special features of the archetype, points to the need for insight and anthropomor-

phism as fundamental aspects of the trickster. In the process of analysis, it was proved that namely these two criteria, as well as neighborhood to nature, color gamut and contrast of appearance allow us to consider the image of Bazarov as an implementation of the trickster archetype. However, his ideological opponent is no less contrasting. Pavel Petrovich, like Evgeny Bazarov is alone in his ideological thoughts and in the same extent as Bazarov can't find peace, being in constant conflict with the surrounding society: the inhabitants of Marino and St. Petersburg aristocrats. To sum up, we can make a conclusion: being representatives of different eras: Pavel Petrovich - of the past, Bazarov - of the future - the heroes are completely alien to the present world. The present world doesn't need them too, according to I.S. Turgenev. This study may be of great interest to everyone who is interested in Russian literature of the XIX century and the works of I.S. Turgenev.

Key words: archetype, St. Petersburg society, dualism, extreme beliefs.

Проблема положительного героя является одной из наиболее разрабатываемых в русской литературе XIX века. И.А.Гончаров пытался воплотить ее в образе Андрея Штольца, человека, мировоззрение которого чуждо русскому менталитету. То же самое можно сказать об Инсарове, герое романа И.С.Тургенева «Накануне». Проблема, заявленная А.С.Пушкиным, получила рефлексивное развитие под влиянием исторических (проблема крепостного права) и общественных (проблема женской эмансипации) факторов. И Штолец, и Инсаров оказываются непонятыми и, следовательно, чуждым устоявшейся в обществе идеологии, споря не с отдельными представителями социума, но со всем социумом сразу же. В связи с этим подобные созданные модели (уже не применительно к обществу, но к субъективной писательской интерпретации) правомерно характеризовать как явления дуальные, сочетающие типичность и уникальность в контексте мировоззрения и художественной реальности соответственно как реализации архетипа трикстера. Об образе Базарова как воплощении архетипа трикстера пойдет речь в данной работе, библиографической основой которой стали труды К.Г.Юнга, Е.М.Мелетинского, Д.К.Зеленина, Ю.М.Лотмана и проч.

Базаров появляется в романе во второй части. Описывая героя, Тургенев акцентирует внимание на его внешности: «Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал» [1, с.154]. Балахон с кистями, как известно, был редкой одеждой в XIX веке, а тем более в столичных городах, где предпочитали этику поведения и едва ли не ставили ее во главу угла. Примером этого может служить то обстоятельство, что общественность предпочитала ходить в определенной одежде, соответствующей эпохе. Конфликт Базаров – Петербургское общество сразу же выделяется Тургеневым как основной. «В воскресные дни до окончания обедни все под страхом сурового наказания и трактиры, и питейные дома, и погребки – словом, все торговые точки, продающие спиртные напитки, закрыты; по воскресениям же строжайше запрещены и уличные представления, а также поющие, танцующие и «заводящие игрища» [2, с. 284], - пишет А.Марченко. В Петербурге общество восторгалось известнейшей французской актрисой Эльзой Рошаль, выступавшей на подмостках Малого театра в 1853 году [3, с. 271]. Вечерами Петербург пустел; на улицах можно было встретить только будочников [4, с. 101]. Таким образом, наряд Базарова становится уникальным элементом – тем, что отграничивает его от всех и может быть истолкован, по терминологии Р.О.Якобсона, как индекс [5]. В понимании Ч.Пирса, действие индекса основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого [6]. Якобсон называет индексом след на песке, найденный Робинзоном Крузо как свидетельство присутствия на острове людей [5]. Наряд Базарова – тоже индекс, свидетельствующий о мировоззренческой революционности. Разумеется, правомерно говорить о том, что в XIX веке «базаровский» стиль одежды был популярен у студенчества, откуда он как раз и происходит. Дело в том, что студенчество в середине столетия жило очень бедно, денег не хватало даже на ту одежду, которую требовали университеты. В связи с этим студентам приходилось придумывать всякие способы, чтобы скрыть свою финансовую несостоятельность. Выдающийся русский хирург и естествоиспытатель

тель Н.И. Пирогов вспоминает: «Когда введены были мундиры, то мне сшили сестры из старого фрака какую-то мундирную куртку с красным воротником» [7, с.302-303]. Помимо фрака требовалась также фуражка. «В 1861 году мундир отменили и студенты с радостью переоделись в гражданское, оставив из престижного только фуражки» [8, с.429], – пишет В.М.Бокова. Возможно, безденежье стало причиной внутреннего недовольства студенчества, приведшего к появлению различных реакционных кружков. Одним из свидетельств молодой реакционности XIX века служит убийство студента Иванова членами кружка «Народной расправы», во главе которого стоял анархист и недавний ученик П.Н.Ткачева С.Г.Нечаев. Таким образом, можно констатировать: значительность студенчества применительно к формированию и развитию общественной мысли не подлежит сомнению. Возможно, апеллируя данными сведениями, Тургенев добавил в портрет Базарова специфику одежды. В свете социально-бытового аспекта петербургского общества можно говорить о специфичности наряда Базарова (идеолог нигилизма вряд ли может отнести себя к студенчеству). Это выявляет в нем героя отличного от прочих, формируя первую причину характеризовать его как воплощение архетипа трикстера.

Характеризуя образ шута, Н. Жюльен пишет о том, что шут (дурак) интерпретируется как вечный скиталец, странник. Его основная характеристика – бессознательное начало, указывающее на инфантильность у взрослого человека, что делает его неприспособленным к жизни в социуме [9, с.481-482]. Данная характеристика буквально дублирует особенности архетипа трикстера. К.Г.Юнг, говоря о трикстере, замечает: «Способность изменять свою форму – это, похоже, одна из его характеристик, ведь есть немало сообщений о его появлении в животном облике. Так как он порой описывает себя как душу в аду, ему присущ также мотив субъективного страдания. Его универсальность соотносится с повсеместностью шаманизма, к которому принадлежат все проявления духовных сил. Есть что-то от трюкача в характере шамана или целителя, так как он тоже часто шутит над людьми только для того, чтобы пасть жертвой своих проделок или мести тех, кому он навредил. По этой причине его профессия часто ставит его на край гибели» [10, с. 259].

Другой ярко выраженной чертой Базарова, позволяющей характеризовать его как реализацию архетипа трикстера, является причастность его к миру природы. На протяжении всего романа художественная реальность произведения, продиктованная идеологическим дуализмом Кирсанов-Базаров, разделяется на идеалистов-романтиков и материалистов-прагматиков. Относящийся ко второй группе Базаров постоянно придерживается точки зрения о необходимости полезности любого действия. Его постоянные попытки заявить о себе как об ученом практике свидетельствуют о близости с природой. Тургенев пишет про Базарова: «Главный предмет его – естественные науки. Да он все знает» [1, с.162]. Базарова интересует мир живой природы в большей мере, чем прочих героев: «Я лягушку распластаю да посмотрю, что у нее там внутри делается» [1, с.165], – сообщает он дворовым мальчишкам. На замечание Павла Петровича Базаров отвечает: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» [1, с.171]. По наблюдению Юнга, трикстер одновременно животное и божественное творение, получеловек и сверхчеловек. При этом, как и в характеристике Н.Жюльен, главной его характеристикой является бессознательность [9, с. 266]. На эту особенность архетипа указывал и Е.М.Мелетинский: «Тотемные предки представляются как существа с двойной зоантропоморфной природой» [11, с. 160]. Образ лягушки дополняет бинарную оппозицию «свое-чужое» - с одной стороны, Базаров близок миру природы, с другой, далек от социума: «Символика лягушки близка идее зачаточного творения. Как правило, это земноводное предстает в качестве результирующей регрессивной силы. Кроме того, лягушка является символом наглого невежды, который своими ложными умствованиями намеревается разрушить мудрость» [9, с.230-231]. В этом контексте Базаров близок нечистой силе, образу черта. Обычно черт является человеку в образе человека, но иногда – и в образе

зооморфных существ, и в образе вещей. «Он не способен на злодейство, но старается причинить человеку мелкие неприятности» [12, с. 423]. Примечательно, что поход Базарова за лягушками частично связан с Николаем Петровичем – о нем герой отзывается довольно холодно: «Эге! – подумал он, посмотрев кругом, - местечко-то неказисто» [1, с.164]. Противопоставление Павла Петровича и Базарова формирует главный конфликт романа, который может быть рассмотрен и в контексте оппозиции идеализм-материализм. Оставаясь в рамках социокультурной парадигмы, Тургенев на этот раз уходит от «сентиментальных рассказов о конфликте между индивидуальным желанием и семейным долгом» [13, с. 29], - замечает Клигер. На эту особенность тургеневского замысла указывает Рипп: «Социальное звучание романа и его роль в истории русского прогрессизма находятся в значительно более сложной, чем принято считать, взаимозависимости» [14, с. 9]. Павел Петрович предстает в романе как мудрый, знающий цену вещей философ-эстет. Об этом свидетельствует его внешний ухоженный вид, строгое соблюдение правил поведения и аристократизм, проявляющийся во всем. Он не может допустить, что кто-то в праве попирает неопровержимые истины, сформированные в нем обществом Петербурга. Ю.М.Лотман писал о том, что быт есть не только внутренняя сущность вещей; он включает такие важные аспекты как «ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон [15, с. 12]. Обычаи, или более точно устои поведения, были заложены в сознание Павла Петровича его отцом: «Отец его, боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русский человек, всю жизнь свою тянул ляжку, командовал сперва бригадой, потом дивизией и постоянно жил в провинции, где в силу своего чина играл довольно значительную роль» [1, с.151]. Павел Петрович отчасти похож на отца, о чем свидетельствует его блистательная военная карьера: «На двадцать восьмом году от роду он уже был капитаном» [1, с.174]. После смерти княгини Р. Павел Петрович переехал жить в Марьино. «Он стал читать, все больше по-английски; он вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус, редко видался с соседями и выезжал только на выборы, где он большею частью помалкивал, лишь изредка дразня и пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сблизаясь с представителями нового поколения» [1, с.177]. Таким образом, Павел Петрович представляет собой проекцию своего отца в более сглаженной формации. Лотман, рассуждая о годах наполеоновских войн, указывает на то, что в фронтовых дневниках молодых офицеров, в большинстве своем написанных на французском языке, нередко можно обнаружить размышления о прошлом, настоящем и будущем России, некоторые мысли о русском народе и, что довольно часто, соображения касательно литературы. [15, с. 320]. Павел Петрович сочетает в себе воинскую строгость и эстетику салонов, становясь тем самым героем, в котором равной степени сочетается и отцовское, и современное. Поэтому удивительным становится то обстоятельство, что именно Павел Петрович не принимает Базарова. Казалось бы, либерализм Павла Петровича и нигилизм Базарова в равной степени являются реакционными и противостоят традиционному мировосприятию. Следовательно, и у Павла Петровича, и у Базарова есть мировоззренческое противление обществу Петербурга, т.к. оба не нашли себя в нем. Следовательно, Павел Петрович не противопоставлен Базарову, но в серьезной степени близок ему. Базаров остается абсолютно свободным от всех парадигм окружающего общества, даже по отношению к самому себе и «к собственным идеям» [16, с. 188], - пишет В.М.Маркович. Но таков и Павел Петрович. Разница лишь в том, что их мировоззрения не сочетаются: герои не принимают друг друга, т.к. располагаются в разных частях современного либерального общества и являются при этом радикальными в своих суждениях. Как утверждает Уилсон, обоим героям в равной мере свойственен «пессимизм, соединенный с желанием проявлять стойкость перед равнодушной, иногда и враждебной вселенной» [17, с. 28]. И если Базаров нелеп в балахоне с кистями, то Павел Петрович не менее нелеп. На эту черту героя указывает Тургенев: «Поля, все поля, тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то

опускаясь снова» [1, с.159]. Павел Петрович, «человек среднего роста, одетый в темный атласный сюрт, модный низенький галстук и лаковые полусапожки» [1, с.152]. Контрастность деревенской природы и внешнего вида Павла Петровича, следовательно, не менее выразительна, чем у Базарова.

Амбивалентность Базарова, представленная во внешней нелепости и противоречивой категоричности некоторых аспектов мировосприятия, дает возможность говорить о бессознательных проявлениях в герое, которые также указывают на реализацию трикстера.

В совместной работе К.Кереньи и К.Г.Юнга «Душа и миф: шесть архетипов» выделяются следующие функции трикстера:

1. Заполнение повествовательного пространства произведения с целью реализации себя через основного персонажа и мотивированием к решению заявленной ранее проблемы. «Архетип духа в форме человека, домового или животного всегда проявляется в ситуации, когда появляется необходимость в проницательности, понимании, добром совете, решительности, умении планировать, а своих собственных ресурсов для этого не хватает. Архетип компенсирует это состояние духовного дефицита содержанием, которое восполняет пробел» [18, с.298].

2. Функция прозрения. Применительно к архетипу целесообразно говорить о божественном явлении духа, который порой является в антропоморфном облике. Порой он представлен как иллюзия, сон, мотивирующие на какой-либо поступок. [18, с.298].

Базаров приезжает в Марьино не просто так, как заявлено в сюжете, но, вероятно, с конкретной задачей: оценить степень своего влияния на Аркадия. Нелепость внешнего вида, сочетающаяся с прагматичностью и решительностью, позволяют характеризовать героя как реализацию архетипа трикстера. Таков и Павел Петрович. Герой возвращается в Марьино для того, чтобы быть вместе с братом, планирующим женитьбу на крестьянской девушке Фенечке. Как и Базаров, Павел Петрович внешне отличается от обитателей Марьино, при этом его авторитет и решительность не вызывают сомнения. Его костюмы исключительны, подобраны по стилистике и цвету. Тургенев детально описывает внешность своих героев. Цветовая гамма не менее важна в контексте романа. Как пример – это цвет глаз Базарова. Зеленый цвет, цвет глаз Базарова, – «цвет природы и очистительных вод, наделен силой возрождения, т.к. он накапливает солнечную энергию и трансформирует ее в энергию жизни. Является цветом духовного обновления» [9, с.455]. Песочный же цвет считается оттенком желтого. Желтый цвет «свидетельствует о тяге к превосходству и, как крайний вариант, о слепом стремлении к власти, проявляющемся в повышенных притязаниях на несуществующее превосходство (часто как компенсация неполноценности, бессознательного или неизжитого)» [9, с.454]. Сочетание желтого и зеленого символизирует «пагубное влияние» [9, с.455]. Базаров, как было замечено ранее, близок природе. Являясь нигилистом, герой заявляет себя как наставник Аркадия – своеобразный вариант трансформации, духовного обновления. Появление Базарова в Марьино меняет жизнь его обитателей. Базаров отчасти повлиял на Анну Сергеевну Одинцову, изменив привычный ритм ее жизни (не в мировоззренческом, но в созидательно-психологическом аспекте). Отрицание Базаровым всего, пренебрежение к творчеству А.С.Пушкина, снисходительное отношение к Николаю Петровичу и открытый протест против его брата – притязания на собственное превосходство, выраженные в его высказывании о полезности точных наук и бесполезности гуманитарных. Павел Петрович не может принять подобного поведения. Как и Базаров, он – трикстер, заявляющий свое право на главенствующее положение. И если Базаров добился уважения Аркадия, то Павел Петрович стремится перенаправить своего племянника. Непримируемость героев становится причиной дуэли, в которой побеждает Базаров. Довольно странным выглядит такой исход, учитывая военное прошлое Павла Петровича. Однако здесь важен контекстуальный аспект. Именно Базаров должен был выйти победителем из «схватки» с Павлом Петровичем, т.к.

кирсановский аристократизм постепенно уходил в прошлое. Через исход дуэли Тургенев будто бы отдает предпочтение Базарову, тем самым оказываясь в довольно специфическом положении: с одной стороны, нигилист молод и поэтому именно ему «принадлежит будущее»; но с другой стороны, каким будет это будущее, построенное на идее отрицания культурных ценностей прошлого. В недопустимости мира без культуры состоит главный парадокс романа. Отказ в статусе положительного героя Базарову и Павлу Петровичу предопределен Николаем Петровичем. В то время как Базаров яростно отрицал все и вся, а Павел Петрович ратовал за стиль жизни по английским канонам, Николай Петрович оставался консервативно самобытным. Именно Николай Петрович безуспешно пытался примирить спорщиков, именно Николай Петрович взял в жены крестьянскую девушку Фенечку, буквально стирая границу социального превосходства дворянства над крестьянством. Человеческий фактор, по замыслу Тургенева, преобладает над идеологической борьбой, о чем свидетельствует близость Николая Петровича природе и русскому менталитету. Может ли Базаров называть себя исключительно русским человеком, говоря: «мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» [1, с.195]. Несомненно, Базаров говорит, что он русский в большей степени, чем Павел Петрович: «Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас – в вас или во мне – он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете» [1, с.194]. Парадоксально, что само понятие «нигилизм» не является исконно русским, а Базаров называет своими учителями немцев [1, с.171]. Тема нигилизма фактически может считаться вечной: исследовались истоки нигилизма и его дальнейшие трансформации [19, с. 194]. «Непризнание абсолютных и действительно общеобязательных ценностей, культ материальной пользы большинства обосновывают примат силы над правом, догмат о верховенстве классово-борьбы, отсюда – чудовищная, морально недопустимая непоследовательность в отношении к террору правому и левому, к программам чёрным и красным и вообще не только отсутствие, но и принципиальное отрицание справедливого, объективного отношения к противнику» [20, с. 195], - пишет С.Л. Франк, размышляя о нигилизме. Следовательно, Базаров лишь условно мыслит «по-русски». Но не менее «русский» и Павел Петрович – аристократ, предпочитающий английскую эстетику. Базаров прав в том, что Павел Петрович в значительной степени чужой в русском обществе. Но не менее прав и Павел Петрович, укоряющий Базарова за излишний радикализм в отношении к русскому народу, творчеству А.С.Пушкина и проч. Ю.Манн указывает на то, что Базарову выпала доля пережить начальную стадию нового и, вероятно, самого мучительного вида отпадения – отпадения от мира, в котором уже нет бога [21, с. 236]. Фактически данная мысль применима и к образу Павла Петровича. Главная идейная фраза в конфликте Базаров-Павел Петрович принадлежит Николаю Петровичу: «Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить» [1, с.193]. Созидание становится главным аргументом против спорщиков.

В конце романа Базаров умирает, Павел Петрович уезжает в Дрезден. Спустя много лет об этом писал Ж.-П. Сартр, утверждая, что история любой жизни есть ни что иное как история поражения [22, с. 720]. Герои, воплощающие в себе архетип трикстера, не нашли тех, кому могли бы быть полезны. В этом состоит еще один критерий близости героев данному архетипу. «Дети продолжают дела отцов, и это продолжение возможно только в традиции созидания и культуры, а не разрушения и нигилизма» [23, с. 83], - замечает Никольский, намекая на контекстуальное родство героев. И Павел Петрович, и Базаров по своей контекстуальной сути не оказались целостными образами, способными предопределить развитие русской культуры в ее исконной формации, трансформировав свои идеологические убеждения в единую духовно-практическую парадигму.

Подводя итог ранее сказанному, хотелось бы отметить: в романе «Отцы и дети» Тургенев представил образы Базарова и Павла Петровича – героев, являющегося воплощением трикстера. На это указывают отличительные особенности данного архетипа, наличествую-

щие в анализируемых образах. Среди таковых можно выделить специфическую одежду героев, цветовую гамму, сопровождающую внешность, модель поведения и, что самое главное, близость природе. Базаров был далек от русского народа в мировоззренческом аспекте, Павел Петрович – в идеологическом. Отличен от них Николай Петрович, оставшийся хранителем русской самобытности и культуры. Петербург, породивший данные типы – аристократа и нигилиста – оказывается особым миром, где бытуют теории, не находящие своего применения в обычной повседневной жизни, где утопические концепции переустройства русского общества далеки от самого общества. Место положительного героя русской литературы остается свободным, т.к. едва ли его может занимать трикстер, архетип, не предполагающий собственной целостности.

Библиографический список

1. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. Т.3. – М.: Художественная литература, 1976. – С.151 – 334.
2. Марченко А.М. Лермонтов. М.: АСТ, Астрель, 2010. 624 с.
3. Лакшин В.Я. Островский. М.: Искусство, 1982. 568 с.
4. Золотусский И.П. Гоголь. М.: Молодая гвардия. 2009. 485 с.
5. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С.102–117.
6. Pearce C.S. Pragmatism: The Classic Writings. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1982. 383 p.
7. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача // Пирогов Н.И. Собр. соч. в 2 т. Т.1. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – 525 с.
8. Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 540 с.
9. Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 1999. – 497 с.
10. Юнг К.Г. Алхимия снов: четыре архетипа. М.: Медков С.Б., 2011. 312 с.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический проект; Мир, 2012. 331 с.
12. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
13. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State. // The Center for Slavic, Eurasian, and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Issue 1. P. 25-45.
14. Ripp V. Turgenev's Russia: From "Notes of a Hunter" to "Fathers and Sons". Ithaca and London: Cornell University Press, 1980. 193 p.
15. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство СПб», 2011. 413 с.
16. Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 223 с.
17. Wilson R. K. Ivan Turgenev's "Rudin" and Joseph Conrad's "Heart of Darkness": A Parallel Interpretation // Comparative Literature Studies. 1995. Vol. 32. No. 1. P. 26–41.
18. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1986. 384 с.
19. Павлов А.С. О тургеневском нигилизме // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. М.: Голос, 2018. С. 194-208
20. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из Глубины. М.: Издательство «Правда», 1991. С. 167-200.
21. Манн Ю. Базаров и другие // Новый мир. 1968. № 10. С. 236–266.

22. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015. 928 с.

23. Никольский А.С., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиск ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 750 с.

References

1. Turgenev I.S. Fathers and Sons // Turgenev I.S. Collected works in 12 t. T. 3. Moscow: Fiction, 1976. P.151 - 334.

2. Marchenko A.M. Lermontov. Moscow: AST, Astrel, 2010.624 p.

3. Lakshin V.Y. Ostrovsky. Moscow: Art, 1982. 568 p.

4. Zolotussky I.P. Gogol. Moscow: Young Guard. 2009. 485 p.

5. Jacobson R.O. In search of the essence of the language // Semiotics. Moscow: Rainbow, 1983. P.102–117.

6. Pearce C.S. Pragmatism: The Classic Writings. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1982. 383 p.

7. Pirogov N.I. Matters of life. Diary of an old doctor // Pirogov N.I. Collected works in 2 t. T. 1. St. Petersburg: Printing house M.M. Stasyulevich, 1887 .525 p.

8. Bokova V.M. The daily life of Moscow in the 19th century. Moscow: Young Guard, 2010 .540 p.

9. Julien N. Dictionary of characters. Chelyabinsk: Ural L.T.D., 1999 . 497 p.

10. Jung K.G. Alchemy of dreams: four archetypes. Moscow: Medkov S.B., 2011.312 p.

11. Meletinsky E.M. The poetics of myth. Moscow: Academic project; World, 2012. 331 p.

12. Zelenin D.K. East Slavic ethnography. Moscow: Nauka, 1991.511 p.

13. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State. // The Center for Slavic, Eurasian, and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Issue 1. P. 25-45.

14. Ripp V. Turgenev's Russia: From "Notes of a Hunter" to "Fathers and Sons". Ithaca and London: Cornell University Press, 1980. 193 p.

15. Lotman Y.M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century). St. Petersburg: The Art of St. Petersburg, 2011. 413 p.

16. Markovich V.M. Turgenev and the Russian realistic novel of the 19th century. Leningrad: Publishing house of the Leningrad University, 1982. 223 p.

17. Wilson R. K. Ivan Turgenev's "Rudin" and Joseph Conrad's "Heart of Darkness": A Parallel Interpretation // Comparative Literature Studies. 1995. Vol. 32. No. 1. P. 26–41.

18. Jung K.G. Soul and myth: six archetypes. Kiev: State Library of Ukraine for the Youth, 1986. 384 p.

19. Pavlov A.S. About Turgenev's nihilism // Ivan Turgenev's Clock. International conference "Ivan Sergeevich Turgenev: philosophizing writer and political philosopher. On the occasion of the 200th anniversary of his birth". World Philosophy Day November 15, 2018. М .: Golos, 2018. P. 194-208

20. Frank S.L. Ethics of nihilism // Milestones. From the depth. Moscow: Publishing house "Pravda", 1991. P. 167-200.

21. Mann Y. Bazarov and others // New World. 1968. No. 10. P. 236–266.

22. Sartre J.-P. Being and nothing. The experience of phenomenological ontology. Moscow: AST, 2015.928 p.

23. Nikolsky A.S., Filimonov V.P. Russian worldview. How positive is it possible in Russia: the search for an answer in Russian philosophy and classical literature of the 40-60s of the 19th century. Moscow: Progress-Tradition, 2009. 750 p.

УДК 811.161.1'373.2

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка как иностранного
Вязовская В.В.
Россия, г. Воронеж
e-mail: v.vyazovskaya@ gmail. com*

*Voronezh State University
The chair of Russian
as a foreign language
PhD, associate professor
Vyazovskaya V.V.
Russia, Voronezh
e-mail: v.vyazovskaya@ gmail. com*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

В.В. Вязовская, Е.О. Кузьминых

«КЛИЧКИ ГРЕКО-РОССИЙСКОГО КАЛЕНДАРЯ»: К СПЕЦИФИКЕ ИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ Н.С. ЛЕСКОВА

Статья посвящена именам собственным в творчестве Н.С. Лескова. Рассмотрены взгляды Н.С. Лескова на традицию русского имянаречения и место имени собственного в русском народном самосознании XIX века. Н.С. Лесков ценит потенциал имени собственного и акцентирует внимание читателя на именах как в публицистических, так и в художественных текстах. Для писателя характерно введение в пространство текста авторского комментария, вскрывающего этимологию имени или причину имянаречения. Материалом исследования послужили публицистика Н.С. Лескова разных лет и его первый роман-памфлет «Некуда» (1864). Писатель использует как имена биографического характера (*Лавсаик, Яков, Черныш*), фиксирующие моменты его жизненного пути, так и создаёт вымышленные. Имена героев обнаруживают системные культурно-ассоциативные связи и имплицитно выражают авторскую оценку. Исследуемые онимы персонажей-иностранцев являются вымышленными, они созданы по существующим моделям национальных антропонимических систем и отражают не только их национальный колорит, но и особенности характера их носителей – представителей разных культур – китайской (азиатский гость *Фи-ю-фи*) и греческой (ревизор *Сафьянос*). Такой подход писателя к созданию имён для иностранцев помогает раскрыть образ персонажа и сделать его максимально ярким. Данные имена персонажей-иностранцев относятся к именам-каламбурам, в основе которых лежит мастерская игра Н.С. Лескова со словом, во многом определяющая и формирующая индивидуальность его стиля. Проанализированные онимы персонажей ассоциативно связаны между собой, образуя именную систему текста, и участвуют в осуществлении авторского замысла писателя.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, ономастика, анализ художественного текста, имена иностранцев, писатель и имя, языковая игра, каламбуры, индивидуальный стиль автора.

V.V. Vjazovskaya, E.O. Kuzminukh

«THE NICKNAMES OF GREEK AND RUSSIAN CALENDAR»: TO THE SPECIFICS OF NAMING OF LESKOV'S CHARACTERS

The article is devoted to proper names in N.S. Leskov's works. The authors consider N.S. Leskov's views on

Russian traditions of name-giving and the place of proper names in Russian people's mentality of the 19th century. N.S. Leskov highly evaluates the potential of proper names and attracts the readers' attention to the names in his artistic and journalistic works as well. It is typical for the writer to enter the commentary into the text in order to reveal the etymology of the name or the reason of its giving. Our research is based on N.S. Leskov's journalistic works of different years and his pamphlet novel "Nowhere to go" (1864). The writer can use biographical names which reflect the moments of the hero's life or create fictional names as well. The heroes' names reveal system cultural associations and implicitly convey the author's estimation. The considered names of foreign heroes are fictional but constructed according to real models of national anthroponomical systems. They reflect not only national atmosphere but also the nature of the heroes which belong to Chinese and Greek cultures. This approach to creation of foreign names helps to reveal the image of the hero and make it as bright as possible. The mentioned names of foreign heroes are based on wordplay which demonstrate how N.S. Leskov's skill mark and form his individual style. The analyzed names are connected with each other, form the onomastic system of the text and fulfill the author's ideas.

Key words: N.S. Leskov, onomatology, analysis of fiction, foreign names, the writer and the name, wordplay, word game, the author's individual style.

Н.С. Лесков – общепризнанный мастер пера XIX века. Особое восприятие писателем действительности, получившее выражение в его творчестве, во многом оказалось стоящим особняком из-за особой стилиевой манеры. По верному замечанию Б. Эйхенбаума, «при этом имеется в виду не стиль вообще, а прежде всего именно язык – то есть самый словесный состав, самый словарь его произведений [1]. Язык Н.С. Лескова своей «вычурностью», особой манерой привлекал и продолжает привлекать внимание многих исследователей [2; 3; 4; 5;6].

Н.С. Лесков, описывая события современной ему действительности, словно плетёт словесное кружево, неповторимый узор которого отражает органичность и самобытность живой русской речи. В своём очерке «Псков» (1863) писатель иронизирует над «здесьним умником» [7], который «срезал» его своим вопросом о мирском имени Христа. Обескураженный писатель, узнав, что Христа называли *Яков*, поражается невежеству своего собеседника и даёт яркий пример «народной этимологии»: «В тропаре поется «яко бо прославися» – из этого сделано «*Яковом прославися*». Впоследствии я слышал это сказание еще от двух крестьян, из которых один был прядильщик из Орловской губернии. К довершению прелести должно сказать, что со времени уничтожения школ в среде псковских раскольников завелось много безграмотных, и если бы здесь не Павел с своим апостолом Х., то псковская община, кажется, давно способна бы пожалуй выкинуть такую же штуку, какую, по слухам, отлили недавно тысячи пермских поморцев, обращённых одной бабой из поморства в безбрачную феодосеевщину» [7].

Н.С. Лесков сознательно акцентирует внимание читателя на имени. В своей статье «О кувельном мужике и проч. заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом» (1836) он подробно объясняет название упомянутой книги *Лавсаик*, которое, по его мнению, может вызвать затруднение у читателя: «Странное и непонятное для объяснения название «Лавсаик» книга эта получила потому, что она написана Палладием «по желанию» знаменитого мужа Лавса, занимавшего весьма важную должность при византийском дворе. Писана она по-гречески и переведена на другие языки – в том числе и на русский. Любителям житийных повестей «Лавсаик» всегда был известен» [8; с. 136-137].

Н.С. Лесков привлекает внимание читателя и к тому, что послужило причиной имянаречения: «В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея старшему Чернышу случилось ехать с ним вместе вёрст за пятьдесят или за сто от Нежина в деревню в гости к каким-то их общим знакомым. Помнится, будто родственник Черныша, сообщавшего этот рассказ Гудовскому, тоже назывался Черныш. Во всяком случае, для удобства в изложении мы будем звать его этим именем» [9; с. 46].

В романе-пафлете «Некуда» (1864) Лесков говорит устами главного героя – доктора Розанова – о существующей традиции имянаречения в русской культуре: «...Не слушайте

меня, преподлейшего в сношениях с зверями, которые станут называть себя перед вами разными кличками греко-российского календаря» [10; с.76].

Подчёркивая фамильярность штабс-капитанши Давыдовской в общении с мужчинами, её «игривый» тон, Лесков указывает на одну особенность ее речевого поведения – использовать краткую форму имени: «Нужно заметить, что она всем мужчинам после самого непродолжительного знакомства говорила ты и звала их полуименем [10; с. 261]. Так, намекая доктору Дмитрию Розанову на неверность его жены, Давыдовская фамильярно называет его *Митькой* и *Митюшей*: «Брат *Митюша*, люди говорят: кто верит жене в доме, а лошади в поле, тот дурак» [10; с. 261]. При этом ответная реплика доктора – «Моя жена не таковская» [10; с. 262], которая точно рифмуется с фамилией капитанши – *таковская /Давыдовская*, является отнюдь не случайной, так как имплицитно выражает мнение доктора Розанова и всего провинциального общества о штабс-капитанше: Давыдовская отличается «раболепной любовью к молодежи» [10; с. 256.], из-за которой «люди толковали разное» [10; с. 256]. Таким образом, мотив неверности и осуждения обществом скрыт в фамилии героини. В основе фамилии героини лежит имя *Давыд* – русский вариант имени известного библейского царя *Давида*, которое в переводе с древнеевр. языка означает «любимый, возлюбленный» [11; с. 161].

Фигура праведника Давида, второго царя Израиля, занимает одно из центральных мест в Священном Писании. Помимо своей мудрости и кротости, он стал известен тем, что впал в грех прелюбодеяния, полюбив Вирсавию, жену своего военачальника Урии, которого намеренно отправляет для участия в жестоком сражении на верную смерть. После раскаяния Давид был прощён Богом после того, как он выдержал все посланные ему испытания. История грехопадения Давида нашла отражение в русском самосознании, о чем свидетельствует наличие пословиц: «Давидски согрешаем, да не давидски каемся», «Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его» [12]. «Слабость» капитанши подержана наличием в её доме цветка *волкомерии*, с которого она снимает сухие листья. Цветок *волкамерия* (клеродендрум) был распространён в бытовой культуре начала XIX века за необычную форму и оригинальное бело-красное сочетание своих цветков. В повести Н.С. Лескова «Полунощники. Пейзаж и жанр» (1890) этот цветок был отнесён к разряду купеческих: «В окнах, которыми заканчивается коридор по одну и по другую сторону, стоят купеческие цветы: герань, бальзамины, волкамерия, красный лопушок и мольное дерево» [13; с. 122]. В народе волкамерию называют «невинной любовью» благодаря особой форме листьев, похожих на сердце, а также «деревом судьбы» – именно так переводится с греческого языка научное название этого цветка: *Clerodendrum* (*cleros* «судьба», *dendrum* «дерево»).

Сухие листья волькамерии, которые обрывает капитанша, его увядание, символизируют крах любовных надежд Давыдовской. Осуждение капитанши выражает соседка, используя в своей речи уничижительную форму антропонима: «...А ведь Давыдовчихин муж-то, должно что, еще жив» [10; с. 255]. При этом, на первый взгляд, автор нивелирует все подозрения по поводу «тесной приязни» Давыдовской с её жильцом, объясняя тем, что «он молод, что с ним можно врать всякую скоромь и, сидя у него, можно встречаться с разными молодыми людьми» [10; с. 255]. Как известно, слово *скором* означает пищу животного происхождения, от употребления которой человек воздерживается во время поста и, в связи с этим употребляется чаще всего в контексте «пост», «непостная пища». «Не грехи, не скоромья» - так звучит известное выражение. В данном случае выражение *врать скоромь* означает «говорить скоромные речи», т.е. непристойные речи [14], что в ассоциативном плане связано с совершением греховного действия и, в свою очередь, с историей грехопадения царя Давида.

Итак, Давыдовская являет собой женщину, образ жизни которой общество уездного городка порицает, её дом является местом, где можно «<...> провести повеселее ночку» [10; с. 311].

Фамилия капитанши посредством введения военного мотива связана с фигурой царя Давида, который известен как талантливый военачальник и завоеватель. Во-первых, сама героиня замужем за капитаном, в результате чего она и получает свой статус капитанши. Образ создан Н.С. Лесковым с присущим ему комизмом, напоминающим стиль Н.В. Гоголя: «белокурая барыня с пробором на боку, с победоносным взором» [10; с. 254], «грозная половина» [10; с. 255]. Давыдовская отказывается исполнять все предписания: «не позволяла дворнику мести тротуаров, когда это требовалось полициею; не зажигала в положенные дни плошек; не красила труб» [10; с. 255]. При обращении к другим персонажам капитанша использует имена, связанные с военной тематикой. Например, называет шутливо своего жильца, *Аникой-воином* – именем известного былинного богатыря: «Ах, батюшка Аника-воин, не ширись так, сделай свое одолжение! Ты прежде расспроси, мало ли я тут с ними стражения имела: я, может быть, горло все надсадила» [10; с. 412]. Всех недругов она именует Моркобрунами: «Начальство она ненавидела искони: всех начальствующих лиц, какого бы они сана и возраста ни были, называла почему-то «Моркобрунами» и готова была всегда устроить им какую-нибудь пакость» [10; с. 255]. Маркобрун – это имя короля известной сказки о Бове Королевиче. В тексте романа встречается 2 варианта написания этого имени: Маркобрун (маркобрунство) и Моркобрун. Е.В. Гаева, исследующая редкие слова в творчестве Н.С. Лескова, объясняет вариативность невнимательностью издателя [15; с. 71].

Принимая во внимание непростую судьбу романа – он подвергся жестокой работе со стороны цензоров, а также то, что рукопись не сохранилась, версия Е.В. Гаевой о том, что Н.С. Лесков сохранил имя короля *Маркобрун*, представляется реальной. Однако, учитывая пристрастие Н.С. Лескова к языковой игре – создание особого рода контаминаций, искажений, стилизацию имён собственных в духе народной этимологии (Каквас, Мордоконани, мелкоскоп, инпузории, и т.д.), можно предположить, что авторским мог быть вариант правописания с буквой «о»: *Моркобрун*. Так как образ героини штабс-капитанши Давыдовской полон комизма и содержит гротескные черты, то искаженное имя *Моркобрун* можно рассматривать как контаминацию слов: мор - «мрак», «смерть» и «кобра». Данные слова, вызывающие в русском самосознании устойчивые ассоциации с подземным миром, миром зла и коварства, усиливают образ сказочного короля Маркобруна – завоевателя, командующего многотысячным войском, и тем самым придают комизм речи капитанши: группу полицейских, проводивших обыск у ее жильца, она определяет как «целое маркобрунство» [10; с. 412]: «А то я их, маркобрунов, бояться стану! Но ведь ничего нельзя сделать – нахрапом лезут» [10; с. 412]. Итак, рассмотренная фамилия капитанши *Давыдовская* участвует в формировании образа героини и вместе с тем формирует совместно с другими фоновыми именами (Аника-воин, Маркобрун) ономастическую систему романа.

Н.С. Лесков часто прибегает к комментированию имён своих персонажей: «Это были заброшенный сирота, приёмш маркизы (ныне архитектор) Брюхачев и его жена Марья Николаевна, окрещенная маркизою по страсти к переделке имен в ласкательные клички из Марьи в Мареичку» [10; с. 329], «пять сестер Ярославцевых и маркиза де Бараль, назывались в некоторых московских кружках углекислыми феями Чистых Прудов, а дом, в котором они обитали, был известен под именем вдовьего загона» [10; с. 320], «У маркизы был сын Орест, который долго назывался «Оничкой», [10; с. 322], «В час я еду кататься на своей Люси: так называется моя лошадь» [10; с. 368].

В некоторых случаях писатель полностью вскрывает этимологию имени, указывая на причины, послужившие для именованья персонажа. Так, он объясняет кличку *Christuskopf* (голова Христова), данную молодому Райнеру, в основе которой лежит портретная характеристика – сходство с волосами Христа: «Прелестные русые кудри вились и густыми локона-

ми падали на плечи, открывая только с боков античную белую шею; по лицу проступал легкий пушок, обозначалась небольшая раздваивающаяся бородка, и над верхней губой вились тоненькие усики. Сентиментальные немочки Гейдельберга, любясь очаровательною головою Райнера, в шутку прозвали его *Christuskopf*, и скоро эта кличка заменила для него его настоящее имя» [10; с. 285]. *Christuskopf*, или «Голова Христова» – название известной картины Аннибале Карраччи, итальянского художника конца XVI века. Аннибале Карраччи, которого называли новым Рафаэлем, впервые создал психологический образ Христа [16]. Н.С. Лесков был известным коллекционером и ценителем изобразительного искусства. Андрей Лесков, сын писателя, указывает, что «в библиотеке Лескова было несколько кипсеков и четыре тяжелых тома in folio изд. Вольфа – “Картинные галереи Европы”» [17; с. 217]. В настоящий момент в архиве Н.С. Лескова представлены искусствоведческие издания, снабжённые его пометами: А.И. Сомов «Картины императорского Эрмитажа. Для посетителей этой галереи» (1859) и «Императорский Эрмитаж. Каталог картин» (1863) [18; 19; 20].

По воспоминаниям современников, квартира Н.С. Лескова напоминала музей, в котором были собраны и удивительным образом скомпонованы различные предметы старины. Задумав писать рассказ «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении» (1885), Н.С. Лесков обращается к М.И. Пыляеву с просьбой рекомендовать литературу по камням: «Во мне всегда была – не знаю, счастливая или несчастная, – слабость увлекаться тем или другим родом искусства. Так я пристращался к иконописи, к народному песнотворчеству, к врачеванию, к реставраторству и пр[очему]» [17; с. 200]. По воспоминаниям В. Русакова, Ф.Ф. Фидлера, Л.И. Веселитской и других современников писателя, его квартиру отличали пестрота и многообразие предметов самого разного рода: «напряженность убранства, излишек /но не нелепая “бесчисленность”/ часов, обилие богородиц, спасов, иногда в странном соседстве и чередовании с картинами резко иного характера» [17; с. 207].

Имена иностранцев в романе «Некуда», как правило, национально окрашенные. Таковыми являются имена китайца *Фи-ю-фи* и грека *Сафьянос*. «Отличительною чертою характера Фи-ю-фи было то, что он никогда ничему не удивлялся или, по крайней мере, весьма тщательно скрывал свое удивление и любил для всех чудес европейской цивилизации отыскивать подобия в китайской жизни» [10; с. 581]. Ономастический эффект имени создаётся за счёт коротких по длине слов, столь характерных для китайского языка. Сохраняется и особенность структуры антропонима, который представляет собой трехкомпонентное единство *Фи-ю-фи*. «Чужеродность» имени обусловлена его буквенным составом: буква «ф» в русском языке является заимствованной, все русские слова, начинающиеся с этой буквы, заимствованы из других языков. Уклад жизни коммуны «Дом согласия», в которую китаец попадает в качестве заморской диковины, он называет словом, созвучным своему имени, религией *Фо*: «Фо все живут в кумирнях, и их поклонники тоже приходят» [10; с. 582]. Комизм мотива чужестранца поддерживает ещё одна важная деталь, а именно наличие у него собственного *чичероне*, в качестве которого выступает Райнер. Слово *чичероне* восходит к ит. *cicerone* – имени известного римского оратора Марка Цицерона и обозначало человека, объясняющего различные древности и редкости, затем этим словом стали называть переводчика, знакомящего иностранца с местными реалиями [21; с.950]. Китаец появляется благодаря Райнеру, который привозит его в качестве «редкости» [10; с. 580] в Россию, а впоследствии ведёт его в качестве «редкого посетителя» в коммуну [10; с. 581]. Таким образом, создаётся зримая целостность образа персонажа: Фи-ю-фи иностранец, «заморская диковина», которую везде сопровождает собственный чичероне.

Ещё один колоритный персонаж-иностранец, «вообще грек по всем правилам греческой механики и архитектуры» [10; с. 223], ревизор, статский советник *Апостол Асигкритович Сафьянос*. Звуковой облик отчества персонажа имитирует «труднопроизносимость» для русского слуха, также же длину греческой имени. Грек *Сафьянос* подобно гоголевскому ревизи-

ру Хлестакову оказывается хвастуном: «У минэ есть свой король, своё правительство. <...> У нас усе, усе растёт. У нас рыба усякая, камбола такая, с изюмом» [10; с. 239]. Н.С. Лесков точно воссоздает ономапоэтический эффект греческого акцента Сафьяноса. Усиливает комизм антропонима приём аллитерации, сопровождающий имя *Сафьянос*: «закинул руку за спинку стула, поставленного несколько в стороне от Сафьяноса» [10; с. 228], «<...> наврал об Одессе, о греческом клубе, о предполагаемых реформах по министерству, о стремлении начальства сблизиться с подчиненными и о своих собственных многосторонних занятиях» [10; с. 229].

Имя заезжего ревизора *Апостол* фиксирует его появление в городе: аппелятив *апостол* означает посланника, проповедника, отчество восходит к имени библейского апостола - *Асинкрит*. Сафьянос отправлен с целью ревизии местной гимназии. Однако в городе никто всерьёз не воспринимает Сафьяноса, даже дьякон разговаривает с ним с некоторой долей иронии:

«— Оцэнь созалею, оцэнь созалею, отец дьякон, цто вы оставляете уцилиссе, — отнесся он к Александровскому. — Хуць минэ некогда било смотреть самому, ну, нас поцтенный хозяин рекомэндуе вас с самой лестной стороны.

— Да, покидаю, покидаю. Линия такая подошла, ваше превосходительство, — отвечал дьякон с развязностью русского человека перед сильным лицом, которое вследствие особых обстоятельств отныне уже не может попробовать на нем свои силы» [10; с. 225].

Фамилия ревизора создана по распространённой греческой модели с суффиксом *-ос* (Пападаполос, Тулиатос) и восходит к аппелятиву *сафьян* - 'козёл, выделанная козловая кожа' [14]. Действительно, что можно ждать от ревизора с такой фамилией?! Ревизор даёт двугривенные за совершенно бесполезную информацию, например, за то, что в «реке Саванке во всякое время года в изобилии ловится всякая рыба и даже стерлядь» [10; с. 231]. Недаром «<...> доктор и Вязмитинов понимали, что Сафьянос и глуп и хвастун; остальные не осуждали начальство» [10; с. 231]; «С каждым новым стаканом Сафьянос все более и более вовлекался в свою либеральную роль, и им овладевал хвастливый бес многоречия, любящий все пьяные головы вообще, а греческие в особенности» [10; с. 229].

Н.С. Лесков играет с именем, стирая границы между именем собственным и нарицательным. Значимым в этом плане является шутовское замечание поляка относительно лексемы *черт*, используемой в качестве номинации простого мужика:

«— Co to za nazwisko ciekawe? Powiedz mnie, Kaziu, proszę ciebie, — произнес удивленный старик, обращаясь к племяннику. — Co to jest takiego: chyba juz doprawdy wy i z diabłami tutaj rozpoznałiscie?¹ — добавил он, смеючись.

— Да это вот они, мужики, одного «чертом» зовут, — отвечал по-русски Рациборский.

— То-то, а я, як провинциял, думаю, что может тутейшая наука млодых юж и дьябла до ўслуг сэбе забрала, — проговорил, опять играя, старик [10; с. 295].

Простого мужика называют *чёртом*: *черт* принёс, *черт* звонил, который настолько свыкся с подобным именованим, что сам признает себя чёртом: «выступила тяжелая, массивная фигура в замасленном дубленом полушубке.

— Это ты, черт? — спросил, не оборачиваясь, Арапов.

— Я-с, — произнесла сиплым голосом фигура» [10; с. 289].

Вполне очевидна портретная характеристика, данная *мужику-чёрту*: «Бог знает, что это было такое: роста огромного, ручки длинные, ниже колен, голова как малый пивной котел, говорит сиплым басом, рот до ушей и такой неприятный, и подлый, и чувственный, и

¹ Что это за любопытное имя? Скажи мне, Казя, прошу тебя... Что это значит: неужели вы здесь в самом деле и с чертями спознались? (*польск.*) [10; с. 289]

холодно-жестокий» [10; с. 289]. При этом Н.С. Лесков объясняет, что послужило причиной для такого «имянаречения»:

«— А это, батюшка, артист: иконописанием занимался и бурлаком был, *и черт его знает, чем он не был*» [10; с. 289].

В данном случае Н.С. Лесков намеренно не даёт имени персонажу, создавая типичный образ мужика, не сумевшего найти себя в столице и перебивающего на временных заработках: «Чёрт - одна из тех многочисленных личностей, которые обитают в Москве, целый век таясь и пресмыкаясь, и понимал, что этому созданию с вероятностью можно ожидать паспорта только на тот свет» [10; с. 289].

Таким образом, имя собственное играет важную роль в творческой лаборатории Н.С. Лескова. Для своих персонажей Лесков использует как биографические имена, так и вымышленные. Писатель проявляет пристальный интерес к имени, к процессу имянаречения не только в художественных текстах, но и в публицистике. Н.С. Лесков акцентирует внимание читателя на антропонимии, вводя авторский комментарий относительно этимологии или причин, послуживших для выбора того или иного имени. Н.С. Лесков в полной мере использует потенциал ономастических единиц, а выбрав имя, искусно вплетает его в ткань художественного текста. Имя штабс-капитанши *Давыдовской* обрастает новыми смыслами, становится аллюзивным, тем самым формируя образ героини. Реализуя ассоциативные связи с фоновыми именами (*Маркобрун*), с другими лексическими единицами (название цветка – волкамерия), данный антропоним формирует ономастическую систему романа, превращая его в прецедентный текст. Имена персонажей-иностранцев являются национально-окрашенными, созданными по моделям существующих именных систем и отражают не только их национальный колорит, но и особенности характера представителей данных культур (азиатский гость *Фи-ю-фи* / религия *Фо* / *чичероне* и грек-ревизор *Сафьянос*). Особая экспрессивность этих имён также достигается благодаря ономапоэтическому эффекту. Все рассмотренные онимы выполняют текстообразующую функцию, участвуют в осуществлении авторского замысла писателя и являются ярким образцом мастерской игры Н.С. Лескова со словом, во многом определяющей и формирующей индивидуальность его стиля.

Библиографический список

1. Эйхенбаум Б. «Чрезмерный» писатель: (К 100-летию рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 327-345. URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-327.htm> (дата обращения – 19.10. 2018)
2. Столярова И.В. В поисках идеала: (Творчество Н.С. Лескова). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. 231 с.
3. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1904. 411 с.
4. Гебель В.А. Н.С. Лесков в творческой лаборатории. М: Сов. писатель, 1945. 221 с.
5. Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова: поэтика «отражений» Н.С. Лескова: монография. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2013. 204 с.
6. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. 317 с.
7. Лесков Н.С. Псков // Лесков Н.С. С людьми древнего благочестия. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 20-31.
8. Лесков Н.С. О кувельном мужике и проч. заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. Статьи. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956. С.134-156.

9. Н.С. Лесков. Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе. // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. Статьи. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956. С. 45-70.
10. Лесков Н.С. «Некуда» // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. 757 с.
11. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
12. Даль В.И. Пословицы русского народа. URL: <https://vdahl.ru> (дата обращения – 01.01.2020).
13. Лесков Н.С. Полунощники. Пейзаж и жанр. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1956. С.117-217.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://infolio.asf.ru/Sprav/dal/00/617.html> (дата обращения – 01.01.2020).
15. Гаева Е. В. Вариативные написания в современных изданиях Н. Лескова. URL: <http://naukarus.com/variativnyye-napisaniya-v-sovremennyh-izdaniyah-n-leskova> (дата обращения – 01.01.2020).
16. Медведев А.А. Картина А. Карраччи «Christuskopf» и «положительно прекрасный человек» в творчестве Ф.М. Достоевского (Вл. Соловьёв как прототип Алеши Карамазова) // Соловьёвские исследования. Вып. 1 (45) 2015. С. 30-42.
17. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. В 2-х томах. Т. 2. Ч. V-VII. М.: Худож. лит., 1984. 607 с.
18. Сомов А.И. Картины императорского Эрмитажа. Для посетителей этой галереи. Сост. А. Сомов. СПб.: тип. А. Якобсона, 1859. 176 с.
19. Каталог картин. Имп. Эрмитаж. Санкт-Петербург: В тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1863. 20, 396, XXXI с.
20. Буткевич А.А. Искусствоведческий компонент в творческом методе Н.С. Лескова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2014. № 169. С. 39-44.
21. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи. Сост. под ред. А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург: Изд. книгопродавца В.И. Губинского, 1894. [4], IV, 989, III с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003636516/ (дата обращения – 01.01.2020).

References

1. Eichenbaum B. “Excessive” writer: (On the 100th anniversary of the birth of N. Leskov) // Eichenbaum B. On prose. Leningrad, 1969. P. 327-345. URL: <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-327.htm> (date of application – 19.10. 2018)
2. Stolyarova I.V. In search of the ideal: (Creativity of N.S. Leskov). Leningrad State University, 1978. 231 p.
3. Faresov A.I. Against the currents. N.S. Leskov. His life, writings, controversy and memories. St. Petersburg, 1904. 411 p.
4. Gebel V.A. N.S. Leskov in a creative laboratory. Moscow, 1945. 221 p.
5. Dykhanova B.S. In the mirror behind the wizard's words: the poetics of N.S. Leskov's “reflections”. Voronezh State Pedagogical University, 2013. 204 p.
6. Evdokimova O.V. Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics. St. Petersburg, 2001. 317 p.
7. Leskov N.S. Pskov // Leskov N.S. With people of ancient piety. Moscow, 2014. P. 20-31.
8. Leskov N.S. About the kitchen man and others notes on some reviews of L. Tolstoy // Leskov N.S. Collected Works: in 11 vols. Vol. 11. Articles. Memories. Moscow, 1956. P.134-156.
9. N.S. Leskov. The wayman. From apocryphal stories about Gogol. // Leskov N.S. Collected Works: in 11 vols. Vol. 11. Articles. Memories. Moscow, 1956. P. 45-70.

10. Leskov N.S. "Nowhere to go" // Leskov N.S. Collected Works: in 11 vols. Vol. 2. Moscow, 1956. 757 p.
11. Superanskaya A.V. The dictionary of Russian personal names. Moscow, 2003. 554 p.
12. Dal V.I. Proverbs of the Russian people. URL: <https://vdahl.ru> (date of application – 01.01.2020).
13. Leskov N.S. Midnight men. Landscape and genre. Leskov N.S. Collected Works: in 11 vols. Vol. 9. Moscow, 1956. P.117-217.
14. Dal V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. URL: <http://infoлио.asf.ru/Sprav/dal/00/617.html> (date of application – 01.01.2020).
15. Gaeva E. V. Variable spellings in modern editions of N. Leskov's works. URL: <http://naukarus.com/variativnye-napisaniya-v-sovremennyh-izdaniyah-n-leskova> (date of application – 01.01.2020).
16. Medvedev A.A. The picture "Christuskopf" by A. Carracci and "positively beautiful man" in the works by F.M. Dostoevsky (VI. Soloviev as a prototype of Alesha Karamazov) // Solovyov studies. Vol. 1 (45) 2015. P. 30-42.
17. Leskov A.N. Life of Nikolai Leskov according to his personal, family and non-family records and memoirs. In 2 volumes. Vol. 2. Part V-VII. Moscow, 1984. 607 p.
18. Somov A.I. Pictures of the Imperial Hermitage. For visitors to this gallery. Comp. by A. Somov. St. Petersburg: printing house of A. Jacobson, 1859.176 p.
19. The catalog of paintings. Imp. Hermitage. St. Petersburg: printing house Expedition harvested. State papers, 1863.20, 396, XXXI p.
20. Butkevich A.A. The art component in the creative method of N. S. Leskov // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. SPb., 2014. No. 169. P. 39-44.
21. Dictionary of foreign words included in the Russian language: Materials for the lexical development of borrowed words in Russian. lit. speech. St. Petersburg, 1894. [4], IV, 989, III c. URL.: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003636516/ (date of application – 01.01.2020).

УДК 82-31

*Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского, общего и славянского языкознания
Рогалев А.Ф.
Беларусь, г. Гомель, тел. +375 25 707-61-54
e-mail: gomelanin@yandex.by*

*Gomel state University name of Francis
Skarina
doctor of Philology, Professor of the
Department of Russian, General and Slavic
linguistics
Rogalev A.F.
Belarus, Gomel, tel. +375 25 707-61-54
e-mail: gomelanin@yandex.by*

А.Ф. Рогалев

РОМАН М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В статье предлагается новая интерпретация романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Традиционно это произведение относится к числу реалистических и к типу классических психологических романов в русской литературе. Между тем «Герой нашего времени» не является только лишь реалистическим и психологическим романом. В нём есть несомненные черты романтизма: экзотика пространства, в котором разворачивается действие, занимательно-приключенческая канва повествования, исключительность обстоятельств и событий, в которых оказываются герои. Несомненный психологизм произведения дополняется элементами детектива и метафизики, особенно ярко представленными в частях «Тамань» и «Фаталист». Главное же внимание к внутреннему миру человека является ещё и данью русскому сентиментализму. Не будем забывать о времени, в которое создавался роман, когда симбиоз романтизма, сентиментализма и реализма соответствовал литературным вкусам публики. Основное внимание уделяется образу Печорина, которого нельзя считать «лишним человеком». Это вполне определённый тип личности, понимание которого невозможно без обращения к психологии, что доказывается деталями и фактами из текста. Собирательность образа Печорина, о чём говорил сам автор романа, на самом деле может быть не более чем лёгким камуфляжем действительного прототипа. Этим же обусловлено и заглавие романа, в котором есть определённый подтекст. Рассматриваются также некоторые недостатки произведения, связанные с его сюжетом и композицией.

Ключевые слова: роман, М.Ю. Лермонтов, Печорин, жанр, образ, интерпретация.

A.F. Rogalev

M.Y. LERMONTOV'S NOVEL «THE HERO OF OUR TIME»: NEW READING

The article offers a new interpretation of the novel «Hero of our time» by M. Y. Lermontov. Traditionally, this work is one of the realistic and classic psychological novels in Russian literature. Meanwhile, «Hero of our time» is not just a realistic and psychological novel. There are certain features of romanticism in it: the exoticism of the space in which the action is played out, the entertaining and adventurous outline of the narrative, the exclusivity of the circumstances and events in which the characters find themselves. The undoubted psychologism of the work is supplemented by elements of detective, meta-physics and parapsychology, especially vividly represented in the parts «Taman» and «Fatalist». The main attention to the inner world of man is also a tribute to Russian sentimentalism. Let's not forget about the time when the novel was created, when the symbiosis of romanticism, sentimentalism and realism corresponded to the literary tastes of the public. The main attention is paid to the image of Pechorin, who cannot be considered an «extra person». This is a very specific type of personality, the understanding of which is impossible without reference to psychology and parapsychology, which is proved by details and facts from the text of the novel. The collective image of Pechorin, as the author of the novel himself spoke about, can actually be nothing more than a light camouflage of the actual prototype. This is also the reason for the title of the novel, which has a certain subtext. We also consider some of the shortcomings of the work related to its plot and composition.

Key words: novel, M.Y. Lermontov, Pechorin, genre, image, interpretation.

Много лет назад это произведение мы изучали в школе, и с тех пор запомнилась стандартная характеристика главного героя как «лишнего человека», то есть не нашедшего полезного применения себе в обществе [1, с. 126].

Спустя десятилетия новое прочтение романа М. Ю. Лермонтова дало и новое понимание Печорина. Сейчас мы с уверенностью утверждаем: он не лишний человек, а один из многих таких Печориных, существовавших всегда, во все эпохи, и в нём выражен определённый тип личности, описание которому мы и даём в этом нашем прочтении образа.

Сам Михаил Юрьевич Лермонтов в начале романа указывал, что его герой – несомненный портрет, но не одного человека, а составленный из пороков всего поколения того времени, то есть 1830-х годов.

Автора романа, таким образом, интересовал психологический тип, или тип человеческой души. Он так и писал, что ему интересно и даже весело рисовать человека так, как он его понимает.

Сосредоточив основное внимание на Григории Александровиче Печорине, создатель «Героя нашего времени» умело и убедительно обрисовывает и другие психологические портреты, которые так же, как и портрет Печорина, являются обобщёнными.

В романе представлена целая галерея человеческих типов, выраженных в конкретных образах. Их много, и каждый из них запоминается своими характерными психологическими признаками и свойствами: Максим Максимыч, Бэла, Казбич, Азамат, Грушницкий, княжна Мери, Вера, доктор Вернер [для анализа произведения используем издание: 2].

Талант и художественное мастерство М.Ю. Лермонтова позволили создать колоритных персонажей, описанных с удивительным вниманием к деталям, относящимся к внешности, стереотипу мышления и, соответственно, стереотипу поведения человека. Вот почему роман «Герой нашего времени» и относится к типу классических психологических романов в русской литературе.

Впрочем, что касается стиля, направления в художественной литературе и жанра, то мы не думаем, что роман Михаила Лермонтова не является только лишь реалистическим и психологическим.

Во-первых, в нём есть несомненные черты романтизма: экзотика пространства, в котором разворачивается действие, занимательно-приключенческая канва повествования, исключительность обстоятельств и событий, в которых оказываются герои.

Во-вторых, несомненный психологизм произведения дополняется элементами детектива и метафизики, особенно ярко представленными в частях «Тамань» и «Фаталист».

Кстати, мистицизм, как и острота разворачивающегося сюжета, свойственны романтическим произведениям по определению. Главное же внимание к внутреннему миру человека является ещё и данью русскому сентиментализму. Не будем забывать о времени, в которое создавался роман, когда симбиоз романтизма, сентиментализма и реализма соответствовал литературным вкусам публики.

Метафизическая сторона «Героя нашего времени», прямо обозначенная в самом заглавии и содержании повести «Фаталист», связана также с образом мальчика с белыми глазами, который прекрасно ориентируется во тьме и благодаря особому устройству органов чувств воспринимает то, что нельзя увидеть обычным зрением, например, лодку в ночи, находящуюся вдали от берега. Вообще, одна фраза повествователя – «Там нечисто», относящаяся к дому в Тамани, где квартировал Печорин, сразу же создаёт настрой на несомненную загадочность и тайну в повествовании.

И эта загадочность вовсе не случайно переплетена с приключениями именно Печорина, который и сам загадочен не в меньшей мере, чем таманский мальчик.

Общее между ними в том, что тот и другой обладают несомненными экстрасенсорными способностями, которые, однако, проявляются по-разному: у мальчика – в умении ориентироваться в пространстве, а у Печорина – в наличии предчувствия.

Вот эта черта главного героя как раз и ускользала от внимания литературоведов и комментаторов «Героя нашего времени», стандартно повторявших и повторяющих до сих пор, что Печорин – это не нашедший себя человек, представитель так называемых лишних людей.

Мы же утверждаем другое: Печорин – особый человек, вполне определившийся в социуме и умеющий не только устроиться в нём, но и привлечь к себе людей, находящихся с ним во взаимодействии, и даже управлять ими.

В повести «Княжна Мери» основное внимание обращено на процесс обольщения женщины. Здесь много рассуждений, поданных как мысли самого Печорина, отображённые в его журнале вкупе с философскими отступлениями и психологическими комментариями автора дневника.

Между тем Печорин нигде и никогда не учился кого-либо обольщать. Это выходило у него произвольно или, правильнее, по включённой от природы программе, когда он как бы нажимал на кнопку «Я хочу». Кстати, именно так – хочу и всё тут – Печорин объяснял Максиму Максимычу свой интерес к Бэле.

Во всех известных читателю случаях его отношений с женщинами – с Бэлой, Мери Лиговской и прежней любовницей из столицы Верой – следует говорить о магнетизме Печорина, то есть о некоем мощном импульсе энергии, который, как лучи, направлялся на отношения с женщиной, и женщина уже сама стремилась к источнику излучения, летела к нему, как бабочка на свет.

Незримая психическая сила проявлялась у Печорина также в решительные и роковые минуты, в частности, на дуэли с Грушницким, а ещё в эпизоде, когда он вдруг решается ворваться в дом, где засел обезумевший от водки и убийства поручика Вулича казак, и связать преступника.

Только один раз, кажется, Печорин уступает: он не выдерживает психологической дуэли с девушкой-контрабандисткой в Тамани. Глаза этой, то ли русалки, то ли феи источали магнетическую власть сильнее, чем вся биоэнергоструктура Печорина.

Что же касается облика героя, то в детальном его описании особенно интересны карие глаза, сиявшие холодным фосфорическим блеском, и тяжёлый, пронизательный, равнодушно-спокойный взгляд.

Автор повествования, в роли которого выступает некий путешественник по Кавказу, собиратель всяких историй о здешних местах и людях, сам того не ведая, создаёт убедительные зарисовки о сверхъестественных способностях прапорщика Григория Александровича Печорина.

Впрочем, всё это подано рассказчиком так, как значилось в дневнике Печорина, и этот дневник можно назвать «Опытом самоанализа». И если уже продолжать придумывать новые названия к частям существующего текста, то главы «Бэла» и «Княжна Мери» вполне можно объединить общим подзаголовком – «Печорин и его жертвы».

Да, гордая Бэла очень легко превратилась в пленницу и рабу. Такой же пленницей Печорина достаточно быстро после некоторого показного сопротивления стала и княжна Мери.

В обоих случаях Печорин превращался в паука, высасывавшего жизненную энергию и духовные силы из попавших в его паутину женщин.

И это подлинно так и было: и черкешенка Бэла, и княжна Мери зримо тают и чахнут, не только психически, но и физически недомогают.

Впрочем, с Мери Лиговской Печорин обходится жёстко и безжалостно. Бэлу же он холил, лелеял как любимую игрушку, а потом стал уставать от неё, ибо уже не получал энергии того уровня свежести, которая его заводила.

Некая Вера, которая подана в романе исключительно в образе страдальницы, приехала на кавказские минеральные воды больной после долгой любви к Печорину. Она прямо ему говорит, что он не дал ей ничего, кроме страданий.

Бедного Грушницкого Печорин убил сначала психически, а потом и физически. Он вообще любит и умеет побеждать и жаждет власти над человеком.

И что же сам он при всём этом? Печорин вполне понимает, что иначе не может. Светская болтовня и суэта, эта психологическая игра всех со всеми, активизировала его и давала возможность подзарядиться так необходимой ему энергией. Печорин чувствует в себе ненасытную жадность и необходимость поглощения всего свежего, что встречается на пути.

Он смотрит на страдания и радость других только в отношении к себе, а именно как на необходимую ему пищу, поддерживающую его физические и духовные силы.

Он играет не только с женщинами, но и с мужчинами (Грушницкий), хотя, конечно же, по-другому, но всё равно как вампир. Печорин и сам в одной строчке своего дневника обмолвился о своих вампирских наклонностях.

Ему становилось грустно от всего этого и особенно от мысли, что он разрушает чужие надежды. Иногда он себя презирал. Но одновременно он чувствовал и удовольствие от того, что княжна Мери после разговора с ним проведёт ночь без сна и будет плакать, а Грушницкий будет страдать от неуспеха его ухаживаний за хорошенькой Мери. Что это, как не типичное состояние энергетического вампира?!

Печорину необходимо вторгаться в жизнь людей. Он испытывает блаженство от того, что его кто-то страстно любит. Но сам он не любил никого. Сердечные чувства ему были чужды. Он живёт иными ощущениями. И если их не хватает, то начинает скучать и хандрить.

Образ хандрящего «лишнего человека» сначала создал А.С. Пушкин. Но его Евгений Онегин больше субпассионарий, чем вампир.

Образ Печорина, конечно же, создавался не без влияния образа Онегина, даже может быть и задумывался как подражание, но в итоге оказался талантливым продолжением.

Об этом много писалось, указывалось даже на смысловую переключку фамилий персонажей [3, с. 34–35]. Но каждый волен воспринимать эти фамилии по-своему, находить собственные ассоциации.

Вот и фамилию *Печорин* мы сопоставляем не с названием реки Печоры, а со словом *печора* в значении «пещера» [4, с. 94]. И эта печора как ассоциативный образ, отобразившийся в именовании персонажа [3, с. 51], представляется нам местом, куда попадают как в заключение все те, кто оказывается в расставленных вампиром энергетических сетях.

Зададимся ещё одним немаловажным в наших рассуждениях вопросом: что такое скука и какова её природа? Скука во многих случаях – показатель энергетической недостаточности. Для избавления от скуки необходима смена обстановки и окружения. В иной среде и между другими людьми человек получает возможность получать новые впечатления и, соответственно, новый заряд энергии.

Печорин как раз и говорит, что от скуки его спасают только путешествия. Его биоэнергоструктура работает исключительно в режиме потребления, но не переработки и взаимобмена энергиями, как у других героев романа. Печорин – это «чёрная дыра», которая только поглощает и ничего не отдаёт. Он тяготеет своей особенностью, поэтому и утверждает, что жизнь не стоит того, чтобы о ней много заботиться.

Скажем о недостатках романа. Прежде всего, он оставляет впечатление незаконченного. Вскользь упоминается, что Печорин умер. Но отчего и как, при каких обстоятельствах это произошло? Может быть, от скуки, что наряду с иными версиями было бы правдоподобно?

Слишком много места в романе уделено в тексте описаниям природы, хотя сам рассказчик и замечает, что такие пространственные описания ничего не говорят читателю, если он не видел того, что описывается.

И здесь уже не имеет существенного значения, в какой мере пейзаж оттеняет происходящие события или состояние героев. Для этого больше годится не словесный, а музыкальный ряд, невозможный в литературном тексте. Правда, музыку можно заменять стихами. И прирождённый поэт Михаил Юрьевич Лермонтов вполне мог бы это сделать.

Натяжкой сюжета, на наш взгляд, является то, как обнаружился дневник Печорина. Вряд ли Григорий Александрович так беспечно отказался бы от своих записок, в которых раскрывалась его суть.

Непонятным остаётся, как и почему он доверил свои изложенные на бумаге сокровенные мысли и наблюдения Максиму Максимычу.

Не соответствует сути романа его заглавие – «Герой нашего времени». Печорин – не герой, даже в ироническом или отрицательном смысле, который можно придать этому слову.

Кстати, М.Ю. Лермонтов говорил, что портрет Печорина составлен из пороков «всего нашего поколения». Но в любом случае Печорин ничем не впечатляет – ни достоинствами, ни пороками. Он будничнейший. К тому же тип Печорина встречается в любое время, а не только в то, какое имел в виду Лермонтов.

Если же под словом *герой* понимать определённый типаж, то таковыми являются все действующие лица романа. Поэтому более логичным было бы такое его название – «Герои нашего времени».

Но автор выбрал всё же единственное число, что было далеко не просто так. Вообще, просто так ничего не происходит и ничего не делается. Почему Григорий Александрович Печорин назван автором романа «героем»? Для чего Лермонтов намекал на исключительность своего персонажа? Не потому ли, что в Печорине, как и в Демоне и Мцыри, автор изображал те или иные стороны своей личности?

Намеренная оговорка Лермонтова, что образ Печорина собирательный, может быть не более чем лёгким камуфляжем действительного прототипа. Григорий Александрович Печорин – это одна из ипостасей (субличностей) Михаила Юрьевича Лермонтова, имевшего те же особенности и способности, которые присущи и Печорину [5].

Между ними – автором и персонажем – больше подобия, чем несходства (сходства в биографии; во внешности, особенно в том, что касается глаз и тяжёлого пронизательного взгляда; в присущей им особой энергетической силе и способности воздействовать на людей, а также в убеждённости в неотвратимости судьбы), а несходства как раз и можно списать на собирательность образа.

Библиографический список

1. Русская литература / А. А. Зерчанинов, Д. Я. Райхин, В. И. Стражев; под ред. проф. Н.Л. Бродского, перераб. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1949. 464 с.
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени]. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 225 с.
3. Рогалев А.Ф. Имя и образ. Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель: Барк, 2007. 224 с.
4. Рогалев А.Ф. Мир художественных образов. Гомель: Гом. гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2012. 254 с.
5. Судьба Лермонтова / Э. Герштейн. 2-е изд., испр. и доп. М.: Худож. лит., 1986. 350 с.

References

1. Russian literature / A. A. Zerchaninov, D. Ya. Raikhin, V. I. Strazhev; edited by prof.N. L. Brodsky, pererab. M.: State academic and pedagogical publishing house, 1949. 464 p.
2. Lermontov M. Yu. Hero of our time. Moscow: Publishing house Of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 225 p.
3. Rogalev A. F. The Name and image. Artistic function of proper names in literary works and fairy tales / AF Rogalev. - Gomel: BARC, 2007. 224 p.
4. Rogalev A. F. The World of artistic images. Gomel: state University of Economics. UN-t im. Francisca Skorina, 2012. 254 p.
5. The Fate Of Lermontov / E. Gerstein. 2nd ed., ISPR. and add. M.: Art. lit., 1986. 350 p.

УДК 82.01/09

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет
аспирант
Абрарова А.М.
Россия, г. Казань, тел. +7(950) 31-23-379
e-mail: abrarova_a@mail.ru*

*Kazan Federal University
Graduate student
Abrarova A.M.
Russia, Kazan, tel. +7(950)31-23-379
e-mail: abrarova_a@mail.ru*

А.М. Абрарова

ОБРАЗ «ИНОЙ КУЛЬТУРЫ» В ЛИРИКЕ А. АБСАЛЯМОВОЙ

В последнее время культурное пограничье все чаще оказывается в поле внимания гуманитариев. Именно на границе двух культур наиболее интенсивно реализуются межкультурные контакты и диалоги. Писатели не ограничиваются рамками одной культуры, выделяемой по национальным или территориальным признакам. На концепцию работы оказали влияние исследования, в которых изучаются вопросы культурного пограничья, исследования межлитературного синтеза. Для решения поставленных задач были использованы системно-структурный и контекстно-герменевтический методы. В контексте широкого понимания феномена культурного пограничья особый интерес представляют культурные пространства, в которых на протяжении длительного времени диалогически сосуществуют различные национальные культуры. Казань, несомненно, относится к числу таких пространств. Поэтому в качестве примеров приводится творчество А. Абсальямовой и Р. Бухараева. Установлено, что в поэзии А. Абсальямовой живет диалог двух культур - русской и татарской. Однако пассивное владение татарским языком дает основания предположить, что доминирующая культура – русская. В этом контексте культурного пограничья можно говорить о влиянии степени изученности языка писателем. Полученные результаты значимы для понимания художественно-эстетической природы литературы, реализующей феномен русско-татарского пограничья, а также для выявления «культурных голосов», складывающихся на пересечении двух культур.

Ключевые слова: транскulturация, диалог культур, пограничье, национальные коды, билингвизм.

А.М. Abrarova

THE IMAGE OF A «DIFFERENT CULTURE» IN THE LYRICS OF A. ABSALYAMOVA

Recently, cultural borderlands are increasingly coming to the attention of humanitarians. It is at the border of two cultures that the most intensively implemented intercultural contacts and dialogues. Writers are not limited to a single culture, distinguished by national or territorial characteristics. The concept of the work was influenced by studies in which issues of cultural borderland and interliterary synthesis are studied. To solve the set tasks, we used the system-structural and context-hermeneutic methods. In the context of a broad understanding of the phenomenon of cultural borderlands, cultural spaces in which various national cultures dialogically coexist for a long time are of particular interest. Kazan is undoubtedly one of such spaces. Therefore, the works of A. Absalyamova and R. Bukharaev are given as examples. It is established that in the poetry of A. Absalyamova there is a dialogue of two cultures - Russian and Tatar. However, passive knowledge of the Tatar language suggests that the dominant culture is Russian. In this context of cultural borderland, we can talk about the influence of the degree of knowledge of the language by the writer. The results obtained are significant for understanding the artistic and aesthetic nature of literature that implements the phenomenon of the Russian-Tatar borderlands, as well as for identifying “cultural voices” that are emerging at the intersection of two cultures.

Key words: transculture, dialogue of cultures, borderlands, national codes, bilingualism.

Поэзия А. Абсальямовой еще не становилась предметом анализа литературоведов. Свою

писательскую деятельность она начала еще в 1995 году, тогда в газете «Пионерская правда» вышла ее первая публикация – стихотворение «Подснежник». О творчестве поэтессы лестно отзывались такие известные поэты и писатели, как А. Вознесенский, В. Аксенов, З. Богуславский, В. Зимянин, Т. Бек.

В 2011 году к 100-летию своего дедушки Альбина Абсалямова выпустила книгу «Никогда не угаснет». Эта документальная рукопись повествует не только о жизни татарского писателя, но и об истории всей татарской литературы того времени. Для поэтессы, безусловно, важна тема памяти. Письма, рукописи, дневники, архивные документы – то, что долгое время бережно хранилось, внучка писателя смогла умело использовать. При жизни они никогда не виделись (она родилась через 2 года после его смерти), но, по признанию поэтессы, на протяжении всей ее жизни он незримо рядом с ней.

В пограничной литературе в одном тексте может сосуществовать несколько культурных кодов, характер которых будет зависеть от нескольких факторов: уровень владения родным языком, степень погруженности в родную культуру и, конечно, самоидентификация автора. С этой точки зрения особый интерес представляет творчество современной поэтессы Альбины Абсалямовой, чьи тексты пишутся на русском языке, но при этом являются примером литературы культурного пограничья.

Методологической основой исследования являются работы, посвященные субъектной сфере лирических текстов. Центральным понятием субъектной сферы лирики представляется *лирический субъект* как одна из форм авторского сознания. Употребление термина «лирический субъект» продуктивно при анализе отдельных текстов – в этом случае «я», «другой», «я-другой» выступают как лирические субъекты внутритекстового уровня и выражаются определенными грамматическими формами.

По мнению Л.Я. Гинзбург, лирический персонаж может полностью отделиться от автора и жить собственной жизнью. Этому отделению могут способствовать: создание стилизованных авторских масок, использование циклизации, сюжетных и драматургически повествовательных элементов. Все это приводит, по версии исследователя, к тому, что «возникает единство личности, не только стоящей за текстом, но и воплощенной в самом поэтическом сюжете, наделенной определенной характеристикой» [1; с. 320]. То есть можно говорить о сравнении лирического героя с образом-характером, с эпически объективированным образом.

Б.О. Корман различает автора-повествователя, собственно автора, лирического героя и героя ролевой лирики. К этому ряду можно добавить лирическое «я», которое не совпадает с лирическим героем. Если представить себе субъектную структуру лирики как некую целостность, двумя полюсами которой являются авторский и «геройный» планы, то ближе к авторскому будут располагаться автор-повествователь и «собственно автор», ближе к героическому (почти совпадая с ним) – герой ролевой лирики; промежуточное положение займут лирическое «я» и лирический герой [2; с. 9].

По мнению С. Н. Бройтмана, подытоживающего теоретические поиски литературоведов XX столетия, «лирический герой» – это «субъект-в-себе», но и «субъект-для-себя». Он предстает в произведении как «собственная тема», отчетливо «отделяется от первичного автора», но «кажется при этом максимально приближенным к автору биографическому. Ученный, развивая бахтинскую концепцию автора и героя и исходя из субъект-субъектной природы лирики, считает «лирического героя» «не объектом, а необъективируемым другим субъектом» [3; с. 120].

В контексте темы культурного пограничья актуальными становятся исследования, посвященные транскультурной и русскоязычной литературам. В.Р. Аминова, А.Н. Набиуллина и К.К. Султанов в статье «Ways of character self-identification in Abuzyarov's prose» пришли к выводу, что изучение «пограничной» литературы позволит решить проблемы внутрилитера-

турного синтеза: к примеру, определить его формы или приемы интеграции элементов, принадлежащих к разным художественным системам. Поэтому авторами предприняты попытки осмыслить художественную и эстетическую природу прозы И. Абузярова, который, как и А. Абсалямова, является этнически нерусским писателем [4; с. 70].

Для казанского исследователя Я.Г. Сафиуллина термин «русскоязычная литература» – это формальный синоним к термину «русская литература», поскольку определяющим фактором является язык. «На русском языке писатель не может создавать отличную от русской, другую литературу, хотя и заимствует материал для своих произведений из жизни своей нации». Для Я.Г. Сафиуллина главное в литературе не темы, сюжеты, идеи, к которым обращается писатель, а их проблематизация, осуществляемая средствами, возможностями языка, во власти которого находится сам писатель [5; с. 9].

По мнению Н.Л. Лейдермана, русскоязычная литература отличается от собственно русской тем, что в ней «художественные тексты структурно организованы диалогом между русским и инациональными моделями мира» [6; с. 19-24]. К.К. Султанов говорит об использовании национальными авторами русского языка как средства творческого самовыражения и рассматривает русскоязычную литературу этнически нерусских писателей, опираясь на два основополагающих тезиса: «принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения». Ж.В. Бурцева, анализируя художественно-эстетические особенности современной русскоязычной литературы Якутии, приходит к выводу, что в творчестве поэтов «прослеживаются тенденции, связанные с построением своеобразной художественной картины мира в контексте не только русской и якутской литературных традиций, но и в объеме культуры как целого» [7; с. 163-165].

М. Глостанова в работе «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века» пишет о том, что в 50-60-е гг. XX века начинает выработываться концепция мультикультурализма. В ее основе – стремление этноса к сохранению своих традиций и особенностей в рамках одной культуры [8; с. 400].

По мнению М. Эпштейна, «раздвижение границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новых уровнях неопределимости и «виртуальности». Транскультура создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции и бросает вызов метафизике самобытности непрерывности, характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований, которые закосневают, а не рассеиваются в «политике идентичности», проводимой теорией многокультурия» [9; с. 100].

В решении поставленных задач востребованными являются методы исследования литературы, реализующей феномен культурного пограничья, результативность которых выявлена в ряде современных работ.

Поэзия А. Абсалямовой невероятно оптимистична, а мир, в котором живет лирическая героиня, наполнен счастьем. Посредством стихотворений поэтесса выстраивает жизненную и творческую стратегию счастья. В большинстве случаев эта стратегия реализуется двумя путями. Первый – воспоминания из детства, где прошлое приравнивается к раю. Это реализуется в стихотворениях «Маминим родителям», «Воспоминание о рае». В топосе рая лирическая героиня – маленькая девочка, для которой предметы национального быта создают атмосферу уюта, защищенности. В райском бытии лирическое «я» не выделяется из этого мира, она словно растворена в воспоминаниях.

В раю мне тринадцать. Там бабушка варит плов,
Вот-вот соберутся гости, мы стол накрываем в зале.
Пирог с курагой в духовке, румян и почти готов,
И папа встречает тетю с поезда на вокзале.

В раю мне тринадцать. Там в школе идет урок.
Считаю по карте путь – из Казани в Рио [10; с.55].

Ичиги, казан, старый молитвенник, национальные блюда – все эти народно-национальные образы являются частью детского мировоззрения. Культурное пограничье создает синкретичный образ мира. Модель «я в мире» строится за счет бытоописательных деталей из детских воспоминаний. Домашняя обстановка, накрытый стол служат синонимом защищенности. Даже то, что было накрыто на столе, имело особый смысл. Как поясняла сама А. Абсалямова, «все детство бабушка кормила меня распаренной в кипятке курагой, непременно по шесть штук в день – именно столько, считала она, нужно *для сердца*. За курагой мы ходили на базар... провести ее и подсунуть “моченую” курагу было невозможно». В.Р. Аминева в статье «National perspective as axiological component of the composition art world» отмечает, что подобный мотив памяти характерен и для татарского писателя А. Еники. Художественный мир рассказов «Кто пел?», «Медный колокольчик», «Родня» рассматривается как целостность, образованная ценными установками автора: она противостоит деструктивным тенденциям эпохи личной и родовой памяти, ответственности за землю предков.

Но в то же время сквозь «мир счастья» пробиваются драматические ноты. Они связаны либо с любовными несовпадениями, либо с дисгармонией между татарскими реалиями и христианской религией. Детство как мир райской гармонии рушится, возникают сомнения в его надежности, появляется мотив тревоги. Первое серьезное потрясение героиня испытывает в 14 лет в связи со смертью отца. В стихотворении «Папе» скорбь по отцу приобретает масштабы трагедии.

Нельзя, нельзя, наступит ночь!
Зачем отца хоронит дочь?...
Но бьется в голове, как мяч:
«Я не умру. Малыш, не плачь...»

Дочь не может смириться со смертью отца и поверить в суровую реальность, а потому мысленно вызывает его на диалог, который происходит в ее снах. Сон – это попытка уйти от действительности, а значит вернуться в мир детства, туда, где отец жив и семейные узы крепки благодаря встречам родственников и сборам гостей.

И постепенно тает Он,
И нет надежды верить в сны.

При этом героиня понимает, что сон – это нечто зыбкое и туманное, поэтому принимает смерть как неотъемлемую часть жизни. Доля ответственности накладывается на семью: «мы тебя не удержали».

В стихотворениях «Татарское кладбище», «Казань» райское бытие разрушается, поэтому героиня чувствует себя обманутой. По признанию поэтессы, татарское кладбище – это то место, куда ее необъяснимо тянет. Последнее пристанище известных поэтов, писателей, музыкантов, художников, героев войны является «концентрацией» истории.

Монет было много, едва умещались в ладошке,
А их – ещё больше, сидящих у темных оград.

Вдоль центральной аллеи кладбища героиня видит «удивительно аккуратных бабушек в белых платочках и дедушек с седыми остроконечными бородками, так непохожих на традиционных попрошайек». Этим пожилым людям было принято давать садаха (милостыню). За пару монет они смущенно благодарят и в ответ прочитают за вас молитвы. Девочка была готова к встрече с ними, а потому сжимала в руке заранее приготовленные монеты.

Шайтан обещал не шалить, говорила бабуля,
Молитвенник старый меня от шайтана спасал.

В детстве героиня верила, что на кладбище живет шайтан и боялась его появления. Однако религиозная бабушка успокаивала ее тем, что молитвы способны уберечь от злых духов: «От шайтана меня спасал молитвенник, невесть откуда взявшийся в советской действи-

тельности, – пожелтевшие страницы были исписаны непонятной арабской вязью, защиты в полотняный футляр и заботливо положены бабушкой под подушку». Но идет время и в сознание героини закрадываются сомнения в том, смогут ли молитвы спасти от нечисти:

Но всё ж иногда мне казалось: меня обманули,
И он может взять и пробраться – и в спальню, и в зал.

Второй путь пролегает через восприятие культуры в «иных» субъектных формах. В стихотворении «Марокко», «Жорж Санд» героиня отождествляет себя с французской писательницей. Известно, что Жорж Санд при жизни не вела дневников, а потому лирическая героиня будто прячется за маской «грешницы», известной своими многочисленными романами. Героиня пытается примерить сознание «иной» культуры, приводит цитаты на немецком, французском языках, но западная культура остается чужой для героини:

Давай играть в Консуэло
Давай играть в Камасутру.

В стихотворении «Марокко» поэтесса рисует образ восточной культуры. Он мог быть навеян путешествием в Стамбул, впечатления от которого нашли отражение в прозаических заметках. В стихотворении сосуществуют два пространства: «здесь», где находится героиня, и «там» – за миллион километров. Эти миры разделены не только расстоянием, но и погодными условиями: жаркий зной противопоставлен прохладе грозы. Но в последней строфе эти два мира сливаются в сознании героини.

Барабаны гудели, трещали туземные флаги,
И гроза поднимала бумаги на вашем столе.
Она говорит: «Даже здесь я слышу
Все эти звуки, вибрацию волн,
Весь этот шелест, весь дождь по крыше,
Весь этот ветер со всех сторон».

Вот, – говорит, – у тебя там море,
А здесь, у меня материк, и там
Ты-по-английски-тихонько: «sooty...»
А я – по-татарски тебя «яратам».

В этом стихотворении наблюдается динамика субъектных позиций и игра местоименными формами. В 1 строфе героиня стихотворения обозначена как «она», ей принадлежит прямая речь, которая прямо вводит ее кругозор и ее точку зрения. Во второй строфе субъекты обозначены как «я» и «ты», которая вначале была «она». Эта смена местоименных форм важна для понимания того, как «она» (объектный образ) превращается в «ты» – в другого, увиденного изнутри его сознания.

Таким образом, в поэзии А. Абсалямовой наблюдается использование различных национальных и культурных кодов, выполняющих различные функции. Обращение к кодам татарской и в целом восточной культуры, являясь феноменом реализации «генетической памяти», выполняет аксиологическую функцию, утверждает ценность для лирической героини родовых корней, истоков.

В воспоминаниях из детства прошлое приравнивается к раю. Другой путь – погружение в «чужую» культуру, которая воспринимается в субъектных формах. Примеряя роль грешницы, отождествляя себя с героинями западноевропейской литературы, поэтесса пытается понять себя. Это способ познать себя через иную культуру.

Творчество А. Абсалямовой может быть осмысленно в аспекте транскультурной модели развития современной литературы. В ее поэзии живет диалог разных литератур – русской и татарской. И это тот случай, когда можно говорить о доминирующей культуре, в данном случае, русской. А. Абсалямова не активный билингв, скорее всего, степень владения ею татарским языком остается на бытовом уровне. В данном случае нам кажется уместным тезис

Я.Г. Сафиуллина: писатель находится во власти языка. Действительно, невозможно погрузиться в культуру (даже проживая на территории, где она распространена), не владея национальным языком.

Взгляд А. Абсалямовой на родную для нее татарскую и другие культуры характеризуется позицией вневходимости по отношению к ним. В этом отличие ее творчества от творчества писателей билингов – Р. Бухараева, Ч. Айтматова, в произведениях которых две культуры (русская и другая национальная) равноправны и переплетены. Р. Бухараев признавался, что незнание татарского языка делало его «немым», он корит себя за оторванность от родной земли, языка, называя свое молчание позором. Поэтическая стратегия А. Абсалямовой выстраивается по иной траектории. Она так же, как и Р.Бухараев, не владеет татарским языком, но в ее стихотворениях нет душевных терзаний относительно отторженности от родного языка. Ее творчество представляет собой иной вариант русско-татарского культурного пограничья.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е, доп., Советский писатель Ленинградское отделение, 1974. 311 с.
2. Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск, 1982. 9 с.
3. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2011. 418 с.
4. Набиуллина А.Н., Султанов К.К., Аминова В.Р. Способы самоидентификации персонажа в прозе И. Абузярова // Обзор истории и культуры, 2017. С. 65-71.
5. Сафиуллин Я.Г. «Русская литература» и «русскоязычная литература» – синонимы // Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань. 2011. С. 7-11.
6. Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература - перекресток культур / Н. Л. Лейдерман // Филологический класс, 2015, № 3 (41). С. 19-24.
7. Бурцева Ж.В. Русскоязычная литература Якутии: проблемы исследования межлитературного синтеза и пограничья // Наука и образование, 2007, №3. С. 163-165.
8. Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с.
9. Эпштейн М. Говорить на языке всех культур // Наука и жизнь, 1990, №1. С. 100-103.
10. Абсалямова А.Б. Среди пауз и многоточий (сборник). Татарское книжное издательство, 2016. 130 с.

References

1. Ginzburg L.Ya. About the lyrics. Ed. 2nd, add., Soviet writer Leningrad branch, 1974. 311 p.
2. Corman B.O. Literary terms on the problem of the author. Izhevsk, 1982. 9 p.
3. Broymtan, S. N. Historical poetics. M. : Russian state. humanity. Univ., 2011. 418 p.
4. Nabiullina A.N., Sultanov K.K., Amineva V.R. Ways of character self-identification in the prose of I. Abuzyarov // History and Culture Review, 2017. P. 65-71.
5. Safiullin Ya. G. «Russian literature» and «Russian-language literature» are synonyms // actual problems and prospects of development of Russian-language literature in the context of national literatures. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Kazan. 2011. P. 7-11.

6. Leiderman N. L. Russian-language literature - a crossroads of cultures / N. L. Leiderman // Philological class. 2015. №. 3 (41). P. 19-24.
7. Burtseva Zh.V. Russian-language literature of Yakutia: problems of the study of inter-literary synthesis and borderland. Science and education. 2007. №. 3- 132 p.
8. Tlostanova M.V. The problem of multiculturalism and US literature of the late twentieth century. M.: IMLI RAS: Heritage, 2000. 400 p.
9. Epstein M. Speak the language of all cultures. «Science and Life», 1990. №. 1, 100-103 p.
10. Absalyamova A.B. Among pauses and dots (compilation), Tatar Book Publishing House, 2016. 130 p.

УДК 821.161.1. (091)

*Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня
преподаватель кафедры лингвистики
и гуманитарно-социальных дисциплин
Ширяева С.Н.
Россия, Тульская область, п. Заокский,
тел. 89207664448
e-mail: shiryayeva-s@mail.ru*

*Zaoksky University of the Seventh-day
Adventist Church
Lecturer of the Chair of Linguistics
and Humanity and Social Sciences
Shiryayeva S. N.
Russia, Tula region, Zaoksky,
tel. 89207664448
e-mail: shiryayeva-s@mail.ru*

С.Н. Ширяева

ФУНКЦИИ ЭПИГРАФА И ЗАГЛАВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА)

В статье на основе теоретического материала изучено определение эпитаф. Проанализированы функции эпитаф (информативная и формоопределяющая) на примере классификации, разработанной Кузьминой Н.А. Указаны основные источники эпитафов и их роль в художественном произведении. Представлены типы заглавий в произведениях Довлатова. В качестве материала для исследования были отобраны следующие произведения Сергея Довлатова: «Зона», «Заповедник», «Компромисс», «Чемодан», «Иностранка». Выбор данных произведений обусловлен тем, что не все тексты Довлатова содержат эпитаф. Недостаточное изучение роли эпитаф в творчестве Сергея Довлатова представляет данное исследование актуальным. Научная новизна работы заключается в том, что каждый эпитаф сопоставлен с определенным биографическим этапом автора. Кроме того, выявлены источники каждого рассматриваемого эпитафа в конкретном произведении. Показано, что эпитаф является значимой составляющей композиционного построения произведений автора. Данное суждение служит основанием в выявлении взаимосвязи между каждым анализируемым текстом и эпитафом. Доказано, что эпитаф и текст для Довлатова представляют семантическую и структурную целостность. Проведенный анализ каждого эпитафа показал, что четыре из пяти эпитафов являются собственно авторскими высказываниями, исключение составил эпитаф к сборнику «Чемодан», для которого Сергей Довлатов заимствовал строку из стихотворения А. Блока «Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне», частично видоизменив.

Ключевые слова: Сергей Довлатов, эпитаф, функции эпитафа, «третья волна» эмиграции, заглавие, типы заглавий.

S.N. Shiryayeva

THE FUNCTIONS OF THE EPIGRAPH AND TITLE IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS OF SERGEY DOVLATOV)

The article studies the definition of the epigraph basing on theoretical material. Epigraphic functions (informative and form determining) through the example of classification developed by N.A. Kuzmina are analyzed. The main sources of epigraphs and their role in an artwork are specified. Types of titles in Dovlatov's texts are presented. Sergey Dovlatov's title of texts and the epigraphs placed by the author before the text are considered in interconnection. The following works by Sergey Dovlatov were selected as the material for the study: "Zone", "Reserve", "Compromise", "Suitcase", "Foreigner". The choice of these works is due to the fact that not all of Dovlatov's texts contain an epigraph. Insufficient study of the role of the epigraph in the works by Sergey Dovlatov make this study actual and relevant. The scientific novelty of the work is that each epigraph is compared with a certain biographical stage of the author. Besides, the sources of each considered epigraph in a concrete work are revealed. It is shown that the epigraph is a significant

component of the composition in the author's works. This conclusion serves as a basis for identifying the relationship between each analyzed text and its epigraph. It is proved that for Dovlatov the epigraph and the text purport semantic and structural integrity. The analysis of each epigraph showed that four out of five epigraphs are the author's own statements; the exception was the epigraph for the "Suitcase" collection, for which Sergey Dovlatov borrowed a line from A. Blok's poem "Yes, and as such, my Russia, You are dearest to me of all lands", partially modifying it.

Key words: Sergey Dovlatov, epigraphic, functions of epigraphic, «third wave» of emigration, title, types of titles.

Цель данного исследования заключается в изучении функции эпитафия и типов заглавий в текстах Сергея Довлатова. В настоящее время вопрос с точки зрения сопоставления эпитафия и заглавия с биографическим и творческим этапом автора не рассматривался.

Прежде чем начать исследовать функции эпитафиев и роль заглавия в текстах Довлатова, представим образ автора. Сергей Довлатов (1941-1990 гг.) – писатель «третьей волны» эмиграции. В биографии писателя выделяют три периода: ленинградский, таллиннский, нью-йоркский. Мы будем изучать тексты, касающиеся всех периодов, так как каждый период – это сюжет его книг. Отметим, что в Союзе были опубликованы некоторые его рассказы: «По собственному желанию» («Нева», 1973 г.) и «Интервью» («Юность», 1974 г.). Но все же именно в эмиграции сложился его творческий путь. В августе 1978 года он эмигрировал в Америку. Находясь в эмиграции, был одним из основателей и главным редактором русскоязычной газеты «Новый американец» (1980-1983 гг.), работал на радио «Свобода». Его тексты печатали в престижных американских журналах: «Партизан Ревью» и «The New Yorker». Уникальность его художественного стиля в простоте и в отсутствии «давящего» назидания. И. Бродский отмечал: «Этот человек говорит как равный с равными о равных: он смотрит на людей не снизу вверх, не сверху вниз, а как бы со стороны. Произведениям его... можно будет с полным правом предпослать в качестве эпитафия строчку замечательного американского поэта Уоллеса Стивенса: «Мир уродлив, и люди грустны». Это подходит к ним по содержанию, это и звучит по-Сережиному» [1; с. 300].

Отметим, что не каждое художественное произведение содержит эпитафий, в то время как заглавие, наоборот, – важная составляющая прозаического текста. Для нашего исследования в качестве материала были выбраны следующие произведения автора, включающие эпитафий: «Компромисс» (1981 г.), «Зона» (1982 г.), «Заповедник» (1983 г.), «Чемодан» (1986 г.), «Иностранка» (1986 г.).

А. В. Ламзина в статье «Заглавие» дает следующее определение: «Заглавие – это первый знак текста, дающий читателю целый комплекс представлений о книге. Именно оно более всего формирует у читателя предпонимание текста, становится первым шагом к его интерпретации» [2; с. 96-97]. Рассматривая способы выражения заглавий в структурном отношении, исследователь Н. А. Николина, на примере заглавий из литературы XIX - XX веков, выделяет следующие способы выражения:

- 1) одним словом;
- 2) сочетанием слов на основе сочинительной связи;
- 3) подчинительным словосочетанием;
- 4) предложением [3; с. 121].

М. Н. Кожина выделяет три основных типа заглавий:

- 1) дотекстовые, когда «слово или фраза возникают в сознании писателя как некий призыв, толкают его к написанию последующего текста»;
- 2) внутритекстовые, когда заглавие рождается по мере структурирования смыслов в ходе написания произведения;
- 3) заглавия *Post Scriptum*, «которые прячутся в тексте, пробираются сквозь него и только с последними словами произведения раскрывают свою смысловую и художественную значимость» [4; с. 27-29].

Исходя из представленной классификации (Н.А. Николиной), типы заглавий указанных текстов Довлатова выражены одним словом, вывод о типе заглавия мы сделаем позже, рассмотрев их во взаимосвязи с эпиграфом.

Эпиграф в художественном тексте является промежуточным звеном между заглавием и основным текстом. Если заглавие помогает определить направление текста, то эпиграф дополняет, настраивает на определённую тему текста. Исследователи придерживаются разных точек зрения. По мнению С.Д. Кржижиновского, эпиграф – это «обогащенное заглавие».[5]. Н.А. Кузьмина полагает, эпиграф – это «шифр, который автор подбрасывает читателю, полагаясь на его проницательность» или «чрезвычайно мощный энергетический знак» [5].

В своей работе мы будем придерживаться следующего определения: «эпиграф – (от греч. *epigraphē* – ‘надпись’) – цитата, изречение, пословица, помещаемые автором перед текстом художественного (публицистического, научного) произведения или его части. Эпиграф поясняет основную коллизию, тему, идею или настроение произведения, способствуя его восприятию читателем» [6; с. 288]. В качестве источников эпиграфа могут выступать: заимствованные цитаты, библейские изречения, пословицы и поговорки, фразеологические обороты (единства), художественная литература, а также собственно авторские утверждения.

Обращаясь к анализу функций эпиграфа, мы рассмотрим классификацию Н.А. Кузьминой. Исследователь выделяет следующие функции:

1) информативную. Исследователь поясняет значение данной функции, выделяя в информативной функции «подфункции»: а) содержательно-информативную: информация об авторе (творческом субъекте) и информация о следующем за эпиграфом тексте; б) субъектно-информативную: сообщение об авторе, его литературных вкусах, коммуникативном намерении в данном тексте; 2) формоопределяющую: оформление лексико - стилистического и архитектурного строя произведения [7; с. 60-61].

Исходя из представленных функций (информативной и формоопределяющей), обобщим указанные сведения: эпиграф может передавать следующую информацию:

а) содержательно-фактуальную, определяя тему, которую развивает следующий за ним текст; б) содержательно-концептуальную, выявляя идею, концепцию произведения; в) содержательно-подтекстовую, отражая не только замысел автора, но и включая оценочный компонент [7].

Указанные произведения: «Компромисс», «Зона», «Заповедник», «Чемодан» – это отражение жизненного пути автора в Советском Союзе, а повесть «Иностранка» – жизни в эмиграции. Подтвердим данную мысль словами Сергея Довлатова. В интервью калифорнийскому еженедельнику «Трипенни'с ревью» на вопрос Джейн Бобко (американской журналистки): «Вы сами являетесь героем ваших произведений. Видите ли, вы особое значение в биографическом герое? ... Что делает в ваших рассказах биографических героев художественными персонажами?» – Сергей Довлатов отвечает: «В каком-то смысле любое художественное произведение – автобиографично, хотя бы потому, что исходным материалом для писателя служит его собственный душевный опыт... Автобиографичность в литературе – почти синоним самовыражения... я пытаюсь создать художественное движение в прозе...» [1; с. 555-556].

Источником каждого эпиграфа (исключение составляет эпиграф к сборнику «Чемодан») являются собственно авторские утверждения, структурно напоминающие вступления. Проанализированные эпиграфы мы разместили в порядке публикации каждого текста. Очевидно, что каждый автор соединяет факты биографии с вымыслом. Но, наш взгляд, в этом и заключается особенность художественного стиля Довлатова. Он описывал в своих произведениях жизнь, главным персонажем которых был не только он сам, но и его друзья, коллеги, родные.

Заглавие повести «Компромисс» (1981 г.) является внутритекстовым, поскольку читателю предстоит узнать, какой смысл вкладывает Довлатов в слово «компромисс». Основой книги послужил опыт работы Довлатова в Таллинне (1972-1975 гг.) в редакциях газет: «Моряк Эстонии» и «Советская Эстония». Первоначально повесть была опубликована отдельными текстами в Америке в журнале «Время и мы» (1978-1980 гг.). Вначале Сергей Довлатов так определил жанр книги: «Компромисс. Повесть в 4-х действиях». В качестве эпиграфа процитировал строку из стихотворения «Шествие» И. Бродского: «Болтливое пустое ремесло... / В любой воде плечи мое весло...» [8; т. 2, с. 418]. Но когда в январе 1981 года в издательстве «Серебряный век» книга вышла отдельной повестью, состоящей из двенадцати компромиссов, то эпиграф был изменен: «*Н. С. Довлатовой – за все мучения!*» [9; с. 161]. В этом послании автор обращается к своей матери – Норе Сергеевне. Прочитав указанный эпиграф, логично предположить, что повествование будет посвящено матери, её жизни, или взаимоотношениям матери и сына. Данный эпиграф прямо не раскрывает содержание текста, но подтекст мы можем увидеть: возможно, автор в свойственной ему (самоироничной) манере говорит «Спасибо» Норе Сергеевне. Согласно классификации эпиграфов Н.А. Кузьминой, этот эпиграф передает содержательно-подтекстовую информацию. Только прочитав текст, мы сможем установить связь. Из воспоминаний Елены Довлатовой, супруги Довлатова, читаем: «Нора Сергеевна была очень яркой женщиной... она невероятно воспринимала юмор... В ней, конечно, пропал талант эстрадного рассказчика: она из любой ситуации могла сделать замечательную сценку... Они были очень близки и привязаны друг ко другу» [10; с. 31]. Безусловно, Нора Сергеевна была дорогим человеком для автора, именно благодаря Норе Сергеевне Довлатов унаследовал чувство художественного стиля, грамотность, способность виртуозно рассказывать истории, необыкновенное чувство юмора.

Следующий эпиграф из повести «Зона (Записки надзирателя)» (1982 г.): «*Имена, события, даты – все здесь подлинное. Выдумал я лишь те детали, которые несущественны, поэтому всякое сходство между героями книги и живыми людьми является злонамеренным. А всякий художественный домысел – непредвиденным и случайным. Автор*» [9; с. 32]. Заглавие по типу является дотекстовым, автор обозначает данным заглавием место действия последующих событий. Эпиграф несет содержательно-концептуальную информацию, настраивая читателя на размышления и анализ фактов: что реальность, а что вымысел. Например, главному персонажу автор дает имя Борис Алиханов, в отличие от других текстов, в которых Довлатов имя собственное оставляет без изменений: Сергей Довлатов. После эпиграфа и перед основным текстом (по жанру – дневниковые записи) автор помещает «Письмо издателю». Уточним, издатель, к которому обращается Довлатов, – это И. М. Ефимов, организовавший в Америке издательство «Эрмитаж», в котором были опубликованы анализируемая книга, а также сборник «Чемодан». Исследователи творчества Сергея Довлатова подчеркивают, что «Зона» «пережила долгую историю», собиралась «по частям». Дело в том, что замысел «Зоны» и идеи еще не оформившегося текста были начаты в Советском Союзе, когда Довлатов служил в армейской службе. В июле 1962 года Довлатова направили в военизированной охрану исправительно-трудовых лагерей Коми АССР, в мае 1963 года его перевели в Ленинградскую область, а в 1965 году демобилизовали. Находясь в армии, Довлатов напишет небольшую повесть «Капитаны на суше», измененные эпизоды которой войдут в «Зону». Друг Довлатова Валерий Попов отмечает: «...в таких мучениях и трудах – причем, совместных – и образовалась, наконец, «Зона» – через двадцать лет после того, как Довлатов покинул лагерь! Нет – ни легкой жизни, ни легкого творчества ему не досталось. Этапы работы над рукописью зафиксированы в «письмах издателю», включенных в текст «Зоны». Трудно все проходило... Зато – появился шедевр!» [11; с. 333-334].

Повесть «Заповедник» (1983 г.) открывает эпиграф: «*Моей жене. Которая была права*» [9; с. 293]. В этой повести Довлатов также (как и в повести «Заповедник») пишет от лица Бориса Алиханова. Тип заглавия данной повести, по нашему мнению, – внутритекстовый. Так

как с одной стороны, Заповедник (музей) – это вполне реально существующее место и в настоящее время, с другой стороны, «заповедник» – это место, куда «условно сбежал» Довлатов. Биографически Довлатов в это время переживал сложный период, которому сопутствовала череда жизненных неурядиц: донос, переезд в Курган, возвращение в Ленинград (отсутствие работы, творческий кризис), переезд в Таллинн, возвращение в Ленинград, работа в заповеднике. Довлатов проводит параллель с А.С. Пушкиным: «Сам Пушкин приехал сюда – несчастный и гонимый, как я – а уехал отсюда в славе, с пачкой гениальных творений!» [11; с. 237].

Эпиграф этой повести отражает содержательно-подтекстовую информацию. Данное признание посвящено Елене (Ритман) Довлатовой. Близкое окружение семьи Довлатовых отмечали: «Довлатов очень любил свою жену Лену, он очень часто нам о ней рассказывал. Говорил, что она красавица и умница, что у нее прекрасный вкус во всем. И всегда подчеркивал, что жить с ним невыносимо. Во всех сложностях он безоговорочно обвинял себя одного» [10; с. 295].

В представленном эпиграфе автор применяет прием парцелляции. Названный синтаксический приём Довлатов часто использует в построении предложений своих текстов. Этот приём помогает разделить мысль на части, создать определённую паузу. Возникает вопрос: «Была права. В чём?». Выше мы отмечали, что для Довлатова жизнь и творчество взаимосвязаны. Данная повесть также подтверждает это утверждение. В книге описана работа Довлатова экскурсоводом (май 1976 г. – сентябрь (октябрь) 1977 г.) в музее-заповеднике «Михайловское» (Пушкинские Горы, Псковская область).

Окончательно текст «Заповедника» будет уже оформлен в эмиграции, но в то же время он явился «предотъездным», переломным произведением в творчестве Довлатова. Л. П. Тихонова (заместитель директора заповедника А. С. Пушкина «Михайловское») вспоминала: «Петербуржцы, такие как Сережа, Андрей Арьев и Володя Герасимов, в Заповеднике спасались. Для них это была отдушина. Здесь они могли отдохнуть от всего того, что их не устраивало в советской жизни... Довлатов приезжал сюда еще и как писатель. Он приезжал не экскурсии водить, а набираться впечатлений» [10; с. 265].

Жена Елена и их дочь Екатерина эмигрируют в Соединенные Штаты Америки в феврале 1978 года. Вскоре Довлатов также примет решение – эмигрировать. Его «душила» окружающая атмосфера, невозможность публиковаться именно на Родине, отсутствие официального признания. Возможно, в этом и заключался ответ на вопрос: «В чём была права?» – принять окончательное решение и изменить свою жизнь.

Использование эпиграфа, на наш взгляд, помогало установить связь с текстом и определить идею каждой книги в целом. Анализируя сборник «Чемодан», укажем, что первоначальное название сборника было «Рассказы из чемодана». Включенные в сборник семь рассказов: «Креповые финские носки», «Номенклатурные ботинки», «Приличный двубортный костюм», «Офицерский ремень», «Поплиновая рубашка», «Зимняя шапка», «Шоферские перчатки» были опубликованы в № 137 в 1985 году в эмигрантском журнале «Грани», издававшемся во Франкфурте-на-Майне. Окончательно оформившийся сборник был дополнен восьмым рассказом «Куртка Фернана Леже» и издан в 1986 году в издательстве «Эрмитаж». Довлатов делит текст сборника на восемь самостоятельных частей. По типу мы можем обозначить данное заглавие («Чемодан») как *Post Scriptum*, потому что, несмотря на то, что каждая описываемая вещь из чемодана будет многократно повторяться, только в заключении читатель сможет до конца понять, с каким значимым моментом в жизни Довлатова, связана конкретно указанная вещь. В.Г. Никифоров (начальник историко-краеведческого отдела музея «Михайловское») подчеркивал значимый факт: «...он [Довлатов – С. Ш.] вынимал разные вещи из своего чемодана и рассказывал, что с ними у него связано... Он показывал, что

нажил...И только через много лет я понял, что маленькое представление...было своеобразной репетицией к написанию его знаменитой повести под названием «Чемодан» [12; с. 267].

Сергей Довлатов в качестве эпиграфа цитирует строку из стихотворения А. Блока: «... Да и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне...» (А. Блок), но Довлатов использует союз «да» в значении «но»: «...*Но и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне...*» [9; с. 643]. Это изменение в словах можно объяснить тем, что у Сергея Довлатова было неизменное правило, придуманное им: не начинать внутри предложения слова с одной и той же буквы. Как видим, в строке оригинала повторились слова: «да» и «дороже». Довлатов использует союз «но», чтобы избежать повтора. Этот эпиграф передает содержательно-концептуальную информацию. Схожую мысль отражает и предисловие к сборнику: «И тут, как говорится, нахлынули воспоминания. Наверное, они таились в складках этого убогого тряпья...Воспоминания, которые следовало бы назвать – «От Маркса к Бродскому». Или, допустим, – «Что я нажил». Или, скажем, просто – «Чемодан» [9; с. 645]. Он (эпиграф) отражает идею всего сборника: показать жизнь на Родине, сопоставив факты своей жизни со значимой для него вещью. Конечно, полностью представить портрет Довлатова по его текстам невозможно, так как в его прозе соединены подлинные факты с вымыслом.

– «*Одиноким русским женщинам в Америке – с любовью, грустью и надеждой*» [9; с. 553]. Это эпиграф к повести «Иностранка» (1986 г.). Первоначальное заглавие анализируемой повести было «Рафаэль и Маруся». В газете «Панорама» (начиная с июня 1986 года) повесть была опубликована частями, но уже с окончательным названием «Иностранка». В этой повести заглавие по типу выступает как *Post Scriptum*. В отличие от текстов, проанализированных выше, сюжет которых отражает жизнь автора в Советском Союзе, эта повесть иллюстрирует жизнь в эмиграции. По замыслу Довлатова, образ Маруси (Марии, Муси) должен был олицетворять эмиграцию, точнее – Россию, а образ Рафаэля – Запад. Исследователи творчества Довлатова, его друзья подмечали, что в этом тексте стиль автора изменился. В критической литературе мы встречаем неоднозначные мнения (чаще отрицательные) на это произведение. Но и сам Довлатов был самокритичен. В переписке с Наумом Иосифовичем Сагаловским, Довлатов писал: «На «Иностранку» есть разные отзывы, в том числе, представь себе, и положительные (отрицательных больше)... Кстати, именно благодаря «Иностранке» я не умер с голоду этим летом» [13; т. 4, с. 455]. Например, жена Н. И. Сагаловского, отмечает: «Книгу Вашу все читают и хохочут, тем более что я многих узнаю... Юмор в "Иностранке" отличный, образы в самую точку: смех сквозь слезы» [13; т. 4, с. 456]. Обозначенный эпиграф и заглавие посвящены не только собирательному образу женщин, но и жизни в целом – жизни в Америке.

Безусловно, Довлатов вкладывал в каждый эпиграф смысл. Это помогало наметить направление, по которому читателю будет легче воспринимать текст. Показательным является и то, что почти все эпиграфы – самостоятельные тексты, в которые автор вложил свою точку зрения. Задачей статьи было проанализировать эпиграфы и заглавия указанных тексты во взаимосвязи; показать, что каждый текст автобиографичен; выявить отличительные особенности всех эпиграфов, которыми Сергей Довлатов сопровождал тексты.

В заключение представим следующие выводы:

- а) в качестве источника эпиграфа в текстах Довлатова представлены собственно авторские эпиграфы (за исключением сборника «Чемодан», в котором использована трансформированная цитата из стихотворения А. Блока);
- б) задачей каждого эпиграфа было обозначение темы всего художественного произведения и определение сюжетных линий;
- в) эпиграфы выразили основные функции: информативную и формоопределяющую;
- г) исследованные эпиграфы структурно состоят из одного предложения («Компромисс», «Чемодан», «Иностранка»), или мини-текста, представляя собой краткое вступление («Зона», «Заповедник»);

- д) по типу заглавий тексты Довлатова передают все три указанных типа: дотекстовые, внутритекстовые и заглавия Post Scriptum;
е) по способу выражения: заглавия выражены одним словом.

Библиографический список

1. Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. СПб: Азбука-классика, 2001. 608 с.
2. Ламзина А.В. Заглавие // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины. / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк. Издательский центр «Академия», 1999. 556 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высших педагогических заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
4. Кожина М.Н. Нечто большее, чем название // Русская речь. 1984. № 6. С. 27-29.
5. Толстых О.А. Функции эпитафия в романе Д. Лоджа «Хорошая работа» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. № 1. С. 87-90.
6. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта: Наука, 2004. 304 с.
7. Кузьмина Н.А. Эпитафия в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета. 1997. № 2. С. 60-63.
8. Довлатов С. Собрание сочинений. Компромисс; Заповедник; Наши: в 5 т. Т. 2. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 480 с.
9. Довлатов С. Избранное: Повести и рассказы. СПб: Азбука, Азбука - Аттикус, 2013. 944 с.
10. Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 441 с.
11. Попов В. Довлатов. Биография. М.: Молодая гвардия, 2018. 367 с.
12. Довлатов С. Жизнь и мнения. Избранная переписка. СПб: ООО «Звезда», 2011. 384 с.
13. Довлатов С. Собрание сочинений. Иностранка; Чемодан; Филиал; Рассказы 1980-х годов: в 5 т. Т. 4. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 544 с.

References

1. Dovlatov S. The Last Book: Stories, Articles. St. P., 2001. 608 p.
2. Lamzina A.V. The Title // Introduction To Literature Studies. Literary Work: The Basic Concepts And Terms: Study Guide / Comp. by L.V. Chernec. M., 1999. 556 p.
3. Nikolina N.A. Philological analysis of the text. M., 2003. 256 p.
4. Kozhina M.N. Something more than a name // Russian Speech. 1984. No. 6. pp. 27-29.
5. Tolstykh O.A. The function feature of an epigraph in a novel D. Lodge «Nice Work» // Vestnik Southern Ural State University. 2007. No. 1. pp. 87-90.
6. Rusova N.Yu. From Allegory To Iamb: Terminological Dictionary-Thesaurus On Literary Criticism. M., 2004. 304 p.
7. Kuzmina N.A. Epigraph In The Communicative Field Of An Art Text // Vestnik Omskogo University. 1997. No. 2. pp. 60-63.
8. Dovlatov S. Collected works. Compromise; Reserve; Our / Comp. by I.N. Sukhikh: in 5 volumes. Vol. 2. St. P., 2019. 480 p.
9. Dovlatov S. Selected: Novels and Stories. St. P., 2013. 944 p.
10. Kovalova A., Lourie L. Dovlatov. St. P., 2009. 441 p.
11. Popov V. Dovlatov. Biography. M., 2018. 367 [1] p.
12. Dovlatov S. Dovlatov S. Zhizn i mneniya. Izbrannaya perepiska. St. P., 2011. 384 p.
13. Dovlatov S. Collected works. Foreigner; Suitcase; Branch; Stories 1980 / Comp. by I.N. Sukhikh: in 5 volumes. Vol. 4. St. P., 2019. 544 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81-25

*Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Кропачева М.А.
Россия, г. Глазов, тел. +79128723125
e-mail: kropacheva.ma@mail.ru*

*Glazov State Pedagogical Institute
named after V.G. Korolenko
PhD, senior lecturer
Kropacheva M.A.
Russia, Glazov
tel. +79128723125
e-mail: kropacheva.ma@mail.ru*

*Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Литвинова Е.С.
Россия, г. Глазов, тел. +79226861346
e-mail: litvinova.es@bk.ru*

*Glazov State Pedagogical Institute
named after V.G. Korolenko
PhD, senior lecturer
Litvinova E.S.
Russia, Glazov
tel. +79226861346
e-mail: litvinova.es@bk.ru*

М.А. Кропачева, Е.С. Литвинова

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИИГРОВОГО ОБЩЕНИЯ ИГРОКОВ МАССОВЫХ МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ РОЛЕВЫХ ОНЛАЙН-ИГР

В статье описывается внутриигровое общение участников массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр (ММОРПГ), поскольку этот тип игр стал одним из наиболее популярных в последнее время. Будучи субкультурой, игровое сообщество любителей ММОРПГ пользуется в своей речи особым вокабуляром, который применяется в разговорах об игре, при этом в повседневном общении геймеры пользуются национальным языком, чаще всего общим жаргоном. До сих пор любители видеоигр рассматривались в основном с точки зрения социологии и психологии, в то время как анализу их речи посвящено не так много исследовательских работ. Учитывая распространенность и популярность видеоигр и недостаток достоверной информации об играх и игроках, представляется актуальным изучение лингвистических особенностей геймеров, так как это может предоставить необходимые данные для психологов и социологов. В данном исследовании рассматривается как устная, так и письменная речь геймеров. Делаются выводы о том, что изучать следует не только особый вокабуляр, но и другие особенности коммуникации геймеров, такие как использование опосредованной устной коммуникации и ограниченное в пространстве и времени общение во внутриигровом чате. Все эти особенности определяют весь процесс общения в игре. С одной стороны, большое количество специфической лексики делает речь игроков малопонятной для окружающих; с другой стороны, именно специфичность лексических единиц и большое количество сокращений позволяет эффективно достигать целей, поставленных в игре. Речь игроков ММОРПГ, касающаяся игрового процесса, лаконична, однозначна и носит скорее профессиональный, деловой характер. Результаты данного исследования могут быть в дальнейшем использованы в психологических и социологических исследованиях.

Ключевые слова: субкультура, видеоигра, коммуникация, геймер, ролевая игра, массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра (ММОРПГ), голосовой чат, внутриигровой чат, ограниченное коммуникативное пространство.

M.A. Kropacheva, E.S. Litvinova

THE PECULIARITIES OF IN-GAME COMMUNICATIONS OF MASS MULTIPLAYER ONLINE ROLE-PLAY GAME PLAYERS

The article describes the MMORPG players' in-game communication as video gaming has become a very popular pastime for modern people. Being a subculture gaming is determined by special vocabulary which is mostly used in communication about games and gaming while all other topics are covered by national language mostly in its common slang variety. Gaming has been studied before by sociologists and psychologists but not many linguistic researches can be found. Considering the number of people involved in gaming and the lack of inside knowledge about gaming it is important to study gamers' speech as it may help to understand people involved in gaming better. Both oral and written communication is analyzed to give a full view on MMORPG players' speech. The conclusions are made that not only special game-induced vocabulary should be paid attention to but other features as well. Those are peculiarities of inter-mediated oral communication and the tools used for it, limited space and time of written in-game communication. All these features determine the whole process of communication while gaming. On the one hand special vocabulary makes it difficult to understand, on the other hand specific lexical units and a lot of shortenings make it possible to achieve necessary goals in game successfully. MMORPG players' speech in game is precise, business-like and laconic. The results of this survey could help psychologists and sociologists to understand gamers better.

Key words: subculture, video game, communication, gamer, role-play game, MMORPG, voice chat, in-game chat, limited communication space.

The Internet plays a significant part in the life of modern people. They use it for work and study as well as to communicate with family, friends, to practice their hobbies, etc. In the Internet you can search for information, communicate, read books, listen to music, watch movies, play games, buy and sell various goods and services. This cannot but give rise to appearance or development of special subcultures, connected with the virtual space in different ways [1]. Representatives of such subcultures communicate with their like-minded people mainly on the Internet, although sometimes they meet in real life (not always, since the Internet allows you to maintain some anonymity, which disappears with personal contact).

The development of information technologies has given rise to a certain type of culture that is called a virtual culture since it exists mostly or fully in the Internet. Just as the real-life world has some dominant culture known practically to all people and copied by most and several subcultures that differ from it, the virtual world also has dominant virtual culture and subcultures [2, 3, 4]. The dominant virtual culture is expressed mainly in general rules of behavior on the web. Some of the subcultures were transformed from real-life subcultures practically with no change except for the means of communication, because the Internet offers quicker communication and is aimed at wider audience. It also supplies an easier way to exchange all types of information not only in text form. Such subcultures include online trade and dating sites, which only slightly differ from trade and dating in real life or by means of printed media.

Many other subcultures appeared in the Internet seemingly on their own, regardless of real life, but in fact they are also caused by real-life human behaviour and they are more difficult to trace without special studies. These subcultures use chats, forums, Internet surfing, social networks for many different purposes including professional communication, education, entertainment (watching movies, listening to music, chatting), hobbies etc. Due to modern technologies a person can communicate practically everywhere and any time of the day without the necessity to meet personally or even sit at home near the PC. This also makes it possible to communicate with more than one person at a time, moreover it can be not only face-to-face or group communication but also "talking" to the whole world.

One of the most widespread entertainments especially among younger generation nowadays is playing videogames. They can be of different types according to what device is used for playing, for

example, there are games for computers, smartphones, tabs, consoles etc. They can be played online and/or offline, alone or with companions. There are also different genres of videogames such as adventure, action, strategy, economic simulators, role-play games and many others [5].

The more game technologies and 3D graphics develop, the more people are involved in playing videogames, and one of the most popular of them is MMORPG, which is short for massively multiplayer online role-play game. Such games offer players not only entertainment while fulfilling the mission but also communication with a lot of people at the same time. Only recently this field of entertainment got proper attention from researchers, there appeared some kind of detailed classification of videogames in general and of different genres in particular. Such classification may have existed long before for game-developers but only recently people who are not involved in game production are getting acquainted with the process of game-making. The analysis of players' or game-makers' speech has also been scarce and not always systematic but there is one peculiarity that has been mentioned by most of the researchers and that is about gamers' speech being different from their casual speech in real life [6].

Videogames in all their variability play more and more important role in a modern person's life and they have become an essential part of everyday routine for many people, especially young. They cannot imagine their day without playing their favourite games. Researchers, mostly psychologists and sociologists, are alarmed with the amount and the severity of some people's videogame addiction. Unfortunately, the number of linguistic researches in the sphere of videogames is less than that in psychology and sociology though such researches might have helped to solve some problems which are relevant nowadays. The aim of our research is to describe gamers' speech patterns and peculiarities in gaming surrounding and in connection with their subculture on the example of MMORPG gamers. To achieve this goal it is necessary to distinguish between different types of role-play games in the Internet, define them as virtual subcultures and describe their speech behaviour.

Firstly it is important to define the subculture of role-players in general. The subculture of role-playing games is one of quite noticeable and developed subcultures, both in the real world and in the Internet, and it should be noted that both in real life and in the Internet there are several options for this subculture. In real-life world two types of role-playing games can be distinguished: a board-based role-playing game, where players sit together in the same room and verbally describe the actions of their character, and those where the performance itself (similar to theatrical) takes place, in costumes with appropriate household items, weapons and etc.

There are also two versions of the game in the Internet, one of which is close to a board role-playing game in real life but is carried out in a form of forums posts or with the help of instant messengers etc. Participants in such games also provide only a textual description of their character's actions, however they have more time to think about them, they can edit their messages, their reaction to the actions of other players is usually delayed in time, since it is necessary to read the texts of other players. The second version of the role-playing game in the Internet is a computer multiplayer online game [7]. The player in such a game is offered a variety of characters which they could play either customizable or semi-customizable. They can make their character look like them in real life or like their favourite hero. Along with customizable appearance which is rather attractive to players they are supplied with a special mission that they are supposed to fulfil together with other players. When this mission is fulfilled the player gets another one, so all in all the game never ends. As a rule, in such a game one player has more than one character, and in some cases they can even be online at the same time. The character of the game is limited by its conventions and rules, which are created by developers and cannot be changed at the request of the player.

In both versions of real-life role-play games and in forum ones it matters for every new player what happened in the game before, what other players had said and done but in virtual MMORPG every new player starts their own existence from a scrap, no matter how many other players there are and what they have already done. Real-life role-play games and forum games also let a player

communicate with limited number of people at a time (not more than 200-300 for costume role-play games and about 10-20 for board games and forum games) whereas in MMORPGs players can communicate with either a small number of people or a big group, sometimes to the whole server which may contain thousands of players. Thus virtual MMORPGs give players freedom in their behaviour and speech.

Secondly, it is important to define MMORPG players as representatives of a certain subculture because it also influences their behaviour and speech. Traditionally, there are 3 groups of signs of subculture: symbolic, social and behavioral. In addition, it should be remembered that the inherent characteristic of any subculture is the presence of a special vocabulary [8, 9, 10].

The first common point for every role-player is that they depict and live not their own life, but the life of another creature, and sometimes this creature is an idealized image of the player himself, and sometimes has little to do with the real person. MMORPG players have practically no opportunity to “decorate” their character with any symbols other than belonging to a guild or having some titles, but in real life they can create or buy things with the symbols of their favourite game.

The social characteristics of players can be very diverse and have a significant impact both on the game process and on the attitude to it. Traditionally, role-players are rather young people and as a rule, they have not yet decided on their lives, have more free time, and are usually not burdened with work and family responsibilities. For the MMORPG players in particular the possession of technical means is necessary. This situation is more common in Russia, while for the international servers the age span is bigger and elderly people actively play MMORPGs as well as younger ones.

It was long assumed that most MMORPG players are male nevertheless nowadays there are a lot of female role-players as well. Compared to costume RPG where the player should physically meet the requirements of the character such as gender, stature, voice and the like, virtual MMORPGs don't require any special appearance, clothes, attributes from the player. Moreover about half of MMORPG players choose to make a character of the opposite gender and it is not considered abnormal [11].

Another factor affecting role-playing games may be the player's education, and if both a schoolchild and a scholar can play computer games in the modern world equally well, therefore the level of education is practically not important in that case, it is very important for text games because few people would like to read a poorly written story, while in MMORPG players may laugh at mistakes in other players' language but it won't affect the process of the game unless it makes the meaning unclear.

If we consider the behavioral signs of the role culture subculture, we can note the heterogeneity of their manifestation. For example, the stereotypes of behavior of different types of players are very different depending on the type of RPG. So for the costume role-players appearing on the game without the appropriate costume and accessories is unacceptable and is criticized by other players. For a board role-playing game, the obligatory appearance at each session of the game is considered a stereotype of behavior, since the absence of any character at a certain point in time violates the entire game process. About the same thing can be said about forum text games, where the game process will be disrupted if one of the players does not write their remarks for a long enough time. Players in MMORPG are less dependent on the presence of other players, but they also prefer to join groups to achieve common goals, since it is difficult to achieve much in a multi-player game being alone. Thus, the common stereotype for all role-players is the desire to interact with each other, however, the degree and necessity of this interaction is different.

The norm for any type of role-playing game is the presence of a master, but for role-playing games in real life it is a living person who is personally present at the site of the game simultaneously with all the other players and manages the process. In forum text games, the master is also present in the game personally however their online time does not always coincide with the time of the players. In all these cases, you can personally communicate with the master, agree, discuss the

game process and the plot or even argue. In MMORPGs, the game development company plays the role of a master, and the players have practically no opportunity to convey their opinions to them or enter into a dispute.

Another manifestation of the behavioral norm is the language that is used while playing. In both costume and board role-play games as well as in forum ones player's speech should be consistent with the character. In MMORPGs it is the players who communicate, not the characters, and their speech directly depends on the personal characteristics and education of the player. Thus, in MMORPGs speech has a more practical purpose that is the need to achieve a result together with other players. It is important to note that gamers' speech follows the same general rules of the language the player speaks. For a person who is not a gamer the difficulty in understanding may be caused mostly by special game related vocabulary. If players discuss something common, not directly connected with the process of gaming, they use common vocabulary not related to gaming. On the other hand while communicating about game matters they use a lot of special vocabulary which is not easily understood by outsiders. Mostly game related communication is close to business-like or professional communication in terms of its shortness, preciseness and determination to fulfil the objective.

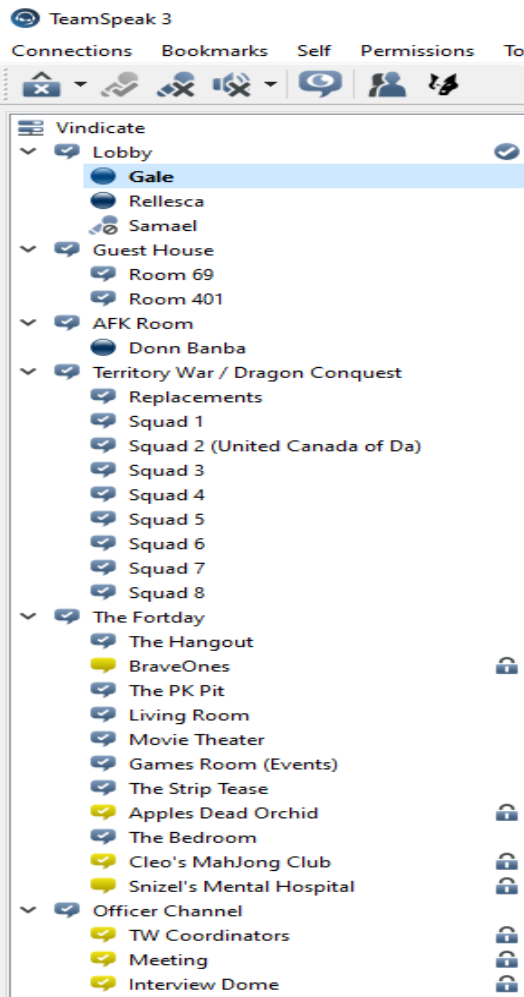
The speech in MMORPG may be observed in two forms, oral and written (typed). Oral speech is more difficult to make a research on though it could be done with the help of a digital recorder. It should be noted that oral speech used in MMORPGs has all features of casual oral speech with a number of thematically referred words included.

Oral speech can be observed in two cases, either a group of people sitting in one room and playing the same game or some players using special voice chat software. In both cases it differs from normal oral face-to-face communications because the players don't look at each other but at their computer screen. Even when sitting in the same room they don't have an opportunity to watch mimics and gestures of the other player because their attention is turned to the game process. Therefore the intonation is the only feature that can be monitored without seeing the peer's face and it is very important in such conversation. There can be also a problem with recognizing voices when there are many people in chat simultaneously. Without looking in the chat list one cannot see who is speaking at the moment and sometimes it is hard to define even the gender of the person speaking. There are overlays for the voice chat that show the name of the speaker in the corner of the game window but when there are some people talking simultaneously it is still confusing.

Voice chat software is used mostly when immediate reaction is needed and when the player acting in a team does not have time and opportunity to write messages in game chat due to the fact that some time is required for the server to connect with the player's PC and also due to the situation when the player should press other buttons to perform some actions in game. Usually players use this kind of software to coordinate the actions of many players at the same time or when they need to discuss some new content in game that they are trying to process and master. It is common for every guild on the server to have some special channel in any of voice chat software and often there is also a channel for the whole server. Guild channel usually contains several rooms for different purposes and events where people can gather either in small groups or rather large ones. The example of voice chat software TeamSpeak 3 channels can be seen in Picture 1.

It can be seen in the picture that it is a guild voice chat software interface where there are six big sections each containing a number of rooms. Every section or room is used for a particular purpose such as Territory Wars and Dragon Conquest events, Officer Channel and more. There are also rooms for casual chatting in The Fortday section. It is visible that some rooms are not open for all players with the help of a lock icon. On the other hand the officers of the guild have a possibility to bind all channels together and speak to all users in all rooms and sections at the same time which ordinary users cannot do.

Below the list of sections and rooms there is also a small box for written messages (not presented in Picture 1) but such messages are rarely used, mostly in cases when some of the participants have no microphone.

Picture 1. Voice chat software channels

Sometimes people use voice chats to communicate on casual matters not just for gaming. In that case their speech may have no indication of their being gamers but when they participate in some in-game event a lot of special lexical units are used. Most big player groups prefer to use voice chats not to lose time writing some important information for every player. When there is a voice chat opened players will hear what is said even if they do something else at that moment but when the information is written in game chat it may soon move too far covered by other messages and will not be seen by the player who is currently away from the computer.

Gamers' speech can also be observed in written form which is represented in either in-game chat or in forums, guides and social networks. This article will deal mostly with in-game chat. In-game written speech is easier to analyze than oral as one can always screenshot it for later rereading. It is also easier in terms of installation; one does not need any additional software for this as the game supplies the players with the elaborate system of in-game chats. This research will deal with a popular MMORPG called Perfect World, both Russian and International versions [12, 13]. The in-game chats are usually divided into several channels which are usually colour-coded and can be switched among. There are usually channels for trading, for guilds, for groups, for private conversa-

tion and for all server communication. Some games offer cross-server communication as well. If at some point players do not want to see the messages in particular channel they can usually turn them off. The example of colour-coded in-game chat channels in Perfect World game can be observed in Picture 2.

Picture 2. In-game chat channels in Perfect World game

The yellow text in the picture shows the world chat channel which can be seen by all players if they don't turn it off. The pink colour is used for private chats with people in player's friendlist. The dark blue colour shows private messages with people who are not in friendlist. Private messages can be seen only the two players engaged in communication. The green colour shows messages in group chat, they are visible only for the players united in ne group (not more than 10 characters in Perfect World). The cyan colour shows the guild communication and all characters in the guild can see it if they are online (up to 200 characters in Perfect World). There can be also white colour chat seen only by those around the speaker and orange colour chat for system messages produced by the game itself.

The space for a message in game chat is always limited and the length of it is usually about 100-110 symbols and the space for messages usually takes from one tenth to one sixth of the game interface. That space is called a chat box. Combined with the fact that a server may have some hundreds players online and wishing to write something at the same time which makes the chat flooded with different messages, a player has to look constantly and attentively at the chat box where messages follow each other quickly and disappear from the view similar to scrolling text on TV. Once it scrolls away it is hard to find it again and one should scroll back for some time to see the necessary piece of information. Sometimes chat box clears and old messages disappear forever. Having several channels helps to look for the type of information the person is interested in at the moment.

It is noteworthy that the necessity to convey the message in severely limited space and to react to other people's messages in the shortest time not to be outrun by others determines the peculiarities of gamers' written speech. To express the wish to find someone particular to help fulfil the mission one should write an extended complex sentence using both main and auxiliary parts of speech to point where exactly the help is needed and what type of character with what characteristics is required. For example a chat message like this *bm cleric sin seek(def) +1dd for IU19+* means that the person needs characters of particular classes (*bm* 'blademaster', *cleric*, *sin* 'assassin', *seek* 'seeker') and one more character of any class able to deal a lot of damage (*dd* 'damage dealer') to help them with the quest in a dungeon called *IU* (short for 'Icebound Underworld'). Moreover one of the characters in question (*seeker*) should meet special requirements concerning their *def* 'defence levels'. The message also tells that the dungeon will be passed till the last 19th boss respawning several times (for which + is added after 19), which is more than the quest requires. In Russian

version of the game the same meaning would be conveyed like this *в ЛА на фул вар прист син сик(нз) 10дд*, where *ЛА* is the same as ‘Icebound Underworld’ (‘Ледяной Ад’ in Russian), *фул* means 19, *вар* stands for ‘blademaster’, *прист* is ‘cleric’, *син* is ‘assassin’, *сик(нз)* is ‘seeker(def)’, *дд* is ‘damage dealer’. These two examples show that a lot of shortenings are used in gamers’ written speech to compress the message and fit it into 100-110 symbols. It is also important to note that such messages are very business-like precise and emotionless. With all the differences between English and Russian as modern languages in general there seems to be the same tendency of omitting verbs and pronouns and minimalizing prepositions and endings. English text also is devoid of articles which are important for the language in general.

There is one more point about game chat messages, which is the fact that particular patterns are used practically by all players though there are not any special rules or restrictions about the way of shortening. These patterns differ in Russian and English versions of the game but within the same version they are followed. For example in English version if players want to sell, buy or trade some item or service they usually write it like WTS ‘I want to sell’, WTB ‘I want to buy’ and WTT ‘I want to trade’ respectively, though ‘I’ is omitted from the shortening. In Russian version the messages about trading options usually feature either full words *продам* ‘I want to sell’/ *куплю* ‘I want to buy’/ *поменяю* ‘I want to trade’ or phrases like *кружевное платье цены в пм* ‘I want to sell a courtesan dress, write your bid in a private message’, where the verb is omitted.

Another way of shortening the length of the in-game message is using in-game links that show detailed information about the linked object. In some cases the game also shows if the person who clicks the link has a similar object equipped. It is a convenient way which allows to show the object’s characteristics without writing anything or to understand if a character is suitable for some mission. Picture 3 shows an example of a detailed link in Perfect World game.

Picture 3. In-game detailed link in Perfect World game

If a person clicks a link presented in the chat box and put in [ ] symbols (in Picture 3 it is the orange text in the lower left corner) there appear two windows. The left one shows the linked item,

the right one shows the item of a similar kind equipped on a player who clicked the link. All this information gives the player an idea of the qualities of the linked object and its detailed description which could not be written in 100-110 symbols of the in-game message.

In conclusion it should be noted that video games are considered a popular pastime nowadays and a lot of people both young and elderly spend a significant amount of time playing them. One of the most popular types of video games are MMORPGs which allow the player a lot of freedom of choice among many different settings, types of characters, behaviour etc. Such games do not demand much from a player that is why they gain more popularity than older text or face-to-face RPGs.

All gamers may be said to belong to a gaming subculture as playing games takes a lot of their time and influences their worldview. Being a subculture it has some particular features of social, behavioral and symbolic nature. As any subculture in general gaming subculture is heterogeneous and is represented by a number of smaller subcultures which have certain differences. Most characteristic feature defining the type of subculture is its members' speech.

The gamers' speech is determined mostly by special vocabulary concerning gaming and the devices used to play games. Outside of that sphere of communication the speech of gamers does not contradict the norms of the national language. It is important to note that game-induced communication can be described as business-like, precise, full of shortenings and rather emotionless. The reason for such kind of speech is that both time and space for conversation in games is limited and gaming requires quick and well-coordinated actions.

In order to provide gamers with the necessary tools to succeed voice chat software is used. It allows huge groups of people to coordinate their actions in game by means of oral communication which does not require typing and saves time. Gamers' speech in oral form is harder to monitor for research but some peculiarities of it can be still noticeable. It has most characteristics of intermediated oral speech in general. As the players cannot see mimics or gestures of each other the intonation is very important as well as voice recognition. All in all gamers' oral speech is determined by the topic of communication. If the game or gaming process is discussed then a lot of special vocabulary is used and the speech is more difficult to understand for the outsider. Otherwise it is usual oral speech that can be heard from common people not connected with games.

Gamers' written speech in game itself is determined by the limited space and the necessity to react and type quickly. That causes peculiarities; one of them is using a lot of shortenings in in-game chat where the messages should be no longer the 100-110 symbols. Special vocabulary combined with shortenings makes in-game chat speech even less understandable for outsiders than oral speech where players usually use less shortenings. Games try to supply players with a possibility to express their ideas more fully using less chat space by means of in-game linking which gives players detailed information while using only a few symbols.

All in all in-game communication in MMORPG can be described as induced speech which has all the characteristics of speech in general, no matter what the language is. The only peculiarity is its vocabulary and the necessity to shorten most words for the communication to be successful in given circumstances.

Библиографический список

1. Internet Culture. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Internet_culture (дата обращения – 31.01.20).
2. Смирнова И.А. Субкультура общности пользователей Интернет // Виртуальное пространство культуры. Серия «Symposium». Вып. 3. Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 148-149.

3. Смирнова И.А. Интернет как фактор субкультуры виртуального сообщества: автореферат дисс. ... канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2000. 19 с.
4. Усанова Д.О. Виртуальная культура как феномен современности и ее репрезентация в субкультурных практиках // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 395-397.
5. Компьютерная игра. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Компьютерная_игра (дата обращения – 31.01.20).
6. Массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовая_многопользовательская_ролевая_онлайн-игра (дата обращения – 31.01.20)
7. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Субкультура геймеров, единая и делимая // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 74-77.
8. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 27 – 33.
9. Гаранович М.В., Ерофеева Т.И. Языковая составляющая субкультур г. Перми // Перспективы науки. 2012. № 32. С. 383-386.
10. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Природа и особенности выражения субкультуры студентов // Социо- и психолингвистические исследования. Вып 6. Пермь, 2018. С. 141-144.
11. Hussain Z., Griffiths M. Gender swapping and socialising in cyberspace: An exploratory study. *CyberPsychology & Behavior*. 2008. Vol. 11. P. 47-53.
12. Официальный сайт русскоязычной версии игры Perfect World. URL: <https://pw.mail.ru/> (дата обращения – 31.01.20).
13. Официальный сайт русскоязычной версии игры Perfect World. URL: <https://www.arcgames.com/en/games/pwi> (дата обращения – 31.01.20)
14. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Геймеры как субкультурный и культурный феномен. // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 104-108.
15. Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Сокращения в ограниченном коммуникативном пространстве чата ММОПП // Вестник педагогического опыта, Глазов. 2019. № 45. (электронное издание).

References

1. Internet Culture. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Internet_culture (date of application – 31.01.20).
2. Smirnova I.A. Subculture of the community of Internet users // *Virtual Space of Culture. Symposium Series*. Iss. 3. St.-Petersburg, 2000. P. 148-149.
3. Smirnova I.A. The Internet as a factor of the subculture of the virtual community: abstract of thesis ... PhD in culture studies. St.-Petersburg, 2000. 19 p.
4. Usanova D.O. Virtual culture as a phenomenon of modern times and its representation in subcultural practices // *Theory and practice of social development*. 2013. Vol. 11. P. 395-397.
5. Computer game. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Компьютерная_игра (date of application – 31.01.20).
6. Massively multiplayer online role-play game URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовая_многопользовательская_ролевая_онлайн-игра (date of application – 31.01.20).
7. Kropacheva M.A., Litvinova E.S. Subculture of gamers, unified and divisible // *Social and psycholinguistic studies*. 2013. Iss. 1. P. 74-77.
8. Schepanskaya T.B. Traditions of urban subcultures // *Modern urban folklore*. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2003. P. 27 - 33.

9. Garanovich M.V., Erofeeva T.I. The language component of subcultures of Perm // Prospects of science. 2012. Vol. 32. P. 383-386.

10. Kropacheva M.A., Litvinova E.S. The nature and characteristics of the expression of students' subculture // Social and psycholinguistic studies. 2018. Iss. 6. P. 141-144.

11. Hussain Z., Griffiths M. Gender swapping and socialising in cyberspace: An exploratory study. CyberPsychology & Behavior. 2008. Vol.11. P. 47-53.

12. Official site of the Russian version of the game Perfect World. URL: <https://pw.mail.ru/> (date of application – 31.01.20).

13. Official site of the International version of the game Perfect World. <https://www.arcgames.com/en/games/pwi> (date of application – 31.01.20).

14. Kropacheva M.A., Litvinova E.S. Gamers as subcultural and cultural phenomenon. // Social and psycholinguistic studies. 2015. Iss. 3. C. 104-108.

15. Kropacheva M.A., Litvinova E.S. Shortenings in limited communicative space of MMORPG chat // Bulletin of pedagogical experience, Glazov. 2019. Iss. 45 (electronic edition).

УДК 81:791.4:305-055.1

*Кубанский государственный аграрный
университет
преподаватель кафедры иностранных языков
Линник А.А.
Россия, г. Краснодар
тел. 8-909-462-8-90
e-mail: steisha.al@gmail.com*

*Kuban State Agrarian University
The chair of foreign languages
Lecturer
Linnik A.A.
Russia, Krasnodar
tel. 8-909-462-84-90
e-mail: steisha.al@gmail.com*

А.А. Линник

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КИНООБРАЗА ОТЦА В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Термин кинодискурс, ввиду своей возрастающей популярности во многих областях и сферах исследований, приобрел множество научных интерпретаций. Лингвистические трактовки, в частности, в качестве отличительной черты феномена кинодискурса подчеркивают в нем единство вербального и невербального компонентов. Особое внимание уделяется смежному с кинодискурсом понятию – кинообразу, основное отличие которого от словесного заключается в большей материальности, визуальности и динамичности. В статье также предполагается, что кадр как составная единица, участвующая в построении кинообраза, соотносится со способами репрезентации кинообраза как целое и часть. Материалом для выявления основных способов репрезентации кинообраза в американском кинодискурсе послужили следующие кинопроизведения и их скрипты: «Убить пересмешника» (“To Kill a Mockingbird”) Роберта Маллигана, «Бесконечно белый медведь» (“Infinitely Polar Bear”) Майи Форбс, «Хотел бы я быть здесь» (“Wish I Was Here”) Зака Браффа, «В погоне за счастьем» (“The Pursuit of Happiness”) Габриэле Муччино. Для осуществления цели привлекались выразительные средства кинематографа, не только характерные для многих других видов искусств, но также собственные и специфические. В статье затронут ряд способов репрезентации кинообраза отца, задействованных в создании отцовского образа киноперсонажа и многогранно его реализующих. В числе таких способов мы выделяем: кинематографические приемы крупного, среднего планов, повторения кадров (общий психологический портрет героя-отца), монтажа (развитие персонажа с точки зрения отцовской роли), а также внутрикадровый, закадровый голос и музыкальное сопровождение (изображение взаимоотношений персонажа-отца с другими персонажами кинофильма).

Ключевые слова: кинодискурс, кинообраз, выразительные средства кинематографа, способы репрезентации, вербальный и визуальный компоненты.

A.A. Linnik

MEANS OF THE FATHER'S FILM IMAGE REPRESENTATION IN AMERICAN FILM DISCOURSE

Due to the increasing popularity in many areas of research, the term “film discourse” has acquired many scientific interpretations. Linguistic interpretations in particular emphasize the unity of the verbal and non-verbal components as a distinctive feature of the phenomenon of film discourse. Particular attention is paid to the concept of the film image, which is related to the film discourse. However, the main difference between the film image and the verbal one is that the former is more material, visual and dynamic. The article also assumes that the movie shot, being an integral unit involved in the creation of the film image, correlates with the means of film image representation as the whole and the part. The following films and their scripts were used as the material for identifying the main ways of film image representation in American film discourse: “To Kill a Mockingbird” by Robert Mulligan, “Infinitely Polar Bear” by Maya Forbes, “Wish I Was Here” by Zach Braff, “The Pursuit of Happiness” by Gabriele Muccino. For this purpose

cinematic means of expression were involved, both specific and common to many other types of art. Among such cinematic techniques mentioned in the article are close-up shots, medium shots, frame repetition, montage, intraframe and offscreen voice, background music.

Key words: film discourse, film image, cinematic means of expression, means of representation, verbal and visual components.

Термин «кинодискурс» представляет интерес для исследователей во многих областях, включая философию, социологию, лингвистику, что привело к широкому разнообразию научных интерпретаций данного понятия, от семиотической до лингвистической. Выступая сложным гетерогенным образованием [1], кинодискурс среди прочих имеет тесную связь с понятием кинообраза в том числе. Кинообраз характеризуется рядом особенностей, отличающих его от словесного или художественного образа. Одной из таких особенностей выступает кадр как основная единица кинематографа, участвующая в процессе построения и репрезентации кинообраза.

Цель данной статьи заключается в выявлении основных способов репрезентации кинообраза отца в американском кинодискурсе путем привлечения выразительных средств кинематографа, характерных для многих искусств, а также собственных и специфических.

Теоретическая и практическая значимость статьи обуславливается вкладом в исследования маскулинности и способов ее репрезентации в кинодискурсе. Работа затрагивает такие направления современной науки, как теория дискурса, межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Актуальность и новизна данной статьи определяется растущей популярностью современных научных работ в сфере кинодискурса, где образ отца может находить самое разное выражение согласно задумке коллективного автора кинофильма. В сравнении со словесным образом, кинообраз представляет интерес ввиду привлечения специфических приемов кинематографа с целью создания образа персонажа-отца в отдельно взятом кинопроизведении и тем самым способствует новому прочтению отцовского образа в кинодискурсе.

В изучение кинодискурса весомый вклад внесли лингвисты: М.А. Ефремова, А.Н. Зарецкая, Е.А. Колодина, В.П. Конецкая, И.Н. Лавриенко, Ю.А. Нелюбина, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин, Е.К. Соколова. Согласно лингвистической трактовке А.Н. Зарецкой, кинодискурс выступает в качестве феномена, отличающегося единством вербального (связный текст) и невербального (аудиовизуальный ряд) компонентов; к нему также относятся другие экстралингвистические факторы: фоновые знания, экстралингвистический контекст [2].

И.Н. Лавриенко также придерживается мнения, что кинодискурс находит свое выражение в единстве вербальных и невербальных (кинематографических) знаках, которые соответствуют замыслу коллективного автора [3].

Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова под кинодискурсом подразумевают сообщение, характеризующееся связностью, цельностью и завершенностью, находящее свое выражение при помощи вербальных и невербальных знаков [4].

С термином «кинодискурс» тесно связано понятие кинообраза. Кинообраз, по мнению ряда исследователей, наряду со словесным образом, можно считать основным элементом ряда искусств. Согласно В.П. Конецкой, кинообраз специфичен для кино и не имеет аналога в вербальной коммуникации. Кинообраз как единица передает «в общеобразной форме смысловую и оценочную информацию о персонажах и их отношениях, о Времени и идеях, об обществе и социальных ценностях» [5; с. 93].

По мнению Е.К. Соколовой, от метафоричного словесного образа, воздействующего на воображение читателя, кинообраз отличается визуальностью, динамичностью, осязаемостью. Зримая осязаемость и наглядность кинообраза достигается благодаря ряду следующих факторов. Звуковой ряд кино, в который входят речь актера, внутренний монолог или диалог,

внутрикадровый и закадровый голос, шумы и музыка, значительным образом дополняет зримое изображение. Динамичность кинообраза выражается в том, что физическое движение позволяет воспринимать процессы мышления, а сновидения, воспоминания становятся материальными для зрителя. Наконец, кинообраз отличается способностью более сильного эмоционального воздействия на зрителя, поскольку слово, сочетаясь со зрительными образами, приобретает новые оттенки, производя на реципиента особое впечатление [6]. В основу нашего схематичного представления о двухкомпонентном содержании кинообраза, ориентированного на визуальное восприятие кинореципиентом, легло видение кинодискурса как единства вербального и невербального компонентов (лингвистический аспект и экстралингвистический контекст) [7].

Кинодискурс имеет свои собственные составные элементы, обозначая которые кинематографисты зачастую используют термин «кадр». Сопоставление кадров, соответствующих общей теме и несущих в себе ее частицу, образует кино как целое, на основе чего можно предположить, что кадр является одним из основных составляющих элементов кинофильма и кинодискурса [8]. Толковые словари определяют кадр как отдельную сцену или эпизод из кинофильма, участок кинофильма, занятый отдельной сценой или деталью картины, а также составную часть фильма, содержащую какой-либо момент действия [9]. В дальнейшем мы будем придерживаться данной трактовки с целью выделить основные способы репрезентации кинообраза отца в американском кинодискурсе, поскольку в нашем представлении кадр и способы репрезентации кинообраза соотносятся как целое и часть, и, таким образом, кадр может содержать в себе те или иные способы репрезентации кинообраза.

Кадры как единицы кинематографа принимают активное участие в процессе построения и репрезентации кинообраза. В статье мы затронем ряд способов репрезентации кинообраза отца, каждый из которых не просто задействован в создании отцовского образа киноперсонажа, но и реализует его с разных сторон (психологический портрет персонажа-отца, его вербальный образ, изображение конфликта героя с самим собой или обществом), в некоторых случаях сочетаясь или дополняя друг друга (к примеру, особенности монтажа в сочетании с закадровым голосом). В числе таких способов мы выделяем: кинематографические приемы крупного, среднего планов, повторения кадров, монтажа, а также внутрикадровый, закадровый голос и музыкальное сопровождение.

Одними из самых характерных способов репрезентации выступают разные виды планов, посредством которых автор кинопроизведения создает психологический портрет своих героев. Крупный план, в частности, помогает выделить какого-либо героя, обратить внимание зрителя на его характер.

Так, например, в экранизации Роберта Маллигана романа Харпер Ли «Убить пересмешника» (“To Kill a Mockingbird”), вышедшей в 1962 году, присутствует сцена, где Скаут перед сном задает Джемму вопросы о своей матери. На экране в это время крупным планом показан задумчивый Аттикус, сидящий на крыльце дома, пока детские голоса отчетливо звучат за кадром. Создается впечатление, будто все вопросы девочки адресованы не только ее брату, но и Аттикусу в том числе, при этом сам мужчина как будто солидарен с Джеммом в ответах на них.

Scout: Was Mama pretty?

Jem: Yes.

Scout: Was Mama nice?

Jem: Yes.

Scout: Did you love her?

Jem: Yes.

[...]

Scout: Do you miss her?

Jem: Yes [10; p. 21].

Таким образом, обычно сдержанный Атиккус представляется не только как заботливый отец, но и любящий муж, искренне тоскующий по умершей жене.

Не только сам герой, но и определенные детали, данные в кадре крупным планом, также могут внести вклад в создание отцовского образа. К примеру, поведать что-либо о повседневной жизни персонажа или метафорично проиллюстрировать его собственное развитие.

Герой кинокартины Майи Форбс «Бесконечно белый медведь» (“Infinitely Polar Bear”), снятой в 2014 году, вынужден на период в 18 месяцев самостоятельно ухаживать за двумя дочерьми, пока его супруга ищет престижную работу в другом городе, чтобы исправить бедствующее финансовое положение семьи. В одной из сцен, когда мужчина выходит на кухню, на первый крупный план выносятся большое количество грязной посуды, на которой явно сделан акцент. Оглядывая ее, актер изображает на лице явную досаду, и вся сцена с выделением в кадре детали иллюстрирует, что в роли отца мужчина, который ранее не сталкивался с необходимостью самостоятельно следить за всеми нюансами быта и одновременно воспитывать детей, первое время может встречаться с определенными трудностями.

В фильме 2014 года «Хотел бы я быть здесь» (“Wish I Was Here”) режиссера Зака Браффа главный герой Эйдан Блум постоянно находится в состоянии конфликта собственных желаний и стремлений, связанных для него в актерской игре, с обязанностями отца и мужчины, четко закрепленными в общественном представлении. Во время одной из бесед со своим отцом на глаза Эйдану случайно попадает пластмассовая подставка для листовок с надписью: *“This pamphlet could save your life”*. Надпись на подставке в кадре показана крупным планом с целью особо подчеркнуть данную деталь, характеризующую образ персонажа-отца. В данном кадре ироничный эффект достигается еще тем фактом, что подставка абсолютно пуста, и зритель замечает это, когда план немного отдалается. Можно предположить, что данная надпись как часть парадискурса или незвучащей речи, характеризующей персонажа, вместе с акцентом на пустой подставке, указывают на то, что для Эйдана настал критический момент. Герою придется взять на себя полную ответственность за то, что происходит с ним в жизни, и за жизни своих детей, потому что дальше полагаться не на кого или не на что.

Повторяемость кадров и сцен, состоящих из них, можно соотнести с крупным планом, поскольку данный способ репрезентации кинообраза в равной степени может подчеркивать его содержание, особенно выделяя какие-либо черты характера героя.

В кинофильме 2006 года «В погоне за счастьем» (“The Pursuit of Happyness”) режиссера Габриэле Муччино персонаж-отец Крис Гарднер часто изображен бегущим в разные моменты киносюжета. В контексте фильма, передающего условия тяжелого экономического кризиса, при котором на героя лежит ответственность за обеспечение семьи, повторяющееся состояние бега характеризует Криса как целеустремленного, настойчивого и морально выносливого человека и отца.

В некоторых случаях особенности монтажа фильма как средства репрезентации кинообраза отца можно сравнить с художественным приемом ретроспекции, а кинореципиенту предоставляется возможность распознать контраст между прошлым и настоящим образами персонажа-отца или проследить личностный рост героя в роли отца и мужчины.

Первая сцена в фильме «Хотел бы я быть здесь» изображает выдуманный, фэнтезийный мир, в котором представляет себя главный герой. Эпизод сопровождается закадровым голосом актера, играющего Эйдана, озвучивающего обращение персонажа к собственному прошлому:

When I was a kid, my brother and I used to pretend we were heroes with swords. We were the only ones who could save the day. But perhaps we set the bar a little bit high. Maybe we're just regular people. The ones who get saved [11].

Подобный выбор вступительной сцены предполагает возможность увидеть в фильме дальнейший рост персонажа как отца и его путь от мальчика, убежденного в своем иллюзорном всемогуществе, к взрослому мужчине, уязвимому, как всякий человек, но, тем не менее, способному нести ответственность, в том числе и за других.

Тем не менее, не только закадровый, но и внутрикадровый голос может послужить способом репрезентации персонажа-отца. К примеру, через внутрикадровый голос персонажа героя может реализоваться посредством такого способа вербализации, как гетеродискурс, или речь других персонажей о киногерое, описывающая их отношение к нему [12].

Другие персонажи фильма рассматривают занятие Эйдана (актерское мастерство) как неприемлемое для отца, согласно представлениям, закрепленным в обществе, где от мужчины традиционно ожидается наличие стабильного заработка для обеспечения семьи. Отец Эйдана считает сына несостоявшимся в роли «кормильца семьи»:

I know it's 2014. In my time, men would rather die than let his wife work her fingers to the bone while he clowns around [11].

Отец главного героя использует лексику и идиоматическое выражение с преувеличенным негативным оттенком значения: *die, work fingers to the bone*, высказывая неудовлетворение тем, что традиционные роли мужа и жены в семье Эйдана смещены. Тяжелая ноша обеспечения семьи, по мнению мужчины, не должна лежать на миссис Блум. Более того, в выражении *clown around*, под которым отец Эйдана подразумевает актерство, чувствуется явное пренебрежение по отношению к роду занятий, выбранному его сыном.

Музыкальное сопровождение в кинофильме, которое необходимо рассматривать на протяжении всего кинопроизведения, в равной степени способно передать и дополнить образ киногероя, передать характер его взаимоотношений с другими персонажами фильма.

Так, в кинокартине «Бесконечно белый медведь» в промежутках между сценами зритель может наблюдать музыкальные видеоряды без реплик, выполненные по подобию любительской съемки на видеокамеру, где поочередно запечатлены персонаж-отец и его дочери в окружении городской местности или домашней обстановки. Данные эпизоды сопровождаются музыкой в стиле инди-фолк и кантри, создавая ощущение уютной простоты и легкости, непринужденности происходящего в кадре. Подобный выбор музыкальных композиций в сочетании с видеорядом довольно удачно отражает близкие отношения между героями, свидетельствуя о том, как много качественного времени (*quality time*), то есть времени, посвященного семье и близким людям, Кэмерон-отец проводит с дочерьми.

В заключение подчеркнем, что кинообраз, в силу используемых в его создании специфических для кинодискурса выразительных средств, имеет некоторые особенности по сравнению со словесным образом. В частности, кинообраз представляется более материальным, визуальным, динамичным. Вышеизложенный материал позволил нам выявить основные способы репрезентации кинообраза отца в американском кинодискурсе, каждый из которых вносит собственный вклад в реализацию персонажа. Так, в число средств, изображающих и дополняющих общий психологический портрет героя-отца через мимику, движения, детали интерьера, можно включить приемы крупного и среднего планов, повторения кадров. Чтобы отразить развитие персонажа в качестве отца, авторы кинофильма могут прибегать к приему монтажа, располагая особенно важные сцены в предусмотренном режиссером порядке, или сделать акцент на деталь в кадре. Помимо упомянутых способов репрезентации в создании кинообраза отца также участвуют различные способы вербализации, которые внутри фильма воплощаются в закадровом и внутрикадровом голосе, помогая зрителю составить впечатление о герое-отце либо с его собственных слов о себе, либо из уст других персонажей, говорящих о нем. Заключительным способом репрезентации кинообраза является музыкальное сопровождение, которое не только дополняет образ киногероя, но также способно изобразить характер его взаимоотношений с другими персонажами фильма.

Библиографический список

1. Колодина Е.А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник ННГУ. 2013. №1–2. С. 327 – 333.

2. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дисс.... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
3. Лавриенко И.Н. Критерии классификации кинодискурса // Вестник Харьковского национального университета. Дискурсология: семантика и прагматика. 2012. № 1003. С. 41 – 44.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
5. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.
6. Соколова Е.К. Литературный художественный образ и кинообраз. Проблема соотношения и взаимовлияния: автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.
7. Катермина В.В., Линник А.А. Образ «нового» отца в американском кинодискурсе // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 35 – 46.
8. Олянич А.В. Кинодискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2. С. 162 – 165.
9. Единый толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-словарь.рф/kadr.html> (дата обращения: 29.04.2019).
10. To Kill a Mockingbird by Horton Foote. Final Screenplay, 1962. [Электронный ресурс] URL: http://mentalslapstick.com/_pdfs/ToKillAMockingbird.pdf (дата обращения: 30.04.2019).
11. Wish I Was Here (2014) Movie Script | SS [Электронный ресурс]. URL: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=wish-i-was-here (дата обращения: 5.04.2019).
12. Нелюбина Ю.А. Вербальная репрезентация образа учителя в китайском кинодискурсе. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/33688/1/iyalvmop_2015_48.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

References

1. Kolodina E.A. The film dialogue status in a number of related concepts: film dialogue, film text, film discourse. Nizhniy Novgorod. 2013. Vol. 1–2. P. 327 – 333.
2. Zaretskaya A.N. Features of the implementation of the subtext in the cinema discourse: abstract of thesis ... PhD in philology. Chelyabinsk, 2010. 22 p.
3. Lavrienko I.N. Criteria for the classification of film discourse // The Bulletin of Kharkov national university. Discourse study: semantics and pragmatics. 2012. Vol. 1003. P. 41 – 44.
4. Slyshkin G.G., Efremova M.A. Film text (linguistic and cultural analysis). Moscow, 2004. 153 p.
5. Konetskaya V.P. Sociology of communication. Moscow, 1997. 304 p.
6. Sokolova E.K. Literary image and film image. The problem of correlation and mutual influence: abstract of thesis ... PhD in philology. Moscow, 2013. 18 p.
7. Katermina V.V., Linnik A.A. The image of the “new” father in American film discourse // Text. Book. Book publishing. 2018. Vol. 17. P. 35 – 46.
8. Olyanich A.V. Film discourse // Diskurs-Pi. 2015. Vol. 2. P. 162 – 165.
9. Unified explanatory dictionary [Electronic resource]. URL: <https://online-dictionary.rf/kadr.html> (date of application: 29.10.2019).
10. To Kill a Mockingbird by Horton Foote. Final Screenplay, 1962. [Electronic resource] URL: http://mentalslapstick.com/_pdfs/ToKillAMockingbird.pdf (date of application: 30.10.2019).
11. Wish I Was Here (2014) Movie Script | SS [Electronic resource]. URL: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=wish-i-was-here (date of application: 05.11.2019).
12. Nelyubina Y.A. Verbal representation of the image of a teacher in Chinese film discourse. [Electronic resource]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/33688/1/iyalvmop_2015_48.pdf (date of application: 22.11.2019).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.111'25

*Воронежский государственный
университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры перевода и профессиональной
коммуникации
Остапенко Д.И.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7 (473) 228 11 60, доб. 2770,
e-mail: daryaostapenko@mail.ru*

*Voronezh State University
PhD in Philology, Associate Professor at the
Department of Translation and Professional
Communication
Ostapenko D.I.
Russia, Voronezh,
tel. +7 (473) 228 11 60, ext. 2770,
e-mail: daryaostapenko@mail.ru*

Д.И. Остапенко

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К РОМАНУ ДЖ. БАРНСА «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА»

Статья посвящена комплексному рассмотрению дополнительного метакоммуникативного пространства, созданного Е.С. Петровой при переводе романа Дж. Барнса «Предчувствие конца» на русский язык. Метатексты, послужившие практическим материалом исследования, были отобраны путем сплошной выборки и включают подстрочные и затекстовые переводческие примечания общим количеством 33 единицы. Применение структурно-содержательного, функционального, сравнительного и типологического анализа позволило автору статьи охарактеризовать примечания с точки зрения их формы, структуры, содержания, типа и функций. Автор предлагает классификацию затекстовых примечаний к роману, основанную на типе комментируемого в них объекта. Помимо типологического анализа, проведен статистический анализ элементов авторского текста, поясняемых в затекстовых примечаниях к роману. Результаты исследования представлены в виде двух диаграмм. Кроме того, автор статьи оценивает достоинства и недостатки переводческих примечаний к роману, а также степень их эффективности с точки зрения восполнения лакун в фоновых знаниях получателей перевода, которые необходимы им для полноценного понимания заложенных в произведении смыслов.

Ключевые слова: Дж. Барнс, «Предчувствие конца», переводческий метатекст, переводческое примечание, подстрочные примечания, затекстовые примечания, восполнение лакун в фоновых знаниях.

D.I. Ostapenko

FEATURES OF TRANSLATOR'S COMMENTARIES TO THE NOVEL «THE SENSE OF AN ENDING» BY J. BARNES

The article is devoted to the multidimensional study of the extra metacommunicative space created by Ye. S. Petrova who translated the novel "The Sense of an Ending" by J. Barnes into Russian. The metatexts which served as a practical material for the study were selected by continuous sampling and included translator's footnotes and endnotes amounting to 33 commentaries. Structural, content, functional, comparative, and typological analyses allowed the author to define the form, structure, content, type, and functions of the commentaries. The author suggests a classification of the endnotes to the novel according to the type of the commented object. Apart from the typological analysis, the author conducted the statistical analysis of the elements in the source text which were commented in the endnotes to

the novel. The results of the study are presented in two diagrams. Finally, the author assesses the advantages and disadvantages of translator's commentaries to the novel and evaluates the level of their efficiency in completing the gaps in the background knowledge of the target readers who need it to fully understand the content of the source text.

Key words: J. Barnes, "The Sense of an Ending", translator's metatext, translator's commentary, footnotes, endnotes, completion of the background knowledge gaps.

Роман британского прозаика Дж. Барнса «Предчувствие конца» («The Sense of an Ending») [1] вышел в свет в 2011 году и был незамедлительно удостоен Букеровской премии, одной из самых престижных наград в англоязычном литературном мире. Повествование ведется от лица главного героя, Тони Уэбстера, который, будучи на пенсии, оглядывается на свою жизнь и пытается переосмыслить прошлое. Триггером к этому служит дневник, который герой неожиданно получает в наследство от матери своей школьной подруги Вероники спустя много лет после описываемых в нем событий. Дневник принадлежал Адриану, одному из друзей Уэбстера по школе, который покончил с собой при невыясненных обстоятельствах в возрасте девятнадцати лет. Содержание дневника заставляет главного героя усомниться в точности собственных воспоминаний и побуждает его разобраться в истинных причинах произошедшего.

Вместе с категориями времени и памяти произведение затрагивает вопросы жизни и смерти, любви и ревности, вины и личной ответственности за совершенные героями поступки. Роман написан в лучших традициях постмодернизма [2]: Дж. Барнс не только по-новому развивает хорошо известные темы и сюжеты, но и мастерски обыгрывает разные литературные формы и стили, что в том числе находит отражение в разнообразии применяемых автором языковых средств. Кроме того, «Предчувствие конца» - произведение, характеризующееся высокой степенью интертекстуальности: роман изобилует цитатами и аллюзиями на прецедентные художественные произведения, исторические события, явления и личности.

Все вышесказанное, несомненно, усложняет работу переводчика, перед которым стоит цель перевести роман на другой язык. Помимо вопросов выработки общей переводческой стратегии, а также выбора способов и приемов перевода при работе с конкретным языковым материалом, переводчик сталкивается с проблемой потенциальной лакунарности фоновых знаний у получателей конечного продукта его деятельности. Заметим, что целевая аудитория романа как в исходной, так и в любой другой культуре, на чей язык осуществляется его перевод, включает читателей с широким кругозором в самых разнообразных областях, начиная с классической философии и заканчивая популярной музыкой. Тем не менее, не все элементы авторского текста апеллируют к универсальным категориям, общеизвестным фактам и персоналиям, многие из них культурно специфичны и препятствуют полноценному пониманию текста в силу отсутствия у получателей перевода культурного кода, необходимого для их дешифровки.

За решение столь непростой задачи взялась Е.С. Петрова, выполнившая перевод романа на русский язык [3]. Обратимся к переводческим метатекстам, которые сопровождают текст перевода, выполняют пояснительную функцию и образуют дополнительное метакоммуникативное поле, позволяющее восполнить лакуны в фоновых знаниях русскоязычных читателей. Оно представлено двумя видами переводческих примечаний: подстрочными и затекстовыми.

Общее количество подстрочных примечаний составляет две единицы. Они имеют абстрактно-энциклопедический характер [4], относятся к лингвистическому типу [5] и включают перевод немецких заимствований, присутствующих в тексте романа: «*Weltanschauung* - мировоззрение (нем.)», «*Sturm und Drang* - буря и натиск (нем.)» [3; с. 27].

Как известно, термин «мировоззрение» был введен в научный оборот И. Кантом [6]. Помимо И. Канта, первоначальной разработкой мировоззренческих концепций также занимались немецкие философы Г. Гегель [7] и Ф. Шеллинг [8]. «Буря и натиск» - период в истории немецкой литературы XVIII в., чье название восходит к пьесе немецкого драматурга

Ф.М. Клингера [9]. Дж. Барнс использует иноязычные слова для того, чтобы дополнительно подчеркнуть просвещенность героев и в то же время их ироничное отношение к себе: «*Yes, of course we were pretentious – what else is youth for? We used terms like “Weltanschauung” and “Sturm und Drang”, enjoyed saying “That’s philosophically self-evident”, and assured one another that the imagination’s first duty was to be transgressive»* [1; с. 10]. Примечательно, что в оригинале заимствования никак не поясняются.

Е.С. Петрова, очевидно, стремилась сохранить исходный авторский замысел, поэтому она оставляет иноязычные включения в тексте перевода: «*Да, конечно, мы выделялись – а как же без этого в юности? Сыпали такими терминами как «Weltanschauung»¹ и «Sturm und Drang»², без конца повторяли «с философской точки зрения это самоочевидно» и убеждали друг друга что воображение в первую очередь должно быть трансгрессивным»* [3; с. 27]. Такое переводческое решение и послужило причиной создания примечаний.

Как видим, информация, содержащаяся в анализируемых примечаниях, требуется русскоязычной читательской аудитории непосредственно в процессе чтения, именно этим обусловлен выбор данной формы комментирования. Примечания характеризуются небольшим объемом и расположены внизу страницы под авторским текстом, что позволяет читателям сразу получить необходимую информацию в удобном формате и быстро вернуться к основному тексту.

В сравнении с подстрочными примечаниями, затекстовые примечания к роману образуют более объемную группу и представлены в количестве 31 единицы. Таким образом, в общей сложности произведение сопровождают 33 переводческих комментария. Затекстовые примечания носят историко-культурологический характер [5]. Так же как и подстрочные примечания, они содержат абстрактно-энциклопедические сведения относительно комментируемых элементов исходного текста (ИТ), но в гораздо большей степени ориентированы на контекст [4]. Отметим, что некоторые примечания сочетают в себе пояснение сразу нескольких объектов - переводчица прокомментировала 34 элемента авторского текста, среди которых встречаются онимы, цитаты, аллюзии и реалии (см. рис. 1).

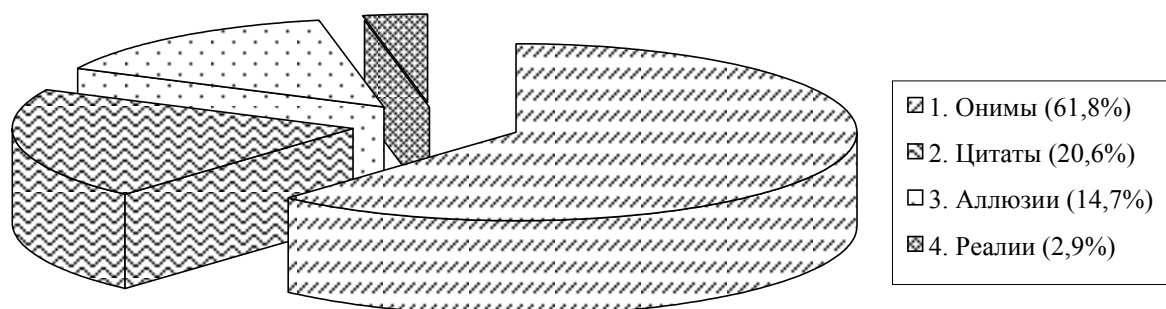

Рис. 1. Типы поясняемых элементов в процентном соотношении

Рассмотрим затекстовые примечания к роману на основании типа комментируемого объекта более подробно.

1. Примечания, поясняющие онимы из ИТ

В общей сложности в примечаниях встречается 21 оним, что составляет 61,8% от совокупного количества прокомментированных элементов авторского текста. В их число входят 16 антропонимов (47,1%), три названия песен (8,8%), одно название литературного произведения (2,9%) и одно название организации (2,9%) (см. рис. 2).

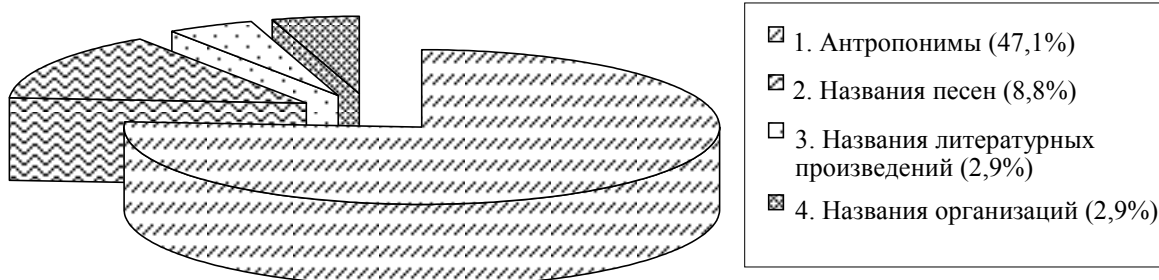

Рис. 2. Виды поясняемых онимов в процентном соотношении

К примеру, в следующем примечании Е.С. Петрова комментирует не только имя собственное, которое упоминает на уроке английского языка и литературы Фил Диксон, школьный учитель героев романа, но и аллюзию на творчество поэта, что позволяет русскоязычным читателям в полной мере оценить заложенную в тексте иронию: «А когда мы обсуждали поэзию Теда Хьюза, он... процедил: «Всем любопытно знать, что он будет делать, когда исчерпает запас животных». – Тед Хьюз (Эдвард Джеймс Хьюз, 1930-1998) – английский поэт и детский писатель. С 1984 г. до конца жизни – Британский поэт-лауреат (т.е. придворный поэт, утвержденный монархом и традиционно призванный откликаться торжественными стихами на важные события в жизни государства и королевской семьи). В стихах Хьюза фигурируют ястреб, ворона, лось, лиса, речная форель и многие другие представители фауны» [3; с. 275].

Примечание, поясняющее песню, которую вспоминает Тони Уэбстер, содержит как ее переводное, так и оригинальное название, что облегчит читателю поиск этой композиции, если возникнет такая необходимость: «Ты у меня под кожей» («I've Got You under My Skin») – песня Кола Портера, написанная в 1936 г. и ставшая хитом в исполнении Фрэнка Синатры в 1946 г.» [3; с. 281]. Если рассматривать данное примечание в контексте романа, становится понятно, почему переводчица приняла решение перевести название песни на русский язык – таким образом ей удалось сохранить игру слов, присутствующую в оригинале. Бывшая жена главного героя рассказывает о французском способе приготовления цыпленка, при котором под куриной кожей помещают черные трюфели. Этот рассказ и заставил героя вспомнить песню К. Портера: «I wanted to get under her skin... “I've Got You Under My Skin” – that's a love song, isn't it?» [1; с. 103-104] – «Мне хотелось влезть ей под кожу... «Ты у меня под кожей» – это же любовная песня, да?» [3; с. 202].

Названия художественного произведения и издательства встречаются в одном и том же отрывке ИТ, посвященном описанию личной библиотеки Вероники, школьной подруги Тони. Название издательства, в котором, как утверждает автор, вышли произведения Дж. Оруэлла и А. Кестлера, Е.С. Петрова комментирует таким образом: «Книжный клуб левых» – издательство, которое создал в 1935 г. Виктор Голланц в целях публикации дешевых книг, освещающих вопросы социал-демократизма и лейбористского движения» [3; с. 279-280]. Примечание к названию произведения включает следующую информацию: «Я захватил замок» (1948) – первый роман английской писательницы Дороти (также Доди, Доуди) Смит (1896-1990), перу которой принадлежит знаменитая книга «Сто один далматинец» (1956), экранизированная на киностудии Уолта Диснея в 1961 г.» [3; с. 280]. Переводчица поясняет и другие малознакомые получателям перевода онимы из этого отрывка: У.Х. Оден, Ф.Л. Макнис, С. Смит, Т. Ганн, Т. Хьюз, А. Кестлер, А. Рэхем. Имена Т.С. Элиота и Дж. Оруэлла, которых также упоминает Дж. Барнс, не входят в этот список, так как должны быть хорошо известны русскоязычной целевой аудитории. Таким образом, составленные

Е. С. Петровой примечания позволяют читателям перевода восполнить лакунарные фоновые знания и составить полноценное представление о литературных предпочтениях героини.

2. Примечания, поясняющие цитаты из ИТ

Общее количество прокомментированных переводчицей цитат составляет 7 единиц (20,6%). Например, на одном из уроков английского языка и литературы школьный учитель героев произведения предлагает им порассуждать о цитате из стихотворения Т. С. Элиота. Переводческое примечание к этому эпизоду совмещает пояснение как самой цитаты, так и ее автора: *«Рождение, и совокупление, и смерть. И это все, это все, это все», - говорит нам Элиот. – Томас Стернз Элиот (1888-1965) – американец по происхождению, выдающийся британский поэт-модернист, драматург, переводчик, эссеист; лауреат Нобелевской премии по литературе (1948). Цитируется его стихотворение «Суини-агонист» (1926-1927), в переводе А. Сергеева» [3; с. 274-275].*

3. Примечания, поясняющие аллюзии из ИТ

Прокомментированные в примечаниях аллюзии представлены в количестве 5 единиц (14,7%). Приведем пример прямой аллюзии на работу английского историка и теоретика литературы Ф. Кермоуда *«The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction»* [10]: *«Название романа – «Предчувствие конца» (The Sense of an Ending) - Барнс позаимствовал из одноименной книги литературоведа Фрэнка Кермоуда (1919-2010), выпущенной в 1967 г. Книга эта представляет собой собрание лекций, в которых анализируются взаимоотношения прозы (от Платона до Уильяма Берроуза) с вековыми представлениями о кризисе, хаосе и апокалипсисе»* [3; с. 274]. Как видим, исходное название заимствовано Дж. Барнсом частично. Примечательно, что книга, выпущенная более полувека назад, ставшая классическим научным трудом в западном литературоведении и вдохновившая Дж. Барнса на роман с практически одноименным названием, до сих пор не переведена на русский язык.

4. Примечания, поясняющие реалии из ИТ

Переводческие примечания включают пояснение одной реалии, что составляет 2,9% от совокупного количества прокомментированных объектов. Примечание посвящено английской гастрономической реалии «fish and chips» и объясняет форму подачи блюда, которое заказал в пабе главный герой романа: *«Мне подали хек и картофель фри ручной нарезки, причем картофель – в металлической миске, выстланной газетной бумагой. – Дань старой английской традиции: жареную рыбу с картофелем фри (fish and chips), любимое многими британцами недорогое блюдо, обычно подавали навынос в кульках, свернутых из вчерашнего номера дешевой газеты»* [3; с. 282].

В отличие от подстрочных примечаний, затекстовые примечания к произведению содержат более подробную вспомогательную информацию о комментируемых фрагментах авторского текста. Их объем варьируется от одного до нескольких предложений, что позволяет охарактеризовать их как собственно тексты и соотнести с категорией метатекстов [5]. Примечания расположены после основного текста романа, что объясняется двумя основными факторами - размером и степенью обязательности прочтения: с одной стороны, они не отягощают ИТ и не препятствуют его последовательному и непрерывному восприятию, с другой стороны, представленные в них сведения носят справочный характер, и читатель вправе самостоятельно определить, требуется ли ему какая-либо дополнительная информация для полноценного понимания авторского текста. Тем не менее, у анализируемых затекстовых примечаний имеется существенный недостаток – в тексте романа сноски на них отсутствуют, что может затруднить определение их наличия и последующий поиск.

Отдельно оговорим, что выделенные типы переводческих примечаний, а также результаты типологического и статистического анализа прокомментированных в них элементов ИТ, которые послужили основой для предлагаемой классификации примечаний, обусловлены двумя ограничительными факторами. К первому фактору относится уникальность автор-

ского текста, заложенных в нем смыслов и их языковой репрезентации, ко второму - уникальность переводческого подхода к отбору и пояснению материала. Это означает, что количественный и качественный состав переводческих примечаний будет варьироваться каждый раз в зависимости от переводимого текста и выбранной стратегии перевода.

В заключении отметим, что комплексный подход к созданию примечаний к переводу романа Дж. Барнса «Предчувствие конца» позволил Е. С. Петровой добиться их максимальной эффективности в элиминации лакун в фоновых знаниях, необходимых русскоязычным читателям для адекватного восприятия произведения. Переводческие примечания составлены с учетом потребностей целевой аудитории перевода, не содержат заведомо известных или избыточных сведений, контекстуально ориентированы и образуют дополнительное метакоммуникативное поле, которое способствует вхождению романа в принимающую лингвокультуру.

Библиографический список

1. Barnes J. *The Sense of an Ending*. London: Jonathan Cape Random House, 2011. 144 p.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
3. Барнс Дж. Предчувствие конца. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
5. Остапенко Д.И. Переводческий метатекст: типология, структура и функции. М.: Современная экономика и право, 2015. 228 с.
6. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2015. 416 S.
7. Hegel F. *Phänomenologie des Geistes*. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2006. 316 S.
8. Schelling F. *Einleitung Zu Seinem Entwurf Eines Systems Der Naturphilosophie*. Nordstedt: Hansebooks, 2016. 420 S.
9. Klinger F.M. *Sturm und Drang*. Berlin: Hofenberg, 2017. 74 S.
10. Kermode F. *The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.

References

1. Barnes J. *The Sense of an Ending*. London, 2011. 144 p.
2. Pyin I.P. *Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism*. Moscow, 1996. 256 p.
3. Barnes J. *The Sense of an Ending*. Saint-Petersburg, 2018. 288 p.
4. Ter-Minasova S.G. *Language and Intercultural Communication*. Moscow, 2000. 624 p.
5. Ostapenko D.I. *Translator's Metatexts: Typology, Structure, and Functions*. Moscow, 2015. 228 p.
6. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Köln, 2015. 416 S.
7. Hegel F. *Phänomenologie des Geistes*. Berlin, 2006. 316 S.
8. Schelling F. *Einleitung Zu Seinem Entwurf Eines Systems Der Naturphilosophie*. Nordstedt, 2016. 420 S.
9. Klinger F.M. *Sturm und Drang*. Berlin, 2017. 74 S.
10. Kermode F. *The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction*. Oxford, 2000. 224 p.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 316.774

*Пензенский государственный
университет*
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики
Рева Е.К.
e-mail: reva.ek@mail.ru

Penza State University
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Journalism of
Reva E.K.
e-mail: reva.ek@mail.ru

Е.К. Рева

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ САЙТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2025 ГОДА**

В настоящей статье представлены результаты анализа официальных сайтов профильных правительственных организаций, в ведении которых находятся вопросы государственной национальной политики и межэтнических отношений: Комитет Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей и Федеральное агентство по делам национальностей. Рассматривается новостной контент за период с января по июль 2019 года, тексты анализируются на предмет отражения в них деятельности федеральных органов законодательной и исполнительной власти по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Исследование текстов новостной ленты официальных сайтов проводилось в соответствии с содержанием и структурой основного текста Стратегии государственной национальной политики, представленного такими компонентами, как цели, принципы, задачи, направления государственной национальной политики Российской Федерации. В ходе исследования в качестве основного применяется метод сравнения текстовых документов в обработке естественного языка. При анализе корпуса текстов первичными параметрами выступили формулировки текста Стратегии. Компьютерный анализ текста на естественном языке новостных лент сайтов профильных правительственных организаций позволил установить закономерности информационного освещения отдельных направлений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации с разных точек зрения и измерений, оценить потенциальные взаимосвязи. В результате исследования сделаны выводы о том, что большинство материалов сайтов посвящены вопросам сохранения и поддержки языкового многообразия Российской Федерации. Кроме того, обнаружено, что доминирующая цель коррелирует с основными выявленными в текстах принципом, задачей и направлением.

Ключевые слова: государственная национальная политика, Стратегия, медиа.

Е.К. Reva

**OPERATION OF WEBSITES OF RELEVANT GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN
THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE STRATEGY OF THE STATE
NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PERIOD UP TO 2025**

This article presents the results of the analysis of the official websites of the relevant governmental organizations

responsible for State national policy and inter-ethnic relations: the Committee of the State Duma of the Russian Federation on Nationalities and the Federal Agency for Nationalities. News content for the period from January to July 2019 is considered, the texts are analyzed to reflect the activities of federal legislative and executive bodies on the implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. The study of the texts of the news feed of official sites was carried out in accordance with the content and structure of the main text of the Strategy of the State National Policy, represented by such components as goals, principles, tasks, directions of the State national policy of the Russian Federation. In the course of the study, the method of comparing text documents in natural language processing is used as the main one. When analyzing the body of texts, the primary parameters were the wording of the Strategy text. Computer analysis of the text in the natural language of news tapes of websites of relevant government organizations allowed to establish patterns of information coverage of certain directions of the Strategy of State National Policy of the Russian Federation from different points of view and measurements, to assess potential relationships. As a result of the study, it was concluded that most of the materials of the sites are devoted to the preservation and support of the linguistic diversity of the Russian Federation. In addition, the dominant goal has been found to correlate with the basic principle, task, and direction identified in the texts.

Key words: state national policy, Strategy, media.

Действующая с 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1] подвергалась и подвергается осмыслению представителями разных областей научного знания (И.И. Болотина, А.Ю. Исаева [2], М.В. Константинов [3], Т.В. Заметина [4]). Отдельные аспекты изучения документа представляются актуальными для медиаисследователей (А.А. Гладкова [5]). Не раз Стратегия выступала предметом и наших научных статей [6]. Несмотря на диапазон исследовательских вопросов, обнаруживают себя новые векторы анализа информационных процессов, связанных с реализацией главного документа, регулирующего межэтнических отношения в стране. В их числе – выявление особенностей функционирования медиаресурсов профильных правительственных организаций в условиях действия Стратегии. Под медиаресурсами понимается совокупность информационных продуктов конкретной организации, подготовленная производителем для последующего распространения. К основным медиаресурсам правительственных организаций, в ведении которых находятся вопросы государственной национальной политики, относятся официальные сайты и профили в социальных сетях (ВКонтакте, Facebook, Instagram, YouTube).

Актуальность исследования обусловлена следующим: в тексте Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года в перечне задач и направлений присутствует пункт об информационном обеспечении государственной национальной политики Российской Федерации, конкретизирующийся привлечением средств массовой информации к выполнению целей и задач настоящей Стратегии. Действительно, в Планах мероприятий по реализации Стратегии обозначены конкретные СМИ или отдельные медиапроекты, участвующие в освещении вопросов государственной национальной политики. При этом в СМИ практически не представлены сведения о работе правительственных организаций, в ведении которых находятся вопросы национальной политики страны. Отражение деятельности этих организаций аккумулируется на сайтах и официальных аккаунтах в социальных сетях. Научное исследование направлено на изучение информационного сопровождения работы профильных комитетов и ведомств. Анализ новостной ленты на официальных сайтах и публикаций в профилях организаций в социальных сетях позволяет выявить комплекс принимаемых ими действий, значимых в условиях реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

К профильным правительственным организациям относятся Комитет Государственной Думы по делам национальностей, Федеральное агентство по делам национальностей РФ, Комитет Совета Федерации по федеральному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Министерство по делам Северного Кавказа. В поле нашего внимания также находится официальный сайт Совета по межнациональным отношениям при

Президенте Российской Федерации как совещательного и консультативного органа при главе государства. Объект исследования обуславливает обращение к вопросам функционирования интернет-медиа как «совокупности информационных ресурсов ... служащих для передачи сообщений и взаимодействия пользователей в сети» [7, с. 238] и аспектам сферы политической коммуникации как «специфического вида политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени» [8, с. 124]. В контексте нашей темы исследования имеет значение утверждение О.Н. Морозовой, которая отмечает, что «политический Интернет представляет собой мощное интерактивное средство связи с общественностью, которое позволяет осуществлять регулярный диалог политических деятелей с частью общества, имеющей доступ к Сети» [9, с. 157].

Цель исследования – создать систему качественно-количественных показателей эффективности работы сайтов профильных правительственных организаций в соответствии с целями и задачами Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года с учетом прописанных в документе принципов и на основании индикаторов основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации.

Задачи исследования:

1. Определить частоту обновлений контента официальных сайтов и аккаунтов профильных правительственных организаций в социальных сетях.

2. Установить проблемно-тематические рамки публикаций новостной ленты официальных сайтов и аккаунтов в социальных сетях в соответствии с целями, задачами, принципами и направлениями стратегии ГНП.

4. Провести качественно-количественный анализ новостных лент в соответствии с целями, принципами, задачами, направлениями государственной национальной политики РФ.

В связи с тем, что в 6 декабря 2018 года была утверждена новая редакция Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [10], в хронологический отрезок исследования входят материалы, размещенные на медиаресурсах правительственных организациях с января 2019 года, что позволяет сформулировать объективные выводы о функционировании сайтов и профилей правительственных организаций в социальных сетях в условиях реализации Стратегии. Под функционированием понимается частота обновления контента, проблемно-тематическое своеобразие опубликованных материалов, качественное и количественное наполнение новостных лент в соответствии с целями, принципами, задачами, направлениями государственной национальной политики. Используя концепцию лингвиста А. И. Новикова, что «если содержание – это проекция текста на сознание, то смысл – это как бы обратная проекция сознания на текст» [11, с. 177], в своем исследовании мы использовали метод корреляционного анализа, то есть в качестве первичных параметров использовались формулировки, заложенные в цели, принципы, задачи и направления Стратегии. В тексте Стратегии обозначено шесть целей, одиннадцать принципов, задач и направлений. При этом каждое направление конкретизируется индикаторами, количество которых варьируется от трех до двенадцати пунктов.

В настоящей статье представлены промежуточные результаты первого этапа исследования, посвященного анализу новостных лент официальных сайтов Комитета Государственной Думы по делам национальностей и Федерального агентства по делам национальностей за период с января по июль 2019 года. За указанный период на сайте Комитета было опубликовано 66 материалов (в выборку попали 29 текстов), на сайте ФАДН – 78 материалов, 39 из них подлежали анализу. Не рассматривались анонсы, тексты поздравлений, материалы, содержание которых не верифицировалось со Стратегией.

В результате проведенного анализа было выявлено, что большинство обнаруженных в текстах целей репрезентируют деятельность Комитета и ФАДН, направленную на «сохране-

ние и поддержку этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества» [10]. Доминирующий принцип – «государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества» [10]. Публикации сайта отражают деятельность Комитета Государственной Думы по делам национальностей и Федерального агентства по делам национальностей, преимущественно направленную на решение задач по «сохранению и поддержке русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов России» [10]. Результат анализа материалов сайта показывает, что доминирующим направлением работы Комитета и ФАДН является деятельность «в сфере обеспечения условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, а также языков народов Российской Федерации» [10] (таблица).

Цели	Сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества [10]	Комитет	ФАДН
		67,5%	33%
Принципы	Государственная поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации, их творческого потенциала, являющегося важнейшим стратегическим ресурсом российского общества [10]	47,5%	39%
Задачи	Сохранение и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов России [10]	42%	23%
Направления	в сфере обеспечения условий для сохранения и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, а также языков народов Российской Федерации [10]	30,4%	22,5%

В результате анализа собранного корпуса текстов в соотнесении с доминирующими целью, принципом, задачей и направлением определено, что в материалах новостных лент сайтов Комитета и ФАДН преобладают вопросы, связанные с сохранением и поддержкой языкового многообразия Российской Федерации. Так, в числе наиболее часто встречающихся лексем – слова «язык», «языковой» (рис. 1 - 2).

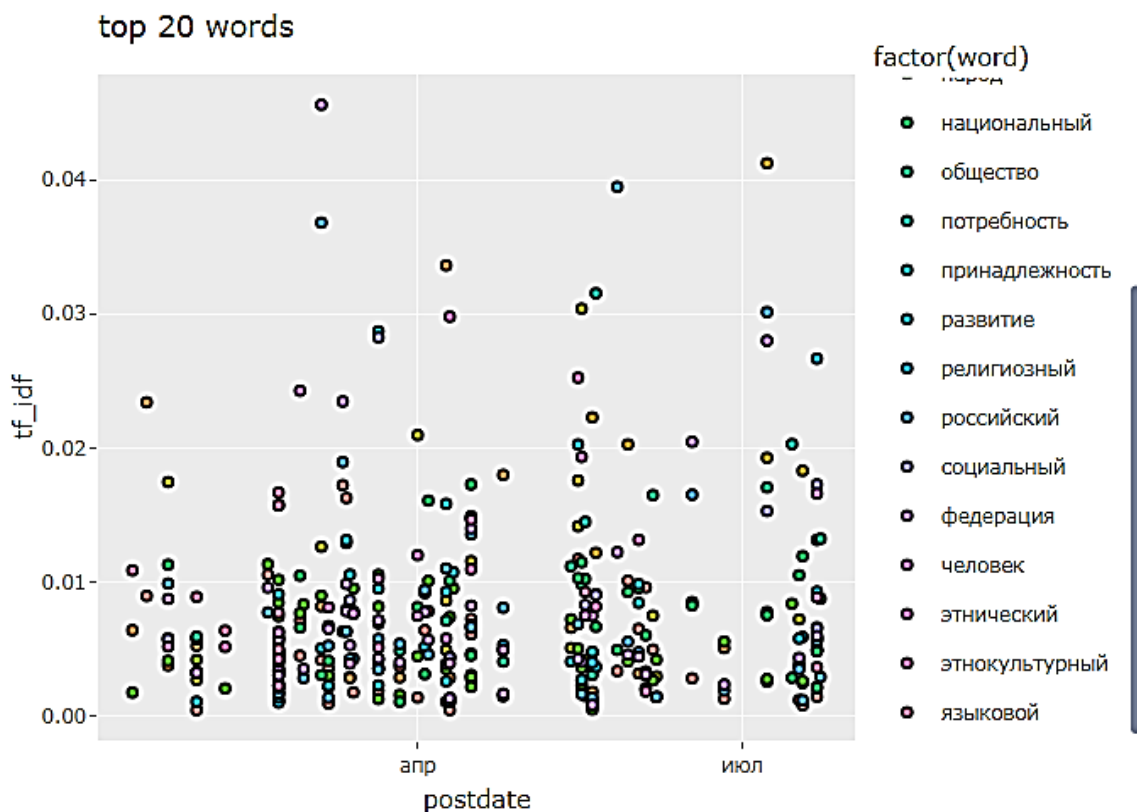

Рис. 1. Комитет ГД по делам национальностей

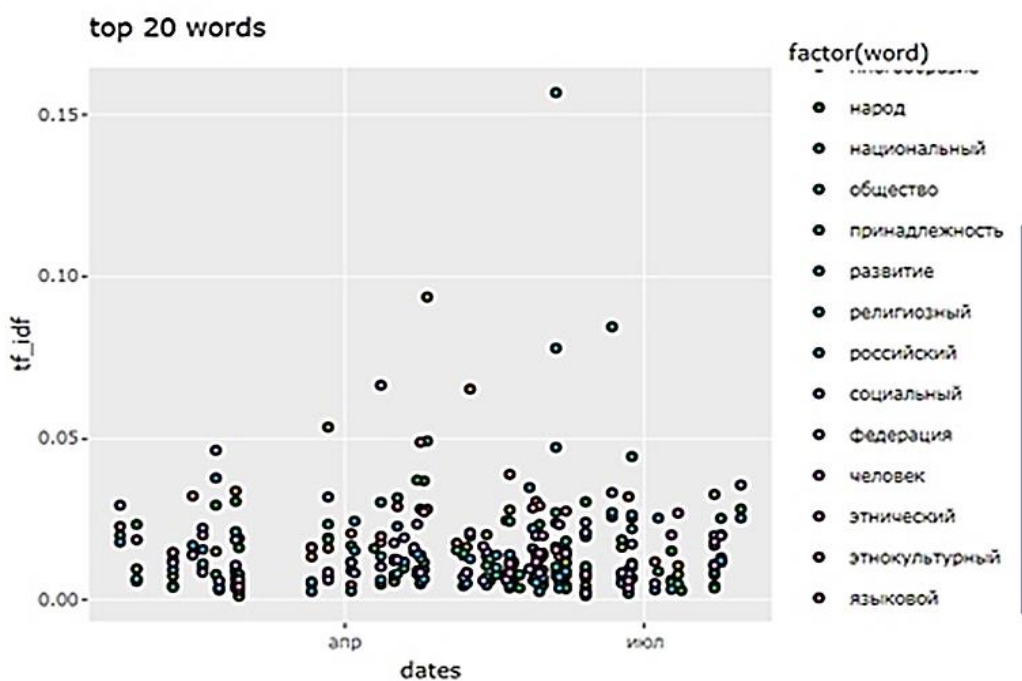

Рис. 2. Федеральное агентство по делам национальностей

Активность их использования приходится на январь-февраль (рис. 3 - 4).

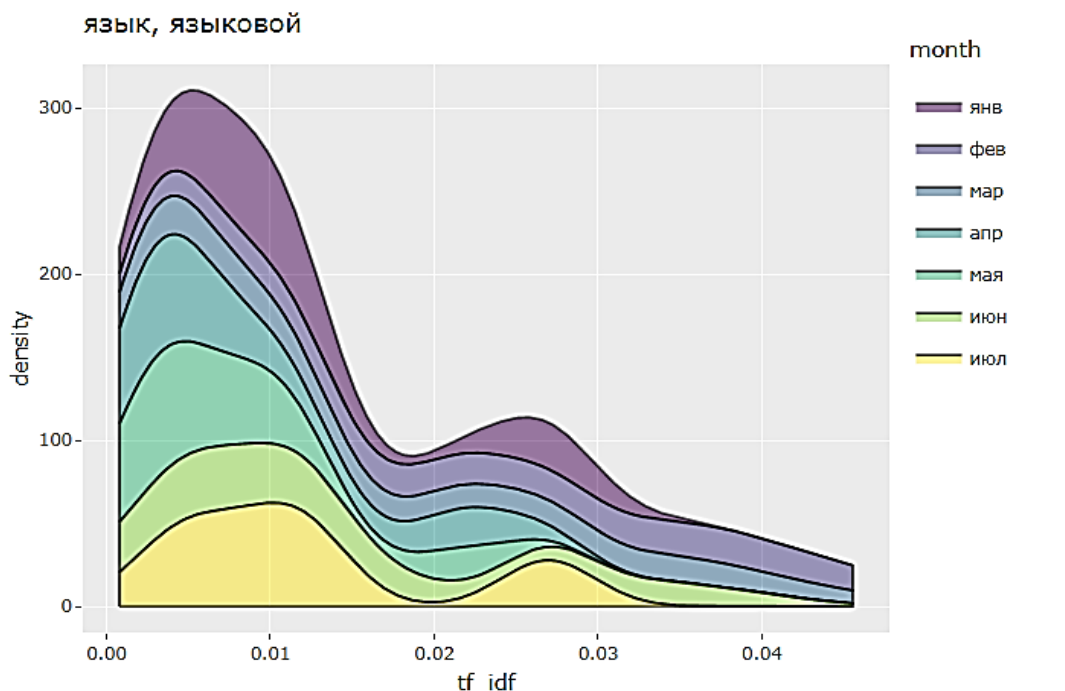

Рис. 3. Комитет по делам национальностей

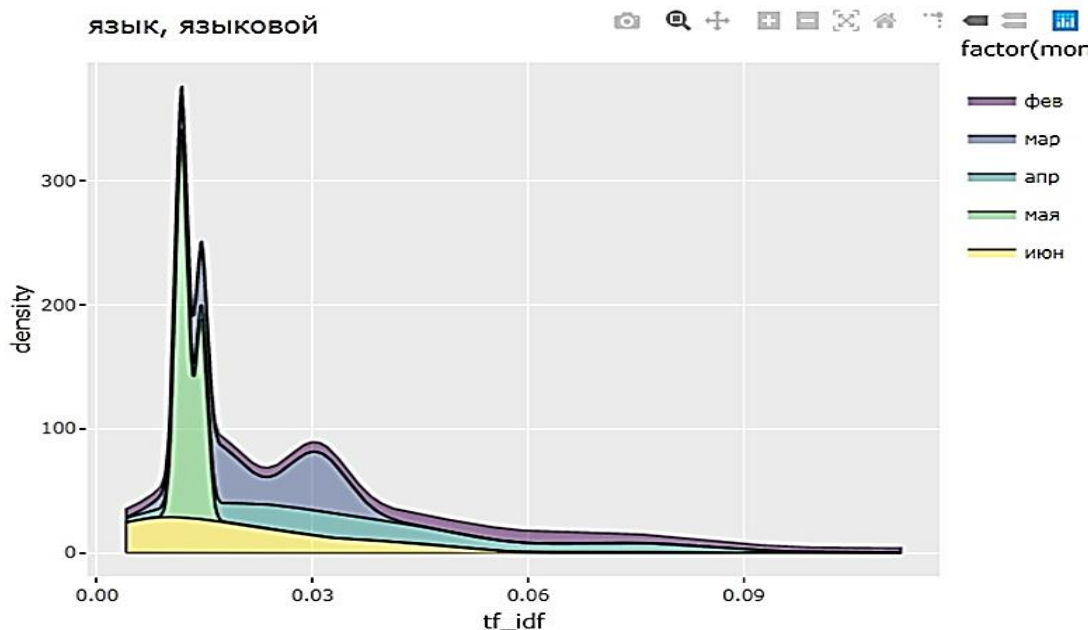

Рис. 4. Федеральное агентство по делам национальностей

Вероятно, это объясняется тем, что в начале года прошли первые мероприятия в рамках объявленного Организацией Объединенных Наций Международного Года языков коренных народов («В штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялось официальное открытие Международного года языков коренных народов, провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН» (28.01.2019), «В ФАДН России состоялось заседание Организационного комитета по подготовке и проведению в 2019 году в Российской Федерации Международного года языков коренных народов» (08.02.2019) [12]; «Ильдар Гильмутдинов: Международный день

родного языка значим для многонациональной России» (21.02.2019), «Ильдар Гильмутдинов: необходимо разработать концепцию преподавания родных языков» (21.02.2019) [13]).

В результате анализа новостных лент сайтов Комитета и ФАДН выявлено, что в число наиболее часто обсуждаемых и решаемых (в соответствии со Стратегией) входят вопросы, связанные с обеспечением прав и свобод человека и гражданина независимо от его национальной, конфессиональной, языковой принадлежности, содействие этнокультурному и духовному развитию народов России, проблемы в сфере укрепления общегражданской идентичности, в сфере укрепления единства многонационального народа РФ, сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия страны [10]. По итогам изучения контента сайтов за первое полугодие 2019 года мы пришли к выводу, что деятельность ведомств затрагивает многие аспекты государственной национальной политики Российской Федерации, при этом обнаруживает себя доминирующая линия их работы, касающаяся сохранения и поддержки языкового многообразия России.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 о стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (дата обращения - 07.03.2020).
2. Болотина И.И., Исаева А.Ю. Анализ Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 31–39.
3. Константинов М.В. Этносоциальная ситуация в свете Стратегии государственной национальной политики // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2013. № 1. С. 167–173.
4. Заметина Т.В. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 244–248.
5. Гладкова А.А. СМИ в контексте реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 1. Т. 1. 2019. С. 175–183.
6. Рева Е.К., Арехина Д.В. Роль журналистики в реализации задач Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. № 4. Т.5. С. 629–640.
7. Лобеденко Л.К., Шестерина Л.П. Социальные медиа как новое пространство развития коммуникаций // Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практики: монография / под ред Л.П. Шестериной. Челябинск: Изд.центр ЮУрГУ, 2017. С. 13–27.
8. Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. № 2. 2012. С. 121–130.
9. Морозова О.Н. Политическая интернет-коммуникация: ее роль, функции и формы // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 156–161.
10. Указ «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». Электронные ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/news/59348> (дата обращения - 07.03.2020).
11. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 155–180.
12. Федеральное агентство по делам национальностей. Электронный ресурс: <http://fadn.gov.ru> (дата обращения - 07.03.2020).

13. Комитет Государственной Думы по делам национальностей: <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta> (дата обращения - 07.03.2020).

References

1. The decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 about the strategy of the state national policy of the Russian Federation until 2025. Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1>
2. Bolotina I.I., Isayeva A.Y. Analysis of the Strategy of State National Policy of Russia till 2025//News of the TulState University. Humanities. 2016. № 1. S. 31-39.
3. Konstantinov M.V. Ethnic social situation in the light of the Strategy of State National Policy // News of the Irkutsk State University. Series History. 2013. No. 1. C. 167-173.
4. T.V. State National Policy Strategy of the Russian Federation//Journal of the Saratov State Law Academy. 2013. № 4 (93). Pp. 244-248.
5. Gladkova A.A. mass media in the context of the implementation of the state national policy of the Russian Federation//The Journal of the Volga University named after V.N. Tatischev. № 1. Vol. 1. 2019. P.175-183.
6. Reva E.K., Arekhina D.V. The role of journalism in the implementation of the tasks of the Strategy of State National Policy for the period up to 2025//Issues of theory and practice of journalism. 2016. № 4. T.5. P.629-640.
7. Lobedenko L.K., Shestina L.P. Social Media as a New Space for Communication Development//Social Media as a Resource of Integrated Communicative Practices: Monograph/under the Red L.P. Shesterina. - Chelyabinsk: Published Center of YuurSU, 2017. P. 13-27.
8. Sharkov F.I. Political Communication in the Modern Information Society//PolitBook. - № 2. 2012. Pp. 121-130.
9. Morozova O.N. Political Internet communication: its role, functions and forms//Political linguistics. 2011. № 1 (35). P.156-161.
10. Decree «On Amendments to the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of 19 December 2012» Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/acts/news/59348>
11. Novikov A.I. Dominance and transposition in the process of understanding the text//Problems of applied linguistics. M.: In-t of linguistics of RAS, 2002. Pp. 155-180.
12. Federal Agency for Nationalities. Electronic resource: <http://fadn.gov.ru>
13. State Duma Committee on Nationalities: <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta>

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811А

*Московский областной филиал РАНХиГС
преподаватель кафедры «Английский язык»
Алексеев А.Б.
Россия, г. Красногорск,
тел. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Moscow regional branch of Russian Academy of
Economy and Public Administration
The chair «English Language»
Lecturer Alexeyev A.B.
Russia, Kransnogorsk,
tel. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

ПОЛИТЕЙНМЕНТ: ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ГИБРИДНЫЙ ДИСКУРС

В статье рассматривается вид политического дискурса – политейнмента, по своим характеристикам превращающегося в коммуникативное явление, имеющее много общего с масс-медийным и бытовым общением. В этом свете политейнмент трактуется как гибридный тип дискурса, все более отдаляющийся от собственно политической тематики, актуализирующий формы языкового самовыражения и самоидентификации, традиционно несвойственные политикам. Конструирование политейнмента как сильного, доминантного дискурса современности совпадает с рядом политических, экономических, коммуникативных тенденций. В частности, диагностируется все более четко выраженное неприятие политики в обществе, продолжающееся становление общества потребления, отвержение моральных императивов. Политическая коммуникация не может не реагировать на эти социальные трансформации, не только отражая, но и своеобразно опосредуя их. Установлено, что в политейнменте политики манипулируют аудиторией, оскорбляют, обвиняют своих противников, навешивают на них диффамирующие ярлыки, могут делать грубые намеки, в том числе сексуального характера.

Ключевые слова: политейнмент, гибридный дискурс, языковая игра, оскорбления, манипуляция, колкость.

A.B. Alexeyev

POLITAINMENT AS A PRAGMATICALLY BASED HYBRID DISCOURSE

The article analyzes a type of a political discourse called politainment which is often transformed into a communicative phenomenon which has a lot in common with mass-media and everyday discourses. In this sense, politainment is understood as a hybrid type of discourse that is distancing itself from political themes and is bringing about the untraditional forms of politicians' self-identification and language expression. The construction of politainment as a strong, dominant contemporary discourse corresponds with a number of political, economic and communicative trends. Thus, the social aversion towards politics, the formation of the society of mass consumption, the rejection of moral imperatives are diagnosed. The political communication cannot but react towards these developments – in fact, it does not only reflect but also recreates them. It is found out that in politainment politicians manipulate the audience, insult and accuse their opponents, call names. They can make rude hints, including the ones involving sexual content.

Key words: politainment, hybrid discourse, language game, insults, manipulation, taunt.

Термин «гибридный дискурс» может быть понят как особое коммуникативное пространство, интегрирующее элементы разных дискурсивных сред. Дискурсивная гибридность носит обязательный или прагматически обусловленный характер [1, с. 35].

Политейнмент – слово, происходящее от двух английских лексем – *politics* и *entertainment* – и обозначающее политику, ориентированную на развлекательную функцию. Это упрощенная, примитивизированная политика, где собственно политический контент редуцирован, но степень его редуцированности может варьироваться. А. Дернер различает понятия «развлекательная политика» и «политическое развлечение»: первое – относится к дискурсу, где политическая составляющая играет более важную роль, чем развлекающая, второе – символизирует дискурсивное пространство, контролируемое преимущественно гедонистическими мотивами [2, с. 31]. Другие ученые, определяя политейнмент, не выдвигают в качестве обязательного требования превалирование развлекающего компонента над политическим – важно лишь наличие их обоих и своеобразное совмещение в пределах дискурса [3, с. 461].

Становление политейнмента в качестве одного из сильных, доминантных типов дискурса современной эпохи опосредуется рядом экономических, политических, лингвистических и морально-нравственных факторов.

Общество потребления, описанное в работах Г. Маркузе, проявляет себя во всех областях человеческой жизни. Создается специфическая культура, связанная исключительно с материалистическими ценностно-нормативными устремлениями, подавлением любого проявления духовности.

Политейнмент немислим вне товарно-денежных отношений: с одной стороны, он продуцируется влиятельными людьми и социальными институтами, в первую очередь СМИ, а с другой – потребляется (отнюдь не бесплатно!) рядовыми гражданами. Если даже формально последние не платят за политическое развлечение, то они проводят немало свободного времени перед экранами телевизоров или в социальных сетях, позволяют манипулировать своим сознанием, формируют те политические убеждения, которые выгодны правящим элитам.

Апатия людей к политике и всему политическому была диагностирована Ж. Бодрийяром [4, с. 2]. Сейчас может создаваться иллюзия, что крайняя точка (*nadir*) падения интереса граждан к актуальным политическим событиям осталась в прошлом. Изменения, произошедшие и уже зафиксированные словарями в коннотативном поле лексем «политика», «политик» [5, с. 135], заставляют нас усомниться в такой оценке. Сами политики теперь вынуждены (!) говорить о том, что они не политики – только так они могут заручиться доверием избирателей.

CLINTON: *I am not a natural politician*, in case you haven't noticed, like my husband or President Obama. (Если вы вдруг не заметили, я по природе своей не политик, как мой муж или президент Обама).

Заявления «Я не-политик» или «Я нетипичный политик», рассматриваемые нами в связи с явлением коммуникативной маргинализации [6], или даже точнее самомаргинализации, все чаще слышатся из уст политиков.

ЗЕЛЕНСКИЙ: У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но у меня нет опыта работы в политике – и это жирный плюс [смех].

Оратор использует эффект обманутого ожидания и эпифорический повтор (...и это плюс ...и это жирный плюс). Употребляя противительный союз «но», политик как бы хочет назвать свою слабость – на самом же деле, он апеллирует к глубоко укорененному в обществе стереотипу, что все политики – нечестные.

ЗЕЛЕНСКИЙ: ... можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический. Пока никто не пробовал [аплодисменты]. Есть другой вопрос: можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали, ни у кого не получилось [смех].

Обращаясь к вопросно-ответной форме подачи информации, применяя параллельные конструкции, повторы (...никто не пробовал ...Все пробовали...; ...можно ли ... можно ли...),

манипуляцию, выраженную генерализацией («все», «никто»), политик добивается необходимого лингвопрагматического воздействия на адресата.

В высказываниях В. Зеленского наличествуют элементы политейнмента: смех аудитории является экстралингвистическим индикатором этого. Лингвистически же политейнмент конструируется с помощью языковой игры, трактуемой Д. Кристалом как использование языка «с целью развеселить себя или других» [7, с. 328].

У термина «языковая игра» есть и более широкое лингвофилософское осмысление, восходящее к трудам Л. Витгенштейна, который трактовал языковую игру как «форму жизни», «организованный между собой массив текстов и правил их употребления» [цит. по: 8, с. 4]. О.С. Подольская, принимая за основу это определение австрийского мыслителя, ведет речь о двух возможных вариантах языковой игры: первый – имеет отношение к коммуникации, протекающей по строго заданным правилам, где изменение какого-либо пласта значения крайне затруднительно; второй вариант языковой игры предполагает выработку новых смыслов, по существу, новых правил игры. Право называть составляет основу символической власти, за которую борются субъекты дискурса [Там же].

Языковая игра в узком, чисто лингвистическом понимании данного явления должна интерпретироваться положительно: она указывает на лингвокреативность языковой личности, ее адаптируемость к специфической дискурсивной реальности. Однако лингвофилософский подход к феномену языковой игры, осознание последней в качестве основного фактора социальных трансформаций высвечивает всю сложность рассматриваемой проблемы. Как пишет Х. Схроуф, «[политики] захватывают понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...» [9, с. 26].

Парадоксальным образом в современном политическом дискурсе одним из важнейших концептов, вокруг которого ведется основная борьба, является именно «политика». Если это слово, а значит, и концепт, передаваемый им, маркируется знаком «минус», то политики вынуждены искать новые формы самоидентификации и самовыражения. Отвержение норм политкорректности, превращение политического дискурса в политейнмент, самомаргинализация политических деятелей – это те политико-коммуникативные тренды современности, которые, по сути, взаимосвязаны друг с другом, поскольку проистекают из одного источника – неприятия и отвержения всего политического. При этом сами они, разумеется, не только не уничтожают негативные проявления политического дискурса (например, его высокую манипулятивность, неискренность, мифологичность, оторванность от реальности и др.), но и есть основания думать, что усиливают их.

Стереотипы «все политики воруют», «все политики ничего не делают» нельзя считать продуктивными и содействующими социальному прогрессу, но, к сожалению, они определяют поведение и агентов, и клиентов политического дискурса, причем грань между ними формально стирается – политики начинают говорить, как их избиратель, самоидентифицироваться, как он, и т.д.; однако на самом деле водораздел между политиками и рядовыми гражданами по-прежнему остается. Наивно полагать, что в политейнменте фактор социальной дистанции будет нивелирован, поскольку главная роль, которую исполняет политик в политейнменте, это роль «звезды», знаменитости [10, с. 349], гламурной персоны [11, с. 228].

Политейнмент локализован на пересечении политической и масс-медийной коммуникативных сред. Он является гибридным типом дискурса не только потому, что обслуживается институтом СМИ [2, с. 62] – в современном мире вся политика освещается, интерпретируется, конструируется СМИ. Но, помимо этого, политейнмент может быть осмыслен как гибридный дискурсивный феномен на основании изучения его тематического наполнения, средств выражения языковой личности, действующей в его пространстве, ее когнитивно-прагматических установок, ролевых номинаций и сравнения полученного лингвистического материала с традиционной теорией политического дискурса, в которой одним из требований,

выдвигаемых к коммуникативному поведению политика, было строгое следование нормам политкорректности [12, с. 62].

Отвержение политкорректности, «навешивание» диффамирующих ярлыков, оскорбления противника, прагматически осознанный выбор лексических единиц сниженного регистра – все это способы превращения политического дискурса в политейнмент. В политейнменте политики соревнуются «в брани, в грубости и лукавстве...» [13, с. 370], что объясняется следующим: невежливость может выполнять развлекающую, людическую функцию [14, с. 219].

Таким образом, политейнмент «гибридизируется» не только с масс-медийным дискурсом, но и имеет, по нашему мнению, некоторые общие черты с бытовой коммуникацией. Непринужденное ведение разговора, намеренная прямота высказываний (*francparler ... sansfiches*) [15], отвержение и попрание норм институционального взаимодействия, в том числе и языковых норм – вот те точки пересечения между политической, масс-медийной и бытовой сферами общения, которые имеют принципиальную значимость для осмысления политейнмента как гибридного, прагматически обусловленного дискурса.

Политейнмент пока еще не стал явлением обязательного порядка. Тот факт, что политики все чаще интегрируют элементы развлекательности в свой дискурс, часто совсем неуместные в нем, нельзя объяснить иначе, как их эффективность в воздействии на избирателей. Предлагаем рассмотреть особенности политейнмента на примере американского политического дискурса 2015-2016 гг.

Во-первых, как и традиционный политический дискурс, политейнмент насквозь пронизан манипулятивной тональностью. Тем не менее, мы считаем, что специфические приемы манипулирования сознанием адресата в политейнменте и политическом или масс-медийном дискурсе различны, – манипуляция в тех или иных видах дискурса реализуется по-разному.

Создание «конфликта двух смысловых оболочек» [16, с. 65] – это тот манипулятивный прием, который способен рассмешить адресата, внести необходимые коррективы в его языковую картину мира. Им хорошо владеет Д. Трамп.

TRUMP: We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice. (У нас президент, который не имеет ни малейшего понятия о происходящем. Я бы сказал, что он не компетентен, но не хочу так говорить, потому что это не вежливо).

В реплике кандидата используются два синонимичных выражения *not have a clue, to be incompetent*. В коннотативном плане второе словосочетание – более резкое и прямолинейное, и Д. Трамп как бы отказывается его применять. Такая позиция – не более чем игра, манипуляция: политик произносит дискредитирующую фразу, а металингвистический комментарий к ней (*that's not nice*) в сочетании с употреблением синонима (*not have a clue*) позволяют аудитории лучше запомнить определенный пласт смысла, а именно: «президент не компетентен».

По нашим наблюдениям, в среде республиканцев слово *nice* отнюдь не всегда маркировалось знаком «плюс».

TRUMP: ... Bush, just to put an end to that, because I don't want to mention him: he is a very nice person, very low-energy, but very nice. (...Просто чтобы положить конец этому, потому что я не хочу вспоминать о Буше: он очень приятный человек, очень нерасторопный, но очень приятный).

В тесном соседстве с диффамирующим ярлыком *low-energy* лексема *nice* обретает негативные коннотации, приобретает оттенок значения «слабый».

Комический эффект здесь достигается в результате внутреннего противоречия между словами и действиями кандидата: Д. Трамп якобы не хочет упоминать имя своего противника, но при этом оскорбляет его!

Этимология слова *nice* весьма интересна: как известно, оно заимствовано из древнефранцузского и еще во времена У. Шекспира обозначало 'глупый'. Нами не обнаружено

этимологического обновления данной лексемы, но Д. Трамп настаивает: любезность (*nice-ness*) обращения с другими людьми, доброта – отнюдь не самое главное для политика.

TRUMP: A woman came up to me and she said: 'I am not sure you are nice enough to be president'. I said: 'You know what, this is not an election based on a nice person: it's going to be based on a competent person' (Одна женщина подошла ко мне и сказала: «Я не уверена, что вы достаточно любезны, чтобы быть президентом». Я ответил: «Знаете что, это не те выборы, когда предпочтение отдают любезному кандидату. На этих выборах победит самый компетентный человек»).

Т. Круз также считал, что добродушный (*easy-going*) политик не может стоять во главе США. Отвечая на вопрос «Какая ваша слабость?», кандидат использовал иронию (*I'm too agreeable, easy-going*), вызвав смех аудитории: адресату было известно, что Т. Круз не ладил со многими однопартийцами и не был добродушным.

CRUZ: I'm too agreeable, easy going. (LAUGHTER) You know, I think my biggest weakness is exactly the opposite. I'm a fighter. I am passionate about what I believe. I've been passionate my whole life about the Constitution. (Я слишком уступчивый, добродушный (СМЕХ). Вы знаете, я думаю, что моя самая большая слабость – прямая противоположность. Я страстно верю в свои идеалы. Все жизнь я страстно верил в Конституцию).

Резкое неприятие политкорректности характерно для политеймента.

CRUZ: Political correctness is killing people. (Политкорректность убивает людей).

TRUMP: She says she is a native American. I won't use the word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian'. (Она говорит, что она коренная американка. Я не буду использовать слово «индианка», потому что говорят, будто это нехорошее слово. Итак, я не буду говорить «индианка»).

На словах Д. Трамп клянется, что не будет говорить *Indian*, – но тем самым он произносит это слово дважды. Политик издевается над нормами политкорректности.

В политейменте неполиткорректность может сочетаться с оскорблениями.

TRUMP: Jeb Bush ... who was a very low-key person, very low-key person, I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy. (Джеб Буш, очень неэнергичный, очень неэнергичный человек – и я хочу сказать «неэнергичный», потому что это вежливее, чем сказать «нерасторопный»).

В реплике сопоставляются два диффамирующих ярлыка *low-key* и *low-energy*. Кандидат «не хочет» говорить *low-energy*, потому что это «нехорошо», словно не замечая, что с помощью таких металингвистических рассуждений он как раз вводит в свой дискурс нежелательные фразы.

Если Джеб Буш был наделен ярлыком *low-energy* («нерасторопный»), то Т. Круз получил прозвище *lyin Ted* («лгун», «лгунишка»), а М. Рубио – *little Marco* («мелкий»). О Х. Клинтон Д. Трамп говорил не иначе как *crooked Hillary* («скользящая»).

Употребление таких уничижительных имен уже само по себе недопустимо в рамках институционального общения; несмотря на это, диффамирующие ярлыки применялись Д. Трампом даже во время дебатов, транслировавшихся по национальному телевидению.

TRUMP: This *little guy* has lied so much about my record. (Этот «мелкий» так много наврал о том, что я сделал).

Или: TRUMP: Don't worry about that, *little Marco*. (Не беспокойся, «мелкий» Марко).

Во время третьих президентских дебатов номинант Республиканской Партии обозвал Х. Клинтон «противной женщиной» (*nasty woman*).

Впрочем, демократы платили Д. Трампу той же монетой. Так, проводились языковые манипуляции с именем *Trump*: оно могло употребляться во множественном числе или с артиклем, превращаться в нарицательное существительное со значением «богач».

SANDERS: And where we are right now is we have got to stand up to *the trumps of the world* who are trying to divide us up. (И сейчас мы должны бороться против всех этих богачей, Трампов, которые пытаются нас разъединить).

Используя языковую игру, Х. Клинтон создала выражение *trumped-up trickle-down*: фразовый глагол *trump up*, помимо негативного лексического значения («сфабриковать»), напоминает об имени Д. Трампа.

I call it trumped-up trickle-down, because that's exactly what it would be. That is not how we grow the economy. (Я называю, это сфабрикованной уловкой Трампа, потому что это и есть сфабрикованная им уловка. Так мы экономику не улучшим).

Результатом частого использования оскорблений и диффамирующих ярлыков было то, что политика превращалась в состязание, которое Д. Трамп уподоблял боксу.

I have to say our system was rigged too except for one thing: if you win by massive landslides every week, it's no longer. It's like the boxers. (Я должен сказать, что наша система тоже была мошеннической. Но одно исключение: если ты побеждаешь каждую неделю с огромным отрывом, ты преодолеваешь ее. Это как в боксе).

Политеймент манифестируется в различных речевых жанрах (РЖ). РЖ «колкость» – один из них. По своей прагматической функции колкость близка насмешке.

BUSH: I am sick and tired of him going after my family. While Donald Trump was building a reality TV show, my brother was building a security apparatus to keep us safe. ... He had the gall to go after my mother. My mom is the strongest person I know. (Я устал от того, что Д. Трамп обзывает мою семью. Пока Д. Трамп создавал реалити-шоу, мой брат создавал аппарат безопасности, чтобы защитить нас. ... У него хватило наглости оскорблять мою мать. Моя мать – это самый сильный человек из тех, кого я знаю).

TRUMP: *She should be running*. (Ей надо баллотироваться в президенты).

Джеб Буш выражает свое негодование по поводу того, что Д. Трамп оскорбляет членов его семьи. По словам кандидата, Б. Буш – его мать, бывшая первая леди США – сильная, волевая личность. «Она должна баллотироваться в президенты», – отвечает Д. Трамп.

Другой пример колкости:

PAUL: ... there's a sophomoric quality that's entertaining about Mr. Trump but I am worried, I am very concerned about having him in charge of the nuclear weapon because I think his response, his visceral response to attack people on their appearance – short, tall, fat, ugly – my goodness, that happened in Juniory! (... В поведении Д. Трампа есть что-то молодежное, что веселит людей, но я очень обеспокоен тем, что ему будут доверены ядерные коды, потому что я думаю, что его привычка жестко отвечать и нападать на людей, которые не так выглядят – низкие, высокие, толстые, некрасивые – Боже мой, так ведут себя в начальной школе!..)

TRUMP: I never attacked him on his look and believe me there's plenty of subject matter right there. (LAUGHTER) That I can tell you. (Я никогда не обсуждал его внешность, а поверьте, это еще тот вопрос. (СМЕХ). Я смею напомнить вам об этом).

Здесь колкость передается через намек на внешний вид сенатора Р. Пола (there's plenty of subject matter right there) и вызывает смех аудитории.

Политеймент может организовываться также через РЖ «обвинение». Причем обвинение в политейменте выдвигается в шутку и одновременно вполне серьезно. Обвинение служит цели дискредитации политического противника, но также веселит аудиторию, заряжает ее определенным – положительным – эмоциональным настроением.

CHRISTIE: ...So let's do something fun tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character. (Chants: 'Lock her up'). (Давайте повеселимся сегодня вечером. Сегодня вечером как бывший прокурор я хочу воспользоваться возможностью привлечь Хилари Родэм Клинтон к ответственности за ее действия и за ее поведение. Крики: «В тюрьму ее, в тюрьму!»).

Ключевой лексемой, индицирующей наличие элементов политейнмента, является лексема *fun* (веселье). Политик играет в своеобразную игру: он – прокурор, аудитория – присяжные, которым следует вынести обвинительный приговор Х. Клинтон.

Аудитория непосредственно включена в продуцирование дискурса: с помощью серии повторяющихся риторических вопросов К. Кристи обращается к адресату, создает иллюзию, что тот тоже участвует в процессе смыслообразования.

So I gonna ask you this – Hillary Clinton as a failure for running Libya and creating a nest for terrorist activity by ISIS, answer me now: is she guilty or not guilty? (Chants: 'Guilty!') (И я спрошу вас: Хилари Клинтон, несущая ответственность за наши поражения в Ливии и распространение терроризма, ответьте мне: она виновна или не виновна? Крики: «Виновна!»)

Или: So we must ask this question: Hillary Clinton as an awful judge of the character of a dictator and butcher in the Middle East, is she guilty or not guilty? (И мы должны задать этот вопрос: Х. Клинтон, ужасно просчитавшаяся в своей оценке характера диктатора и палача на Ближнем Востоке, она виновна или не виновна?)

В политейнменте кандидаты нередко делают разного рода грубые намеки.

TRUMP: You could see there was blood coming out of her eyes, blood coming out of her *whatever*... (Вы могли видеть, что ее глаза были красные, кровь текла из ..., вы знаете откуда...).

Лексема *whatever* обладает семантической размытостью: она может быть интерпретирована как угодно. У многих не без основания сложилось мнение, что слово *whatever* в речи Д. Трампа заменило табуированное выражение.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) политейнмент – это сложное коммуникативное явление, прагматически обусловленный гибридный тип дискурса, расположенный на пересечении политической, масс-медийной и бытовой сфер общения;

2) трансформация традиционного политического дискурса в политейнмент возникает в результате действия триггеров политического, экономического, коммуникативного и т.д. характера. В этом смысле наблюдаемый «крен» в сторону поиска несерьезных форм самовыражения соотносится с общим неприятием политики в обществе, становлением общества массового потребления, отвержением моральных императивов.

3) языковая игра конструирует политейнмент. Понятая в узком, чисто лингвистическом смысле, языковая игра смещит аудиторию, заряжает ее положительными эмоциями. Однако, с точки зрения лингвофилософии, языковая игра позволяет поставить под сомнение дискурсивные нормы, формирующие правила поведения и употребления тех или иных языковых единиц;

4) политейнмент – манипулятивный, невежливый, неполиткорректный тип дискурса. Оскорбления, диффамирующие ярлыки, разного рода неточности часто встречаются в политейнменте. Такие РЖ, как «колкость» и «обвинение», также являются неотъемлемыми компонентами политейнмента.

Библиографический список

1. Гапутина В.А. Гибридность медиадискурса моды (на материале глянцевого журнала) // Казанская наука. 2018. № 2. С. 35–37.
2. Dörner, A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt/Main, Suhrkamp Verlag, 2001. 272 s.
3. Федотова Н.А. Политейнмент как инструмент масс-медиа. Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф. Вып. 17. Мінск: БДУ, 2015. С. 460-462.

4. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York: Columbia University Press, 1983. 129 p.
5. Терехова Е.В. Прагматика современного английского политического дискурса и рекуррентные конструкции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика. 2011. Т. 9. Вып. 2. С. 131-137.
6. Сорокина Э.А., Алексеев А.Б. Профессиональная языковая личность политика-маргинала как объект лингвополитологического изучения // Терминология: становление, развитие, функционирование. Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. С. 369-401.
7. Crystal, D. Language play and linguistic intervention // Child Language Teaching and Therapy. 1996. Vol. 12 (3). P. 328-344.
8. Подольская О.С. Социально-философский анализ феномена языковых игр. Дис. ... канд. философ. н. Хабаровск, 2012. 161 с.
9. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949-1998. Frankfurt am Main: PeterLang, 2006. 349 s.
10. Rountree, C. Venomous speech. Santa Barbara: Praeger, 2013. 459 p.
11. Holly, W. Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch // Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Heft 3. Göttingen: UnipressGmbH, 2011. S. 227-237
12. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 260 с.
13. Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: ИРИСЕН, Мысль, 2011. 546 с.
14. Leech, G. The pragmatics of politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p.
15. Pasquier, V. Election en Ukraine: un humoriste-télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction). URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (дата обращения - 31.01.2020)
16. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.

References

1. Gaputina V.A. Hybridity of the fashion media discourse (on the material of glossy magazines) // Kazan science. 2018. №2. P. 35–37.
2. Dörner, A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main, SuhrkampVerlag, 2001. 272 s.
3. Fedotova N.A. Politainment as an instrument of mass media. Journalism-2015: condition, problems and prospects. Minsk, 2015. P. 460-462.
4. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York: Columbia University Press, 1983. 129 p.
5. Terehova E.V. Pragmatics of Modern English political discourse and recurrent constructions // The Bulletin of NSU. Linguistics series. 2011. Vol. 9. Iss. 2. P. 131-137.
6. Sorokina E.A., Alexeyev A.B. The professional language personality as an object of study of political linguistics // Terminology: formation, development, functioning. Astrakhan, 2019. P. 369-401.
7. Crystal, D. Language play and linguistic intervention // Child Language Teaching and Therapy. 1996. Vol. 12 (3). P. 328-344.
8. Podolskaya O.S. Social and philosophical analysis of the phenomenon of language games. Thesis... PhD in philosophy. Khabarovsk, 2012. 161 p.
9. Shrouf A. Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels: am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949-1998. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. 349 s.

10. Rountree, C. *Venomous speech*. Santa Barbara: Praeger, 2013. 459 p.
11. Holly, W. *Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch // Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Heft 3*. Göttingen: Uni-press GmbH, 2011. S. 227-237.
12. Shapochkin D.V. *Political discourse: cognitive aspect*. Tyumen, 2002. 260 p.
13. Zhuvenel' B. de. *Power: the natural history of its growth*. Moscow, 2011. 546 p.
14. Leech, G. *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p.
15. Pasquier, V. *Election en Ukraine: un humoristetéélé aux portes de la présidence (et cen'est pas une fiction)*. URL: <https://www.telarama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (date of application - 31.01.2020)
16. Erlih S.E. *The war of myths. The memory of Decembrists at the turn of the millennia*. St.-Petersburg, 2016. 552 p.

УДК 811.111-26

Донбасский государственный технический университет

*кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики перевода
и общего языкознания*

Фомина С.Б.

Украина, г. Алчевск,

тел. +38050-938-18-61

e-mail: sbfomina@gmail.com

Donbass State Technical University

The chair of theory and practice of translation and general linguistics

PhD., associate professor

Fomina S.B.

Ukraine, Alchevsk,

tel. +38050-938-18-61

e-mail: sbfomina@gmail.com

С.Б. Фомина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются лексико-семантические характеристики современного англоязычного газетного дискурса на материале англоязычных электронных изданий The New York Times, The Guardian, Daily Mail, The Telegraph, а также особенности функционирования лексических единиц, требующих переосмысления. Газетный дискурс представлен как тип медийного дискурса определенного исторического периода во всем разнообразии лексико-семантических средств различных сфер деятельности человека. К таким лексическим средствам отнесены фразеологизмы, вербализованные реалии, неологизмы, метафоры, межъязыковые омонимы. Предметом выступают образно-оценочные и культурно-маркированные лексические единицы, особенности их функционирования в англоязычном газетном дискурсе. Обработка фактологического материала позволяет произвести количественный анализ лексики и определить роль образных и оценочных лексических средств в газетном дискурсе, выявить их функции. Анализ материала позволяет фиксировать тот факт, что среди рассмотренных лексических единиц именно неологизмы преобладают в современном газетном дискурсе, что подтверждает влияние событийности на изменение лексического состава языка и является мощным средством его пополнения. Кроме того, английский является основным источником межъязыковых омонимов, которые функционируют в русском языке в связи с быстрой глобализацией всех сфер человеческой деятельности. Функционирование образно-оценочной и культурно маркированной лексики в газетном дискурсе облегчает восприятие информации, передачу основной мысли, заложенной автором, воплощает экспрессивную направленность текста. Лексические единицы содержат широкий информационный потенциал, что позволяет фиксировать основное значение текста в памяти получателя и влияет на восприятие информации в нужном автору направлении. Словарь, включенный в текст, приобретает как информативное, так и эмоционально-оценочное значение.

Ключевые слова: лексика, семантика, газетный дискурс, фразеологизмы, вербализованные реалии, неологизмы, метафоры, межъязыковые омонимы.

S.B. Fomina

LEXICAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF MODERN ENGLISH NEWSPAPER DISCOURSE

The article observes the lexical and semantic characteristics of modern English-language newspaper discourse based on material of the English-language electronic publications from The New York Times, The Guardian, Daily Mail, and The Telegraph. It also discusses the peculiarities of functioning of lexical units that require rethinking. Newspaper discourse is presented as a type of media discourse of a certain historical period in the whole variety of lexical and semantic means of various spheres of human activity. Among them are phraseological units, verbalized realities, neologisms, metaphors, interlanguage homonyms. The subject matter is figurative-evaluative and culturally marked lexical units, the peculiarities of their functioning in the English-language newspaper discourse. The analysis of factual

material allows to carry out the quantitative analysis of lexis and determining the role of figurative and evaluative lexical tools in newspaper discourse, to identify their functions. An analysis of the material allows recording the fact that among the considered lexical units neologisms prevail in modern newspaper discourse, that confirms the influence of social events on the changes held in the language and that neologisms are language replenishment means. English is also the main source of interlanguage homonyms that function in Russian in connection with the rapid globalization of all spheres of human activity. Figurative, evaluative and culturally marked vocabulary in newspaper discourse greatly facilitates the information perception and the transmission of the main idea laid down by the author, it also embodies the expressive orientation of the text. Lexical units contain a wide information potential, which allows grasping the main meaning of the text in the recipient's memory and affects the perception of information in the right direction. The vocabulary included in the text acquires both informative and emotionally evaluative value.

Key words: lexical units, semantics, newspaper discourse, phraseological units, verbalized realities, neologisms, metaphors, interlanguage homonyms.

Язык газеты представляет интерес для лингвистического исследования, так как средства массовой являются неотъемлемой частью современного общества и характеризуются специфическими чертами. Все общественные изменения отражаются в языке, который является не только средством общения, но и носителем исторической памяти, а также инструментом взаимообогащения различных культур. Язык газеты, таким образом, выступает своеобразным лингвистическим индикатором речевого развития общества.

Массово-информационный дискурс, как часть газетного дискурса, находится в зоне постоянного внимания лингвистов, являясь одним из главных факторов в формировании современной языковой картины мира, именно здесь особо заметны основные изменения.

Актуальность статьи обусловлена современными тенденциями словоупотребления в газетном дискурсе, изучением его лингвистических норм и языковых средств.

Объектом исследования является современный англоязычный газетный дискурс в его языковом многообразии.

Предметом выступают образно-оценочные и культурно маркированные лексические единицы, особенности их функционирования в англоязычном газетном дискурсе.

Цель исследования – анализ лексико-семантических особенностей англоязычного газетного дискурса.

Материалом исследования являются лексические единицы (80 лексических единиц), полученные методом сплошной выборки из текстов англоязычных электронных изданий The New York Times, The Guardian, Daily Mail, The Telegraph.

Цель газетно-информационного стиля – объективная передача информации в письменном или устном виде, основная задача – сообщение определенных сведений и позиций с целью достижения желаемого воздействия на читателя [1, с. 15]. Газетный дискурс представляет собой особый вид социальной деятельности, главной функцией которого является распространение идей, знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений и эмоционального состояния, а через них и влияния на поведение людей. Общеупотребительная лексика составляет основу газетного текста, ведь она является наиболее доступной и представлена во всех видах литературного, устного и книжно-письменного материала. Стилистический окрас газетного дискурса достигается с помощью эмоциональной лексики, образности и других приемов [2, с. 125].

Итак, газетный дискурс можно определить как тип медийного дискурса, реализующегося в определенный исторический период, представленный разнообразием лексико-семантических средств, как формирующих, так и определяющих данную эпоху, и отображающий различные сферы деятельности человека.

К характерным признакам газетно-публицистического (информационного) дискурса относят следующие: экономия языковых средств, лаконичность изложения в сочетании с информационной насыщенностью; отбор языковых средств по принципу их понятности;

наличие общественно-политической лексики; использование типичных для стиля речевых клише; использование метафоры. Кроме того, речь газеты чутко реагирует на любые изменения в обществе, что связано с появлением неологизмов. Также, кроме нейтральной лексики, газетно-публицистическому стилю присуще использование фразеологии [3, с. 65].

По мнению Т.А. Казаковой, наличие клише и штампов в предложениях имеет как положительный, так и негативный характер, порой даже раздражает читателя [4, с. 85]. Часто клише имеют переосмысленное значение, что только затрудняет их понимание во время ознакомления с информацией: *democratic adversary* (демократический противник), *to draw the conclusion* (прийти к заключению), *to attach the importance* (придавать значение), *a propaganda campaign* (пропагандистская кампания) и др. Действительно, клише и штампы наиболее частотны в газетном дискурсе, что заметно даже невооруженным глазом, однако наибольший интерес представляет лексика, требующая осмысления – образно-оценочная и культурно маркированная [5, с. 273]: фразеологизмы, вербализованные реалии, неологизмы, метафоры, межъязыковые омонимы.

Употребление фразеологизмов в прессе всегда привлекает внимание реципиента, являясь важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности. Рассмотрим функционирование некоторых фразеологизмов (6 ЛЕ - 7%) в проанализированных газетных статьях. Использование данной лексики придает газетному дискурсу оценочность и эмотивность: *be on thin ice* (ходить по тонкому льду), *to reap the rewards* (пожинать плоды, получать дивиденды), *no more time to waste* (нет времени, чтобы тратить его впустую), *to take a meat cleaver* (рубить на корню), *the lion's share* (львиная доля), *black sheep* (позор семьи, паршивая овца), *to warm hands* (потирать руки).

Некоторые идиомы трудны для понимания по причине сложной семантики компонентов (например, сращения): “This budget *takes a meat cleaver* to public education” (Этот бюджет *рубит на корню* государственное образование) [6]. Словосочетание ‘*a meat cleaver*’ передается на русский язык как ‘дровокол’, так как предмет представляет собой большой нож, напоминающий прямоугольный топор. Американский исследователь Д. Кристал отмечает, что речь озадачивает нас многочисленными ее значениями и вариациями ситуативного применения [7, с. 286]; несомненно, сказанное им можно отнести и к фразеологии. Однако большинство фразеологизмов не представляет серьезных трудностей при понимании, но придают речи образность, оценочность: “For too long, a small group in our nation’s capital has *reaped the rewards* of government while the people have borne the cost” (Слишком долго небольшая группа в столице *получали дивиденды* от правительства, в то время как люди несли расходы) [8].

Как в русском, так и в английском языке сохраняется семантическое сходство ряда фразеологизмов: *be on thin ice* (ходить по тонкому льду), *no more time to waste*, *the lion's share* (львиная доля), *to warm hands* (потирать руки), *black sheep* (позор семьи, паршивая овца).

Многие фразеологические единицы являются интернациональными, т.е. пересекаются в разных языках, по причине «укоренения» в язык, становятся обычными речевыми клише: Before this event, Maduro was *on thin ice*, and now, after these damaging images, he appears even more vulnerable to crisis blow back,” – said Michael McCarthy («Мадуро и так *ходил по тонкому льду*, а теперь, после этих шокирующих фото, стало ясно, что он еще более уязвим в условиях грядущего кризиса», – сказал Майкл Маккарти) [9].

Кроме того, с целью привлечения читателя фразеологизм может быть компонентом названия статьи: “Drug-fueled murderer’ of US woman found dead in luxury South African hotel with pound of cocaine is drug-addicted *black sheep* member of billionaire Central American dynasty” («Упакованный наркотиками убийца» американской женщины, найденный мертвым в роскошном южноафриканском отеле с фунтом кокаина, является наркоманом и позором одной из центральноамериканских династий миллиардеров») [10]. Фразеологизм: ‘*a black sheep*’ возник в результате исторического факта. В Англии черная шерсть очень плохо продавалась,

а кроме того, некоторые местные жители и вовсе считали это дурным знаком. Так появилась ассоциация с человеком, потерянным для семьи, общества, идущим наперекор общепринятым нормам.

Итак, фразеологизмы газетного текста характеризуются значительным ассоциативным и оценочным потенциалом, включают как коннотативный, так и этнокультурный фактор.

Помимо этого, газетно-публицистическим текстам присуще наличие лексических единиц с национальной спецификой. Подобные реалии – самые яркие показатели национального своеобразия лексического наполнения текста газет. Обозначения национальных реалий, как правило, проникают в другие языки из художественной литературы или из средств массовой информации и представляют собой заимствования. Однако многие англоязычные реалии уже вошли в наш фонд знаний и не требуют пояснений (11 ЛЕ – 14%): *BBC* (телеканал Би-би-си), *ABC* (телеканал), *CNN* (телеканал), *F.B.I.* (ФБР), *NATO* (НАТО), *New York Times* (Нью-Йорк Таймс), *time-out* (тайм-аут), *Downing Street* (Даунинг-стрит - улица в Вестминстере, известная тем, что на ней располагаются резиденции важнейших фигур правительства Великобритании), *Independence Day* (День независимости), *high ball* (виски с содовой и льдом в высоком стакане), *Sundance film festival*: “Sundance Short Film Festival Review” (Обзор Фестиваля короткометражного кино ‘Sundance’) [11]. Таким образом, использование лексики, обозначающей национальные реалии, не только вводит реципиента в курс ситуации, но и позволяет окунуться в культуру, определить специфические черты или хронологию события.

Метафора является средством вторичной номинации, которая основана на сходстве и обобщенности (реальной и ирреальной – мнимой) объекта номинации с тем объектом, название которого переносится на объект номинации другими словами. Естественная сфера применения метафоры – образная речь: ее главная функция - не коммуникативная, а эстетическая, ее назначение - не сообщать информацию, а вызывать представления. С помощью метафоры можно установить контакт с аудиторией, создать соответствующую ситуации атмосферу (20 ЛЕ–25%): *the eyes and ears* (глаза и уши), *gripped by tremors* (охвачен дрожью), *gas kills* (газ убивает), *altering people’s minds* (сводить с ума), *loony gas building* (здание, полное сумасшедшего газа), *the killer was the lead* (убийца — свинец), *the land endured* (земля все пережила), *my Butter ball thermometer just popped up* (терпенье лопнуло), *hard power* (жесткая сила), *losing his grip on reality* (терять связь с реальностью), *pull the trigger* (спускать курок), *kill fee* (убийственный штраф), *shifting winds* (переменчивый ветер), *the weeping and gnashing of teeth from bureaucrats and politicians* (плач и скрежет зубов бюрократов и политиков), *olive branch* (оливковая ветвь), *lethal support* (смертоносная помощь), “*string of pearls*” *around the neck of Mother India* («нить жемчуга» вокруг шеи Индии), *dark revolutionary year* (темный революционный год), *skinny budget* (тощий бюджет), “*good*” *colonialist* (хороший колонизатор).

Метафора представляет собой иносказание, западающее в память и душу; соответственно, метафорические выражения долго живут и в устной, и письменной речи: “We’re just being *the eyes and ears* of the Border Patrol, basically” (По сути, мы – глаза и уши пограничного патруля) [12].

Основная функция метафоры заключается в замещении смысла, его сокрытии и в одно и то же время его демонстрации, поэтому является активно используемым средством выразительности у авторов газетных статей.

Неологизмы включают в себя практически все сферы жизни современного общества. В данный момент неология – одна из самых быстроразвивающихся областей языкознания, которая работает на всех уровнях, особенно в политическом дискурсе. Так, в журналистских политологических статьях частотно неологизмы употребляются в заголовках для привлечения внимания реципиентов. В современных медиатекстах подобные заголовки получили название «кликбейты». В английском языке в среднем за год появляется 800 новых слов – больше, чем в любом другом языке мира [13, с. 30]. В связи с этим перед исследователями

встает задача не только фиксировать новые слова, но и исследовать их. Контент-анализ англоязычных электронных СМИ показал, что газетным текстам политической направленности свойственно широкое использование неологизмов (29 ЛЕ – 36%): *bioterrorism* (биотерроризм), *blowback* (неблагоприятные результаты политических выступлений), *blackout* (массовое отключение электричества), *Brexit* (брекзит), *build-up* (накопление военных сил), *cyberhijack* (кибер-угон), *Megxit* (Мегзит), *Bank of Mum and Dad* (банк начального кредитования), *Cyber Hunta* (киберхунта), *Dough-bama* (тестобама), *dog-whistle* (призыв), *Europhobia* (еврофобия), *Eurogeddon* (еврогеддон), *Euroscepticism* (евроскептицизм), *Europhilia* (еврофилия), *fightback* (месть, ответный удар), *Grexit* (грекзит), *green-on-blue attacks* (ответный огонь), «*Great Again*» (былое величие), *Obamacare* (медицинская реформа), *Obamania* (обамаманья), *Obamanomics* (программа по развитию экономики), *Obamao* (Обамао), *Putinism* (путинизм), *separatist* (сепаратист), *shut-down* (закрытие, ликвидация), *take-over* (захват власти), *trumpomania* (трампомания), *yellow vests* (желтые жилеты).

Для английских сложных слов, которые представляют собой неологизмы, наиболее частотными являются образования, состоящие из двух основ. В последние годы английские и американские политики часто используют данный прием, поэтому в английском языке появилось большое количество новообразований – существительных и глаголов.

В следствии словосложения появляются новые слова: *take-over*, *build-up*, *green-on-blue*, *blowback*, *bioterrorism*, *shut-down*, *fightback*, *blackout*, *Obamania* (подобную модель можно встретить и в сочетании с антонимом слову *mania* – *phobia*), и др.

Использование блендинга можно выделить в таких примерах: *eurogeddon*– разрушенные экономики Европы после финансового кризиса стран (ЕС), *Obamanomics* – Obama+economics, *Brexit* (British + exit), *Megxit* (Мегзит – меткий хештег, отражающий шок от ситуации, что герцог и герцогиня Сассекские собираются отказаться от привилегий королевской семьи). Таким образом, появляется своеобразный игровой дериват, т.е. «преднамеренно созданное производное слово, которое вследствие своей яркой внутренней формы, нацеленной на достижение комического эффекта, становится средством языковой игры», что особенно заметно в газетном дискурсе [14, с. 52-53].

Неологизмы выполняют две основных функции: определение какого-либо явления, предмета, персоны (данная функция используется в СМИ); выявление отношения автора к определенной ситуации (данная функция используется в художественных произведениях).

Таким образом, отметим, что неологизмы являются важной составляющей языка, отображающей безостановочное развитие лексического состава.

Однако не следует забывать о межъязыковых омонимах (14 ЛЕ-18%), которые также встречаются в газетных текстах и представляют интерес для исследования с точки зрения как моносемии, так и полисемии, т.к. являются заимствованиями, появившимися в результате взаимовлияния языков: *authority* (власть, помимо: авторитет), *accurate* (точный, а не аккуратный), *booklet* (брошюра, помимо: буклет), *brilliant* (яркий, выдающийся, а не бриллиантовый), *capital* (столица, помимо: капитал), *convention* (соглашение, помимо: конвенция), *data* (данные, а не дата), *direction* (направление, а не директория), *decade* (не декада, а десятилетие), *general* (генеральный, а не генерал), *global* (мировой, помимо: глобальный), *mayor* (мэр, а не майор), *penalty* (наказание, штраф, а не пенальти), *residence* (резиденция, помимо: место жительства).

На семантическом уровне английское слово *mayor* может обозначать только должность главы города, но не воинское звание; английское слово *general* является многозначным, однако значения омонимов (генерал и генеральный, главный) не пересекаются: “By the late 1990s, financially mega-secure and professionally restless, the billionaire business man had told friends that four jobs on earth could tempt him away from his company: president of the United States, secretary general of the United Nations, president of the World Bank and mayor of New York” (К концу 1990-х годов, будучи финансово мега-безопасным и профессионально

неутомим, бизнесмен-миллиардер сказал друзьям, что на всем свете лишь четыре должности могут соблазнить его уйти из компании: президент Соединенных Штатов, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, президент Всемирного банка и мэр Нью-Йорка) [15].

В газетном дискурсе широко используются частичные межъязыковые омонимы: “Hugh Bonneville plays Edwina’s husband, and their official *residence* – Viceroy’s House – is not so much the film’s setting as the third star member of the cast” (Хью Бонневилль играет мужа Эдвины, а их официальная резиденция – Дом вице-короля – это не столько сюжет, сколько третий звездный состав актеров) [16]. Однако слово *residence* может означать не только резиденцию, но и дом, место проживания.

Английский язык выступает основным источником межъязыковых омонимов, функционирующих в русском языке, что обусловлено стремительной глобализацией всех сфер человеческой деятельности, в том числе усилением международных контактов.

Таким образом, анализ показал, что из рассмотренных нами лексических единиц, именно неологизмы преобладают в современном газетном дискурсе, это подтверждает, что событийность влияет на изменение лексического состава языка и является мощным средством его пополнения.

Функционирование образно-оценочной и культурно маркированной лексики в газетном дискурсе облегчает восприятие информации, передачу основной мысли, заложенной автором, воплощает экспрессивную направленность текста. Все рассмотренные нами лексические единицы имеют широкий информационный потенциал, позволяют запечатлеть основной смысл текста в памяти реципиента, воздействовать на него и направлять восприятие информации в необходимое русло. Лексика, включаясь в текст, приобретает как информативное, так и эмоционально-оценочное значение, а газетный дискурс включает все многообразие языка газетно-публицистического стиля.

Библиографический список

1. Бекетова С.В. Когнитивно-прагматические и семантические характеристики средств выражения авторского знания в газетном дискурсе (на материале современного английского языка). Автореф. дис. ... к. филол. наук, Пятигорск. 2013. 28 с.
2. Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Москва, 2003. № 2. С. 123-133.
3. Бобровская Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. Волгоград: ВГСПУ «Перемена», 2011. 319 с.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода: Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2001. 320 с.
5. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 401 с.
6. Shear D. Michael. Trump Takes a Gamble in Cutting Programs His Base Relies On. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/16/us/politics/trump-budget.html> (дата обращения - 20.01.2020).
7. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge, 2003. 508 p.
8. Lobbyists Romp in Trump’s Washington. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/21/opinion/lobbyists-washington-trump.html> (дата обращения - 08.02.2020).

9. Crilly Rob. Venezuela braces for blowback as Nicolas Maduro says he survived drone assassination attempt. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/05/venezuela-braces-blowback-nicolas-maduro-says-survived-drone/> (дата обращения - 20.12.2019).

10. Parry Ryan, Gould Martin. Drug-fueled murderer' of US woman found dead in luxury South African hotel with pound of cocaine is drug-addicted black-sheep member of billionaire Central American dynasty. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3184328/Alleged-drug-fueled-murderer-American-woman-South-African-hotel-room-black-sheep-member-billionaire-Central-American-dynasty.html> (дата обращения - 20.01.2019).

11. Kenigsberg Ben. Sundance Short Film Festival Review: Bite-Size Samplings From Park City. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/04/movies/2019-sundance-film-festival-short-film-review.html> (дата обращения - 25.01.2020).

12. Bauer Shane. I Went Undercover With a Border Militia. Here's What I Saw. URL: <https://groups.google.com/forum/#!topic/frontera-list/m9g9pVePOuc> (дата обращения - 20.01.2020).

13. Власова К.А., Вьюшкина Д.А. К вопросу о неологизмах // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 29-31. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11134/> (дата обращения - 18.01.2020).

14. Дедова О.В., Григорьева П.В. Игровое словообразование в современном русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С.49-64.

15. Flegenheimer Matt, Haberman Maggie. How a String of Flukes Helped Pave the Way for Mayor Michael Bloomberg. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/22/us/politics/Michael-Bloomberg-nyc-mayor-election.html> (дата обращения - 18.01.2020).

16. Aitkenhead Decca. Gillian Anderson: 'I have to constantly settle myself down from the state of being aggravated. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2017/mar/11/gillian-anderson-times-when-really-bad> (дата обращения - 12.12.2019).

References

1. Beketova S.V. Cognitive and pragmatic and semantic characteristics of the means of expression of the author's thinking in newspaper discourse (based on modern English). Abstract of thesis ... PhD.in philology. Pyatigorsk, 2013. 28 p.

2. Lukanina M.V. Newspaper text through the prism of communication theory // The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and cross-cultural communication. 2003. № 2. P. 123-133.

3. Bobrovskaya G.V. Cognitive and elocative potential of newspaper discourse. Volgograd, 2011. 319 p.

4. Kazakova T.A. Practical basics of translation: Learning foreign languages. St.-Petersburg, 2001. 320 p.

5. Golubeva N.A. Word. Text. Discourse. Precedent units. Nizhny Novgorod, 2009. 401 p.

6. Shear D. Michael. Trump Takes a Gamble in Cutting Programs His Base Relies On. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/16/us/politics/trump-budget.html> (date of application - 20.01.2020).

7. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge, 2003. 508 p.

8. Lobbyists Romp in Trump's Washington. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/21/opinion/lobbyists-washington-trump.html> (date of application - 08.02.2020).

9. Rob Crilly. Venezuela braces for blowback as Nicolas Maduro says he survived drone assassination attempt. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/05/venezuela-braces-blowback-nicolas-maduro-says-survived-drone/> (date of application - 20.12.2019)

10. Parry Ryan, Gould Martin. Drug-fueled murderer' of US woman found dead in luxury South African hotel with pound of cocaine is drug-addicted black-sheep member of billionaire Central American dynasty. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3184328/Alleged-drug-fueled-murderer-American-woman-South-African-hotel-room-black-sheep-member-billionaire-Central-American-dynasty.html> (date of application - 20.01.2019).

11. Kenigsberg Ben. Sundance Short Film Festival Review: Bite-Size Samplings From Park City. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/04/movies/2019-sundance-film-festival-short-film-review.html> (date of application - 25.01.2020).

12. Bauer Shane. I Went Undercover With a Border Militia. Here's What I Saw. URL: <https://groups.google.com/forum/#!topic/frontera-list/m9g9pVePOuc> (date of application - 20.01.2020).

13. Vlasova K.A., Vyushkina D.A. To the question of neologisms // Relevant issues of philological sciences. Kazan, 2016. P. 29-31. [Electronic resource] URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11134/> (date of application - 18.01.2020).

14. Dedova O.V., Grigoreva P.V. Game word formation in modern Russian // Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2018. № 5. P.49-64.

15. Flegenheimer Matt, Haberman Maggie. How a String of Flukes Helped Pave the Way for Mayor Michael Bloomberg. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/22/us/politics/Michael-Bloomberg-nyc-mayor-election.html> (date of application -18.01.2020).

16. Aitkenhead Decca. Gillian Anderson: 'I have to constantly settle myself down from the state of being aggravated. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2017/mar/11/gillian-anderson-times-when-really-bad> (date of application - 12.12.2019).

УДК 81

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат биологических наук,
магистрант кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации,
Васильева Н.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, Master student
N.A. Vasilieva
Russia, Voronezh,
tel. +79202101050
e-mail: nechay.n@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук, старший
преподаватель кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Самойленко Н.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural
communication
PhD, Senior lecturer
Samoilenko N.S.
Russia, Voronezh,
tel. +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Воронежский государственный
технический университет
старший преподаватель кафедры
строительных конструкций, оснований и
фундаментов им. проф. Ю.М. Борисова
А.В. Васильев
Россия, г. Воронеж, тел. +79515602676
e-mail: v_ay@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
Senior lecturer of chair of building,
bases and foundations of a name of
professor U.M. Borisov
A.V. Vasiliev
Russia, Voronezh,
tel. +79515602676
e-mail: v_ay@mail.ru*

Н.А. Васильева, Н.С. Самойленко, А.В. Васильев

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ОТРАСЛЕВЫХ И ПОПУЛЯРНЫХ СМИ

Статья посвящена исследованию функционирования медицинских терминов в разных видах СМИ. Употребление терминологической лексики в СМИ помимо передачи коннотативного значения понятий используется для повышения авторитетности информационного сообщения. Нами были проанализированы закономерности в употреблении терминов. В качестве материалов для исследования были взяты газеты и журналы отраслевых и популярных изданий, занимающих лидирующие позиции в рейтингах «Медиалогии» в отрасли медицины и фармацевтики за II квартал 2019 года, а именно журналы «Forbes» и «Vademecum», газеты «Известия» и «Фармацевтический вестник». Были выделены термины из статей на медицинскую тематику из этих изданий. Определить значение терминов было предложено ста респондентам, не имеющим специальных знаний в области медицины и фармакологии. Нами проанализированы особенности восприятия аудиторией терминологии, использованной авторами в текстах статей, выявлены закономерности между количеством терминов и объемом статьи и как это связано с типом издания. Большинство медицинских терминов не вызывает затруднений в понимании у читателей, поскольку они являются частью общелитературного языка. Узкоспециальные термины могут вызвать затруднения в понимании текста у читателей-неспециалистов и играют особую роль в восприятии информации. Анализ гендерных особенностей аудитории показал, что женщины лучше распознают медицинские термины, чем мужчины. В текстах анализируемых статей были отмечено использование синонимов и повторов терминов. Употребление синонимов в тексте часто выполняет пояснительную функцию для ускорен-

циальных терминов.

Ключевые слова: термин, медицинский термин, отраслевые СМИ, популярные СМИ, распознавание терминов.

N.A. Vasilieva, N.S. Samoilenko, A.V. Vasiliev

FUNCTIONING OF MEDICAL TERMINOLOGICAL LEXIS IN INDUSTRIAL AND POPULAR MEDIA

The article is devoted to the study of the functioning of medical terms in various types of media. The use of terminological lexis in the media in addition to conveying the connotative meaning of concepts is used to increase the credibility of the information message. We have analyzed patterns in the use of terms. The research materials were newspapers and magazines of industry and popular publications that occupy leading positions in the ratings of Medialogy in the field of medicine and pharmaceuticals for the II quarter of 2019, namely, "Forbes" and "Vademecum" magazines, and newspapers "Izvestia" and "Pharmaceutical Bulletin". Terms from medical articles from these publications were highlighted. One hundred respondents who did not have special knowledge in the field of medicine and pharmacology were asked to determine the meaning of the terms. We analyzed the features of the audience's perception of the terminology used by the authors in the texts of the articles, revealed patterns between the number of terms and the volume of the article and how this is related to the type of publication. Most medical terms are not difficult for readers to understand, as they are part of a common literary language. Highly specialized terms can cause difficulties for non-specialist readers to understand the text and play a special role in the perception of information. Analysis of the gender characteristics of the audience showed that women recognize medical terms better than men. In the texts of the analyzed articles, the use of synonyms and repetitions of terms was noted. The use of synonyms in the text often performs an explanatory function for highly specialized terms.

Key words: term, medical term, industry media, popular media, recognition of terms.

В современном языкознании под термином понимается *«слово или словосочетание, выполняющее строго номинативную функцию, функцию наименования специального понятия»*. [1; с. 69].

Из множества существующих классификаций терминов [2] при трактовке результатов нашего исследования за основу была взята классификация терминов по характеру восприятия их аудиторией Ю.Б. Жидковой [5]. Термины классифицируются на широкоупотребительные, специальные и узкоспециальные. Широкоупотребительные термины хорошо распознаются аудиторией читателей. Их можно найти в толковых словарях русского языка без особых помет. Специальные термины в толковых словарях маркированы пометой «спец.». Узкоспециальные термины тоже встречаются в медиатекстах, но часто недоступны для понимания широкой аудитории и требуют пояснения [3, 4].

В рамках данной статьи будет рассмотрена терминологическая лексика, относящаяся к отрасли медицины. Ю.Б. Жидкова определяет её как *«совокупность слов и словосочетаний, используемых специалистами для обозначения научных понятий в области медицины и здравоохранения»* [5].

Медицинские термины в жанрах информационной группы – это, прежде всего, наиболее распространенные термины. Понимание широкоупотребительных терминов, как правило, не вызывает затруднений в понимании у читателей, поскольку они стали или становятся частью общелитературного языка (*тело, рука, кровь и пр.*).

В то же время отрасль медицины стремительно развивается, и как следствие, растет количество новых терминов. На этапе возникновения понимание значения новых терминов доступно только узкому кругу специалистов в области медицины. Средства массовой информации играют роль популяризатора медицинских понятий. Информация о новостях медицины регулярно появляется в медиатекстах, и со временем новые термины становятся доступными для понимания большего круга читателей [3].

Для изучения функционирования медицинских терминов были взяты материалы статей медицинской тематики из двух популярных СМИ, а именно, одной газеты и одного журнала, и двух отраслевых СМИ, имеющих печатные варианты изданий (газета и журнал) за период с мая по сентябрь 2019 года.

Критерием отбора изданий стали данные «Медиалогии» – разработчика автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени. Основой построения рейтингов Медиалогии является индекс цитируемости (ИЦ). Самым первым в рейтинге «Топ-10 самых цитируемых журналов» с мая по сентябрь 2019 года является журнал «Forbes». Первой в рейтинге «Топ-10 самых цитируемых газет» за тот же период времени является газета «Известия». Лидирующие места в рейтинге Медиалогии «Топ-15 СМИ отрасли медицины и фармацевтики – II квартал 2019», имеющих печатные варианты изданий являются газета «Фармацевтический вестник» и журнал «Vademecum».

Таким образом, для исследования были взяты федеральные издания: журнал «Forbes» [6], газета «Известия» [7] и отраслевые: журнал «Vademecum» [8] и газета «Фармацевтический вестник» [9]. В каждом из изданий для исследования было выбрано по одной статье на медицинскую тематику из раздела «медицина, фармотрасль». При помощи словарей [10; 11] в выбранных статьях были определены медицинские термины. Для опроса респондентов были составлены анкеты, содержащие четыре списка терминов, соответственно количеству статей.

Анкетирование проводилось в аудитории людей – потенциальных читателей этих изданий. Необходимым критерием, предъявляемым к респондентам было отсутствие специальных знаний в области медицины и фармакологии. Опрашиваемым предлагалось дать определения предлагаемым в анкете терминам. Это делалось с целью понять, как употребляемые в газетах и журналах термины распознаются аудиторией и как это коррелирует с их количеством.

На рис. 1 отражено соотношение общего количества слов и количества терминов в исследуемых статьях. Больше всего терминов употребляется в газете «Известия» – 16,7%, на втором месте по количеству терминов – отраслевое издание «Фармацевтический вестник» – 8,8% терминов. Далее следует журнал «Forbes», где терминологическая лексика составляет 4,7%, и меньше всего терминов относительно основного текста встречается в отраслевом журнале «Vademecum» – 3,2% от общего количества слов.

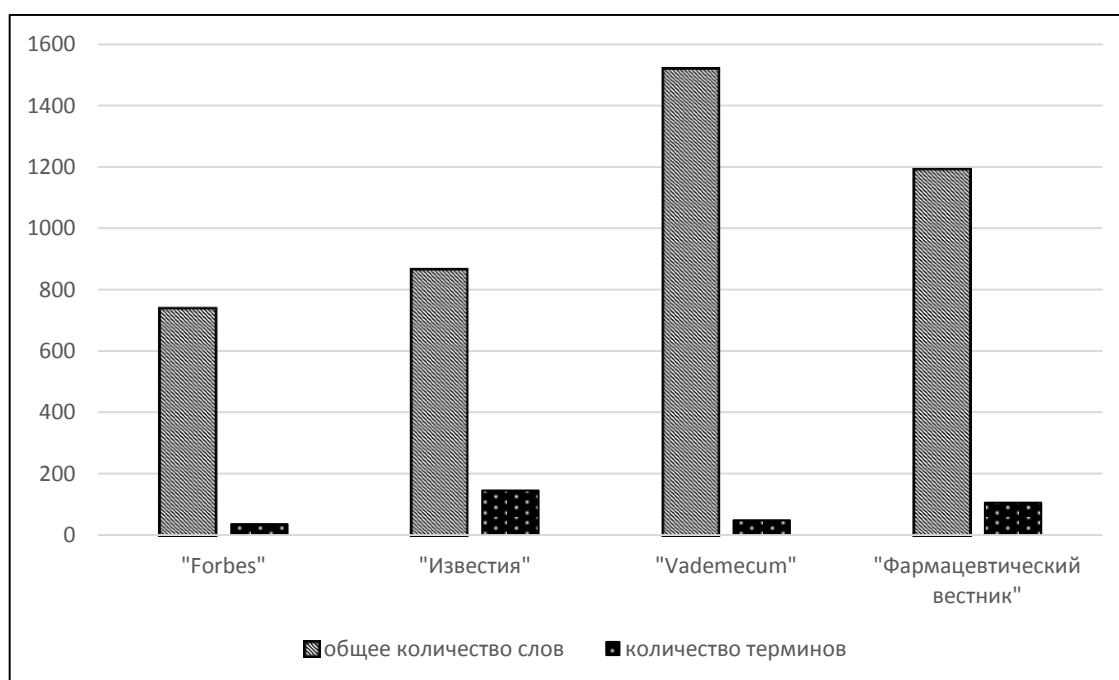

Рис. 1. Соотношение количества медицинских терминов и общего количества слов

В результате исследований и подсчетов для журнала “Forbes” получили следующие данные: в статье автор употребляет 4,7% терминов относительно общего количества слов, из них 10,2% плохо распознаны аудиторией. Для газеты “Известия” процент содержания терминов в статье составил 16,7%, из которых аудитория не распознала 44,7% терминов. В журнале “Vademecum” встретилось 3,2% терминов, из которых аудитория плохо распознала 18,9%. В газете «Фармацевтический вестник» количество терминов составило 8,8%, из которых плохо распознаны аудиторией 27,5%. Результаты этих подсчетов представлены в диаграмме на рис. 2.

Следует отметить, что в рамках нашего исследования в газетах количество использованной терминологической лексики относительно общеупотребительных слов больше, чем в журналах. Также в газетах отмечается большее количество нераспознанных терминов, чем в журналах (рис. 2).

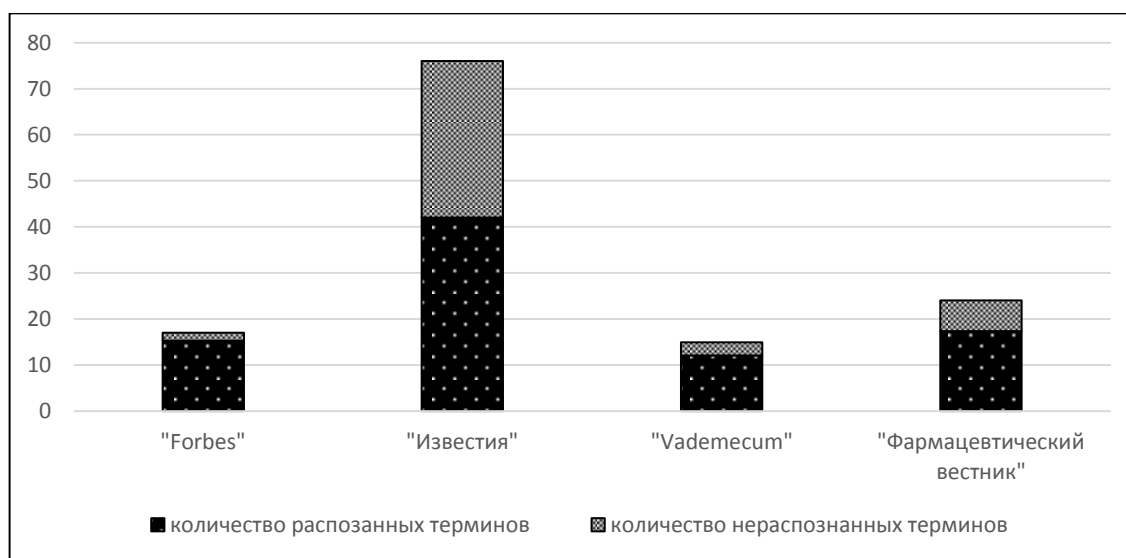

Рис. 2. Соотношение распознанных и нераспознанных терминов

Хорошо распознаны респондентами были широкоупотребительные термины (*печень, почки, лечение, пациент, болезнь, врач, терапевт, здоровье, клиника и пр.*). Эти слова являются медицинскими терминами, но они хорошо известны широкому кругу читателей, не имеющих медицинского образования и могут употребляться в повседневной жизни.

Если рассматривать частоту употребления терминов авторами в выбранных статьях, то можно выделить следующую тенденцию: широкоупотребительные термины чаще повторяются в тексте, чем узкоспециальные. Например, в газете «Фармацевтический вестник» широкоупотребительных термин «*стресс*» встречается 28 раз, а в журнале «Forbes» слово «*клиника*» встречается 10 раз. В то же время узкоспециальные термины (*муковисцидоз, иммуноглобулин G*) встречаются в тексте статьи газеты «Известия» однократно. Реже узкоспециальные термины встречаются в тексте дважды (*антиген*).

Отдельно отметим распознавание респондентами терминов, употребленных не на русском языке. Один из выделенных терминов был указан на латинском языке: «*Aspergillus* (лат. *aspergillum* сосуд для окропления, лейка; син.: *гриб леечный, леечная плесень*) - род плесневых грибов сем. *Aspergillaceae* (класс *Ascomycetes*), характеризующийся образованием на конце плодоносящих гиф спорных головок с радиально расположенными цепочками конидий, по форме напоминающих струйки воды, выливающейся из лейки; отдельные виды патогенны для человека, вызывая аспергиллез или аспергиллотоксикоз (*A. fumigatus, A. niger,*

A. flavus и др.» [10]. 6 из 100 респондентов определили его как «гриб», и один ответил неверно, отнеся этот термин к лекарствам.

Некоторые медицинские термины являются синонимами. Те синонимы, которые являются широкоупотребительными терминами (*пациент-больной, клиника-больница-стационар, лечение-терапия-медицинская помощь*), были хорошо распознаны респондентами. Узкоспециальные термины, которые в контексте исследуемых статей стали синонимами (*хроническая форма микоза-хронический аспергиллез легких*), опрашиваемые распознали одинаково плохо. Некоторые синонимы выполняли в тексте пояснительную роль (*лечение-цитостатическая терапия*), помогая неподготовленному читателю понять сложный для восприятия неподготовленного читателя узкоспециальный термин.

В процессе исследования нами было сделано предположение, что существует зависимость между количеством распознанных терминов и полом респондентов. Проанализировав данные, мы получили следующие результаты: среди опрошенных, которые не распознали предложенные термины, было 44% женщин и 56% мужчин. Таким образом, женщины распознают медицинские термины лучше мужчин (рис. 3).

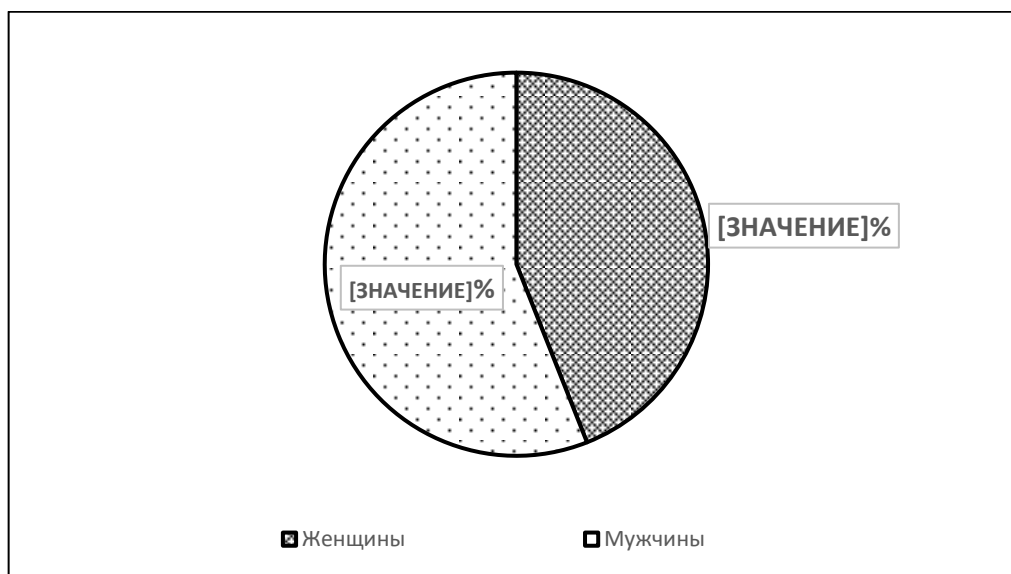

Рис. 3. Зависимость количества нераспознанных терминов от пола респондентов

В нашем исследовании в газете «Известия» был использован ряд терминов, абсолютно не распознанных аудиторией (*синтетические антигенные олигосахариды, иммуносупрессоры, инвазивный аспергиллез*) [7]. Поскольку данное издание рассчитано на широкий круг читателей, можно предположить, что автор использовал эти термины в статье с целью воздействия на читателя. Употребление терминологической лексики в СМИ помимо передачи коннотативного значения понятий используется для повышения авторитетности информационного сообщения. По мнению профессора М.Н. Володиной, «прагматическая ценность терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления» [12].

Таким образом, в исследовании функционирования медицинских терминов в отраслевых и популярных СМИ выделены следующие тенденции:

- в газетных статьях используется больше терминологической лексики, чем в статьях в журналах,
- нераспознанных аудиторией терминов в газетах больше, чем в журналах,
- широкоупотребительные термины чаще повторяются в тексте, чем узкоспециальные,

- чаще всего узкоспециальные термины встречаются в тестах статей однократно, реже – дважды или трижды,
- иноязычные термины плохо распознаются респондентами (6%) или ошибочно,
- термины, являющиеся синонимами распознаются аудиторией хорошо, если это широкоупотребительные термины и плохо, если они являются узкоспециальными. Использование синонимов в тексте часто выполняет пояснительную функцию для узкоспециальных терминов,
- женская аудитория лучше распознает медицинские термины, чем мужская,
- употребление узкоспециальных терминов, абсолютно не распознанных аудиторией в издании, рассчитанном на широкий круг читателей, имеет место быть,
- большинство медицинских терминов, выделенных нами в рамках исследования, относятся к широкоупотребительным. Узкоспециальные термины, составляющие менее 10% от всех употребленных терминов, могут вызвать затруднения в понимании текста у читателей-неспециалистов и играют особую роль в восприятии информации.

Библиографический список

1. Волкова Л.Б., Гордейчук Л.В., Моисеева В.Л. // Основы научной речи: учеб. пособие ; под. ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр Академия, 2003. 272с.
2. Васильева Н.А. Термин как особая лексическая единица в медиатекстах / Н.А. Васильева // *Magyar Tudomány Journal*. №35, 2019. С. 23-24.
3. Васильева Н.А. Функции медицинских терминов в медиатекстах / Н.А. Васильева // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. № 4(35), 2019. С. 89-94.
4. Жидкова Ю.Б. Функционирование медицинских терминов в рассказах А.П. Чехова // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Воронеж, 2007. № 2 (ч. 2). С. 84-88.
5. Жидкова Ю.Б. Медицинская лексика и термины в художественных произведениях // *Журнал теоретической и практической медицины*. М., 2006. Т.4. №4. С. 560-564.
6. Попов И. На приеме // *Forbes*. №11 (188), 2019. С. 108.
7. Недюк М. Весь покрытый плесенью // *Известия*. №208 (30438), 2019 г. С. 7.
8. Добровольский Т., Лодыгина Е. Гонка при следователях: что не устроило генпрокуратуру в экспорте медуслуг от НМИЦ Блохина и турагента «Русский доктор» // *Vademecum*. №8, 2019. URL: https://vademec.ru/article/gonka_pri_sledovatelyakha_za_chno_pionerov_eksporta_meduslug_-_nmits_onkologii_im-_n-n-_blokhina_i_tu/ (дата обращения – 26.04.2020).
9. Даниэлян Г. Куда бежать от стресса // *Фармацевтический вестник*. №36 (991), 2019. URL: <https://pharmvestnik.ru/articles/Kuda-bejat-ot-stressa.html> (дата обращения – 26.04.2020).
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3-х т. М., 1982-1984.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944с.
12. Володина Н. М. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание. URL: http://evartist.narod.ru/text12/03.htm#з_09 (дата обращения – 26.04.2020).

References

1. Volkova LB, Gordeychuk LV, Moiseeva V.L. // Fundamentals of scientific speech: textbook. allowance; under. ed. V.V. Chemist, L.B. Volkova. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M.: Publishing Center Academy, 2003. 272p.
2. Vasilieva N.A. The term as a special lexical unit in media texts / N.A. Vasilieva // Magyar Tudományos Journal. No. 35, 2019.S. 23-24.
3. Vasilieva N.A. Functions of medical terms in media texts / N.A. Vasilieva // Actual issues of modern philology and journalism. No. 4 (35), 2019.S. 89-94.
4. Zhidkova Yu.B. The functioning of medical terms in the stories of A.P. Chekhov // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. Voronezh, 2007. No. 2 (part 2). S. 84-88.
5. Zhidkova Yu.B. Medical vocabulary and terms in fiction // Journal of Theoretical and Practical Medicine. M., 2006.V.4. Number 4. S. 560-564.
6. Popov I. At the reception // Forbes. No. 11 (188), 2019.S. 108.
7. Nedyuk M. All covered with mold // News. No. 208 (30438), 2019.P. 7.
8. Dobrovolsky T., Lodygina E. Race at the investigators: what the prosecutor general's office did not like in the export of medical services from the NMIC Blokhin and the Russian Doctor travel agent // Vademecum. No. 8, 2019. URL: https://vademec.ru/article/gonka_pri sledovatelyakh za_ chto_ pionerov_ eksporta_ meduslug_ -_ nmits_ onkologii_ im- _n-n-_ blokhina_ i_ tu/ (date of application – 26.04.2020).
9. Danielian G. Where to escape from stress // Pharmaceutical Bulletin. No. 36 (991), 2019. URL: <https://pharmvestnik.ru/articles/Kuda-bejat-ot-stressa.html> (date of application – 26.04.2020).
10. Encyclopedic dictionary of medical terms. In 3 volumes M., 1982-1984.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2004.
12. Volodina N. M. The language of the media - the main means of influencing the mass consciousness. URL: http://evartist.narod.ru/text12/03.htm#3_09 (date of application – 04.26.2020).

УДК 811.11

*Брянский государственный университет
им. ак. И.Г. Петровского
кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории английского языка
и переводоведения
Храброва Е.С.
Россия, г. Брянск, тел. +7(910)235-39-37
e-mail: indivisibility@inbox.ru*

*Bryansk State University
named after I.G. Petrowsky
The chair of English language theory
and translation studies
PhD, associate professor
Khrabrova E.S.
Russia, Bryansk, tel. +7(910)235-39-37
e-mail: indivisibility@inbox.ru*

Е.С. Храброва

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСА АЛАРМИЗМА
В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОСВЕЩЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19)**

В статье рассматриваются языковые особенности конституирования алармистского дискурса в британском медиапространстве. Алармизм, то есть состояние повышенной тревожности или часто паники, является естественной реакцией людей на ту или иную негативную ситуацию, а энigmatическая природа нового вируса, поразившего человечество и захватившего глобальное медиапространство, экспонентно усиливает панические настроения. Немаловажную роль в эскалации страха и паники у людей играют средства массовой информации. Автором предпринята попытка анализа лингвистических средств немотивированного и мотивированного манипулирования массовым сознанием в процессе освещения пандемии коронавируса. Проведенное исследование позволило выявить ключевые технологии построения алармистского дискурса, создания моральной паники и манипулирования сознанием реципиентов медиатекстов, построить концептуальное поле алармистского медиадискурса, определить основные средства вербализации данных концептов, установить круг объектов моральной паники и определить основные стратегии моделирования образов героя и врага, к которым были отнесены стратегия создания реальной угрозы, стратегия создания дихотомии «мы-дискурс» vs. «они-дискурс», стратегия идеализации героя и стигматизации врага, а также выявить и описать основные языковые средства, используемые для стигматизации врага и героизации определенных групп лиц. Для наиболее полного анализа ситуации были задействованы источники разного характера – статьи в газетах и журналах, скрипты выступлений политических деятелей, брифинги по ситуации с коронавирусом. Кроме того, было проанализировано большое количество комментариев обычных граждан Великобритании, взятых из социальных сетей. Такой комплексный дискурсивный анализ медиа-высказываний агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации, позволил структурировать и описать языковые средства и техники актуализации панических состояний.

Ключевые слова: медиапространство, алармизм, объекты алармизма, концептуальное поле, эмоциональный концепт, дискурсивный анализ, технологии построения алармистского дискурса.

E.S. Khrabrova

**CONSTRUCTING OF ALARMIST DISCOURSE IN THE UK MEDIA
(ON THE BASIS OF COVID-19 PANDEMIC MEDIA COVERAGE)**

The article describes the linguistic features of constituting the alarmist discourse in the British media space. Alarmism, that is a state of elevated anxiety or often panic, is a natural reaction of people to different negative situations. Moreover, the enigmatic nature of the new virus that has hit humanity and captured the global media space, enhances the mood of panic moods. Mass media plays an important role in the escalation of fear and panic. The author made an attempt to analyze the linguistic means of unmotivated and motivated manipulation of the mass consciousness

in the process of covering the coronavirus pandemic. The study allowed us to identify the key technologies for constructing the alarmist discourse, creating moral panic and manipulating the minds of media texts recipients. The author also tried to build a conceptual field of the alarmist discourse, determining the main means of verbalizing these concepts, establishing a range of objects of moral panic and determining the main strategies for modeling the hero and enemy images. These strategies included the strategy of creating a real threat, the strategy of creating a dichotomy “we-discourse” vs. “they-discourse”, the strategy of idealizing the hero and stigmatizing the enemy, as well as identifying and describing the main linguistic means used to stigmatize the enemy and heroize certain groups of people. To make the case study more complete, sources of different nature were involved - articles in newspapers and magazines, scripts for the authorities’ official speeches, briefings on the situation with coronavirus. In addition, a large number of comments made by ordinary UK citizens, which were taken from social networks, were analyzed. Such a comprehensive discursive analysis of the statements of agents included in the system of production and consumption of mass media information made it possible to structure and describe various linguistic means and techniques of creating the mood of panic.

Key words: media space, alarmism, objects of alarmism, conceptual field, emotional concept, discursive analysis, technologies for constructing the alarmist discourse.

Алармизм, то есть состояние повышенной тревожности или часто паники, является естественной реакцией людей на ту или иную негативную ситуацию, а энигматическая природа нового вируса, поразившего человечество и захватившего глобальное медиа-сообщество, экспонентно усиливает панические настроения. Автор данной статьи не ставит перед собой цель развенчивать мифы о природе данного вируса, раскрывать многочисленные теории заговоров и давать какую-либо оценку происходящим в мире событиям в связи с пандемией; наша цель – на основании имеющихся теорий моральной паники и манипулирования сознанием попытаться представить объективный анализ событий и процессов, связанных с пандемией, освещаемых в британском медиапространстве.

Автором были проанализированы тексты таких ведущих СМИ Великобритании, как BBC News, The Guardian, The Times, The Independent, The Observer, The Sun. При этом, согласно опросам общественного мнения, пользователи СМИ наиболее достоверными источниками информации, освещающими пандемию Covid-19, назвали The BBC News и The Guardian, а вот The Sun, по их мнению, ‘did a bad job’. Кроме того, были прослушаны выступления влиятельных политиков Великобритании, брифинги чиновников из Министерства здравоохранения по ситуации с распространением коронавируса.

Многие авторы ограничивают свои исследования рассмотрением официальных ресурсов СМИ, что, на наш взгляд, является неполным. Сегодняшнее медиапространство значительно расширилось, благодаря все возрастающей роли Интернет-ресурсов и особенно социальных сетей. Анализ комментариев людей о ситуации в стране и мире, взятых из таких социальных сетей, как YouTube, Twitter, Facebook, позволил увидеть реакцию реципиентов СМИ и приблизиться к пониманию степени воздействия на них манипулятивных стратегий средств массовой информации. По данным опросов, четверть населения Великобритании считает, что новостные агентства преувеличивают масштаб проблемы и раздувают панику.

Теория так называемой моральной паники находится в поле изучения таких наук, как социология и философия. Автор данной теории, Стэнли Козн, считал, что объектом моральной паники является некий враг, чье формирование является не случайным, а обусловленным целым рядом факторов. Явления, характерные для понятия паники, – манипулятивность и раздувание страха. Именно страх является основной движущей силой паники, так как страх лишает человека возможности мыслить рационально. Паника конструируется средствами языка, а потому является предметом изучения лингвистики.

Необходимо отметить, что паника не привязана к СМИ, так как существовала до их появления, но СМИ стали самым эффективным средством ее инициирования, поддержания на плаву и направления в то или иное русло. Помимо теории моральной паники, в основе настоящего исследования лежит теория манипулирования сознанием, предложенная политологом С.К. Кара-Мурзой, анализировавшим российское политическое медиапространство.

Для нас было интересным проследить, каким образом выявленные исследователем блоки манипуляций находят отражение в медиапространстве Великобритании при конструировании алармистского дискурса в процессе освещения пандемии Covid-19.

Итак, анализ текстов СМИ, посвященных данной проблематике, позволил выявить *ключевые* технологии построения алармистского дискурса, создания моральной паники и манипулирования сознанием реципиентов медиатекстов.

Эмоциональное заряжение / экспрессивный удар / психологический шок/ эффект информационного штурма. Использование подобных технологий позволяет «открыть дверь в подсознательное для того, чтобы внедрять туда мысли, желания, страхи, опасения, принуждения или устойчивые модели поведения» [1], преодолеть защитные барьеры психики и направить манипулятивное воздействие прямо в сферу чувств людей. Данный эффект усиливается в толпе, поскольку в толпе ниже порог критичности.

Эффект эмоционального заряжения осуществляется благодаря масштабному разворачиванию целой серии эмоциональных концептов, в совокупности образующих концептуальное поле, под которым понимается комплекс «семантически связанных и экстралингвистически обусловленных элементов, представляющих в синхронии и диахронии фрагмент действительности» [2; с. 178-179]. Под эмоциональным концептом, в свою очередь, понимают «сложное, многокомпонентное ментально-языковое образование, отражающее пристрастно-субъективное отношение к воздействующим на него предметам и явлениям окружающего мира, в координатах «жизнь - смерть», «добро – зло», «приобретение – потеря», «удовольствие – неудовольствие», «полезное – вредное», «приятное – неприятное» и другие [3; с. 216-217]. Основными эмоциональными концептами, выявленными в проанализированных медиатекстах, были концепты страха (доминанта концептуального поля), жизни и смерти, горя, несчастья, трудностей и неопределенности.

Очевидно, что доминантой концептуального поля в алармистском медиадискурсе является **концепт «страх»**, который в проанализированных медиатекстах вербализировался с помощью различных лингвистических и экстралингвистических средств.

Необходимо сказать несколько слов об экстралингвистических средствах нагнетания страха и паники, которые, конвергируясь с языковыми и риторическими средствами, призваны оказывать мощное воздействие на психику реципиентов медиатекстов. К таким средствам относятся, во-первых, частота упоминания в СМИ пандемии Covid-19. В новостных выпусках обсуждению этой темы отводятся первые минуты выпуска, ей посвящены ток-шоу; в каждом онлайн-издании есть целые разделы, которые, согласно статистике, занимают первые места по посещаемости по сравнению с другими разделами изданий; кроме того, коронавирус является в настоящее время самой популярной темой постов, выкладываемых в социальных сетях. Во-вторых, фотографии жертв вируса, как правило, молодого и среднего возраста, размещаемые в изданиях в больших количествах, также приводят к психологическому шоку. Особенно часто данный прием используют таблоиды (The Sun), которые на широкой полосе располагают фотографии погибших, сопровождая их текстом, создающим эффект эмоционального заряжения, например: *'It was horrific. NH worker died in husband's arms as she struggled to breathe from coronavirus'* (Это было ужасающе. Медработник умерла на руках у мужа, будучи не в силах дышать из-за коронавируса).

Однако для данного исследования больший интерес представляют языковые средства вербализации концепта «страх». Ядро концепта образуют лексемы со значением *'состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас'*, а также *'испытывать страх, находиться в тревожном ожидании'*: *fear* (страх, бояться); *fearful Britons* (испытывающие страх британцы); около ядерная зона включает единицы: *horrific* (ужасный); *too terrified* (в полном ужасе); *petrified* (оцепеневший от страха);

anxious (опасающийся, встревоженный, обеспокоенный); *the heightened level of anxiety* (повышенный уровень тревожности).

Интерес также представляют случаи, когда средства репрезентации концепта «страх» сочетаются с другими лексико-риторическими средствами, усиливая эффект эмоционального воздействия на получателя информации. Чаще других средств для реализации данной цели использовались интенсификаторы и квантификаторы: *a great number of infected people* (большое число инфицированных людей); *overwhelmed by the number of people needing intensive care* (ошеломлен числом людей, нуждающийся в интенсивной терапии); градация: *The lack of a clear message has left many members of the public concerned, anxious, impatient and too terrified* (отсутствие четкой информации вызвало у многих людей тревогу, беспокойство, раздражение и ужас); сообщение анатомических подробностей, при этом используется лексика, принадлежащая разговорно-бытовому стилю (как более экспрессивная), а не более уместные для медицинского дискурса термины: *Had a tube inserted into their throat* (вместо *intubated*) (ему в горло вставили трубку, (а не его интубировали)) / *There is something abnormal about the fact that a perfectly normal heart has burst open. The heart has ruptured. Normal hearts don't rupture* (Это ненормально, что у совершенно здоровой женщины произошел разрыв сердца. Сердце разорвалось. Здоровые органы не разрываются).

Необходимо отметить, что представители властей пытаются применить контр-средства для сдерживания волны паники. Так, выступления представителей власти построены по принципу антитезы: «ситуация критическая, но решаемая». Приведем несколько примеров.

The death toll is devastating but we are flattening the curve (Показатели смертности катастрофические, но нам удастся сгладить пику смертности).

It's an increasingly challenging time, a time of disruption in our country, a disruption that has brought grief. But together we will tackle the disease (Мы живем в трудное время, время, когда общество дестабилизировано, время, принесшее горе в наши дома. Но вместе нам удастся побороть эту болезнь).

Знаменитое обращение королевы Елизаветы II к своему народу в трудные для всех времена вызвало отклик в сердцах британцев. Лейтмотивом данной речи была мысль о том, что «коронавирус разделит нас, но мы вместе, и мы победим». Общее настроение сплоченности передавали такие средства, как: *remain united and resolute* (сохранять сплоченность и решимость); *fellow-feeling* (общность взглядов, сочувствие); *come together* (собираться вместе); *common endeavor* (совместные усилия); *we'll succeed* (мы будем иметь успех); *better days will return* (лучшие времена обязательно вернутся).

Особенно ярким и экспрессивным был конец выступления благодаря использованию параллелизма:

We will be with our friends again, we will be with our families again, we will meet again (Мы снова встретимся с друзьями, мы снова будем рядом с нашими семьями, мы снова встретимся).

Эти слова вызвали бурную реакцию в Сети и спровоцировали множество комментариев. Хотелось бы привести наиболее яркий из них, на наш взгляд.

Famous British Words 1940 – we will never surrender. 2020 – We will meet again.

Самые известные слова в Британии в 1949 году – мы никогда не сдадимся. В 2020 году – мы снова встретимся.

Эмоциональный концепт «страх» тесно переплетается с другими суггестивными компонентами алармистского медиадискурса – концептами жизни и смерти. **Концепты «жизнь» и «смерть»**, относящиеся к базовым понятиям языковой картины мира любого языка, становятся особенно актуальными при освещении пандемии, которая, по данным на 4 мая 2020 года, унесла жизни 247 000 человек, 28 000 из них – жители Соединенного Королевства. Великобритания имеет одни из самых высоких показателей смертности в мире, поэтому ни один из выпусков новостей, а также печатных изданий не обходится без этой печальной ста-

тики, а также рассказов о трагических судьбах конкретных людей, стоящих за этими цифрами. Анализ медиатекстов позволил определить лексические единицы, образующие структуру концепта «смерть».

Его ядром является лексема, давшая имя этому концепту – *death*, а также лексические единицы с корневым значением ‘прекращение жизнедеятельности организма’: *823 deaths were announced* (было объявлено о 823 смертях); *carehome fatalities had quadrupled* (число смертей в домах престарелых увеличилось в 4 раза); *people are dying* (люди умирают); *grim jump in deaths* (безжалостный скачок количества смертей).

Околоядерную (предъядерную) зону образуют лексемы со следующим значением: 1) ‘способный привести к смерти, убить, уничтожить’: *deadly bug* (смертельно опасный вирус); *deadly disease* (смертельно опасное заболевание), 2) ‘число умерших’: *with the coronavirus death toll is rising exponentially* (при коронавирусе происходит рост смертности в геометрической прогрессии); *devastating death toll* (катастрофический уровень смертности); 3) ‘лишить жизни’: *the virus is real and takes lives* (вирус реален, и он забирает жизни).

Из приведенных примеров видно, что концепты жизни и смерти настолько тесно переплетены, что в алармистском дискурсе являются неразделимыми.

Еще одним частотным эмотивно-событийный концептом в проанализированной выборке был концепт «горе / беда / несчастье / трудности», вербализованный следующими лексическими единицами: *grief* (горе); *misery* (бедствие, горе, мучение); *tragedy* (трагедия); *bereaved relatives* (родственники, понесшие тяжелую утрату); *disruption* (крах, ломка); *difficult situation* (трудная ситуация); *difficulties* (трудности); *problems* (проблемы); *adire situation* (угрожающая ситуация); *increasingly challenging time* (усиление экспрессивности за счет использования обстоятельства образа действия – все более и более трудные времена); *the worst public health crisis for a generation* (усиление эмоциональной заряженности за счет использования превосходной степени прилагательного и квантитатива – *for a generation* – самый тяжелый кризис в системе национального здравоохранения за десятилетие).

Интересны средства вербализации концепта, находящиеся на его дальней периферии: отсылки к конкретным кризисным ситуациям в мировой истории (*How to get back to work to avoid a second Great Depression* (Как снова приступить к работе и избежать второй Великой депрессии)); использование концептуальной развернутой метафоры спорта, где борьба с вирусом сравнивается с марафоном (*This was never going to be a sprint over a few weeks; this is going to be longer; it is going to be a marathon* (Очевидно, что борьба с заболеванием – это не спринт длиной в несколько недель, борьба затянется надолго, это будет настоящий марафон)), а также случаи конвергенции с лексико-синтаксическими стилистическими приемами: эпитетами (*a painful sense of separation* (болезненное чувство расставания), анадиплосисом (*a time of disruption in our country, a disruption that has brought grief* (Мы живем в трудное время, время, когда общество дестабилизировано, время, принесшее горе в наши дома) и другими.

Эмоциональный концепт «неопределенность» в проанализированной выборке конструировался такими лексическими единицами, как *chaos* (хаос), *mistrust* (недоверие), *frustration* (фрустрация, разочарование), *confusion* (смятение), *uncertainty* (неопределенность), *the government's shambolic response* (хаотичная, половинчатая реакция властей); *the lack of clear message* (нехватка четкой информации), *deficiency* (дефицит), *scarcity* (нехватка).

Создание образа врага является одной из ключевых технологий конструирования алармистского дискурса в медиaprостранстве и средством создания моральной паники.

При освещении пандемии четко выделяются следующие объекты моральной паники:

1) вирус – это враг.

Данный образ моделируется определенным набором речевых стратегий и тактик. Стратегия создания реальной угрозы состоит в убеждении людей в том, что вирус несет смер-

тельную опасность и что эта опасность не выдумки средств массовой информации. Для этого публикуются интервью с родными и близкими жертв коронавируса: *I just want to rise awareness of just how easy it is for this virus to take someone you love away from you. The virus is real and takes lives, no matter who you are. Please, stay inside and save lives (Я просто хочу донести до вас, с какой легкостью вирус может забрать у вас любимых людей. Этот вирус реален, и он уносит жизни, невзирая на лица. Пожалуйста, оставайтесь дома и сохраните свою жизнь)*. Также в СМИ можно найти множество интервью с представителями похоронного бизнеса, которые рассказывают о том, что их рабочий день начинается в шесть утра и заканчивается в десять вечера, и что *there's no end in sight (конца этому не предвидится)*, что владелица ритуального агентства составила завещание в 38 лет: *I've made a will at 38 year sold. That's not normal*.

Безусловно, интервью с врачами также не могут не убедить зрителей и читателей, какую реальную угрозу представляет вирус. *We are tired. We are so tired. It's overwhelming (Мы устали, мы так устали, это просто невыносимо)*.

I know it sounds awful but we've prepared for the worst, hoped for the best and it's been even more catastrophic than I've imagined (Я знаю, это звучит ужасно, но мы готовились к худшему, надеялись на лучшее, но реальность оказалась более катастрофичной, чем я мог себе представить). Экспрессивный удар усиливается за счет использования градации (нарастания эмоционального воздействия) и антитезы.

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, широкое использование «лидеров мнений», которыми в настоящее время являются те, кто непосредственно контактировал с жертвами смертельного вируса, создает так называемый эффект присутствия, что позволяет направить манипулятивную методику на максимальное достижение необходимого результата, ведь очевидец не может лгать, а потому всегда прав [1]

Необходимо отметить, что образ вируса как врага чаще всего актуализируется с помощью метафорической номинации, а именно широкого использования концептуальной метафоры войны: *frontline medics (медики на передовой); a frontline NHS staff (медработники на передовой); a second army of unsung heroes – teachers, drivers, shopkeepers and more – who are the backbone in our battle with coronavirus (еще одна армия невоспетых героев – учителя, водители, работники магазинов и все те, кто является главной опорой в нашей битве с коронавирусом); while gasping for breath after a grueling battle with coronavirus (с трудом дышала в чудовищной битве с коронавирусом); ...ministers want the PM to deliver a personal message that the war is being won (министры хотят, чтобы премьер-министр выступил с сообщением о том, что победа близка); COVID-19 'War Cabinet' meeting (заседание правительственного военного кабинета по борьбе с COVID-19); the killer virus (вирус-убийца); hidden enemy (скрытый враг); Britain is winning the first battle but he warned of a danger of a second spike (Британия выигрывает первую битву, но есть опасность второго всплеска)*.

Также в медиатекстах частотными являются отсылки ко Второй мировой войне: *Dan Wotton: It's time for Boris to act like his hero Churchill and get Britain back to track (Пришло время Борису действовать как его герой Черчилль и снова вернуть Британию в строй)*. Также термин 'War Cabinet' использовался для обозначения коалиционного правительства 1940-45 гг. в Великобритании.

2) Правительство – это враг.

Стигматизация правительства, его действий, а чаще бездействия, широко распространена как в дискурсе СМИ, так и в дискурсах пользователей различных медиаплатформ. Демонизация правительства Соединенного Королевства обычно проявляется в следующем.

- правительство бездействует / действует слишком медленно / некомпетентно в борьбе с угрозой: *on another day of chaos over the government's PPE procurement (еще один день хаоса и неразберихи, вызванных правительственными закупками ИСЗ); the saga of the PPE shipments sourced from Turkey, which dragged on; (сага о том, как правительство организова-*

ло поставку ИСЗ из Турции, но они безжалостно затянулись); *facing long delays* (столкнулись с большими задержками);

- недовольство и разочарование равнодушием властей: *growing frustration from companies* (растущее недовольство со стороны компаний); *like health professionals we feel let down* (как работники здравоохранения, мы чувствуем, что нас просто бросили); *more general frustration with the government failure* (растущее всеобщее недовольство провальными действиями правительства); *people were rejected / turned down* (про отказ людям в медицинской помощи);

- широкое использование дихотомии «мы-дискурс» vs «они-дискурс»: компании, меценаты и просто неравнодушные люди («мы») пытаются достучаться до правительства и помочь в решении проблем, например, с поставками оборудования и необходимых средств защиты, но натываются на стену равнодушия («они»), то есть «мы»-действие противопоставляется «они»-бездействию. *They were inundated by manufactures but never received a reply (from government) / they had heard nothing back / had heard nothing since* (Производители буквально забросали их предложениями, но в ответ ничего не услышали).

Несмотря на обвинения правительства, в дискурсе СМИ они звучат весьма осторожно, однако комментарии пользователей социальных сетей гораздо более категоричны, содержат прямые обвинения и пейоративную лексику (инвективы по понятным причинам в поле нашего исследования не попали). Так, пользователи обвиняют правительство в незаконности введения жестких ограничительных мер (*End the illegal lockdown now! (Требуем прекратить незаконный карантин!) / draconian controls* (драконовские меры контроля), в эскалации паники (*the near-hysteria (ситуация, близкая к истерии)*), в ненависти к людям и преследовании своих личных корыстных интересов в сговоре с банками (*we're governed by sociopathic kleptocrats* (нами правят клептократы и социопаты).

3) СМИ – это враг.

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, раздувание проблемы, так называемая показная проблематика, искаженная оценка проблемы, а также демонстрация проблемных событий часто, много раз и на различных каналах может вызвать негативную реакцию и даже гнев реципиентов медиа-ресурсов.

Значительное число людей доверяют СМИ в вопросах освещения ситуации с пандемией, считают их оценку объективной, призывают к молитве и соблюдению карантинных мер. Однако не менее внушительная группа людей открыто и категорично заявляет о своем неверии официальным источникам информации, а доминантным концептом в пользовательском дискурсе становится концепт «ложь», который вербализуется следующими речевыми средствами: *lie* (лгать, ложь); *liars* (лжецы); *deception* (обман); *disinformation* (дезинформация); *hoax* (утка, фейк); *conspiracy* (сговор); *clownery* (клоунада); *hypocrisy* (лицемерие); *crooks* (мошенники); *scamdemic* (авторский окказионализм, образованный путем слияния слов 'scam' (мошенничество) и 'epidemic' (эпидемия); *something stinks about the whole thing* (вся эта ситуация дурно пахнет).

Интерес представляют случаи, когда средства, конструирующие концепт «ложь», оказываются в одном предложении, что создает эффект амплификации: *Lies, deception, disinformation, corruption, conspiracy and treason on loop broadcast 24 hours a day via all mainstream networks* (Ложь, обман, дезинформация коррупция, сговор – все это транслируется через крупные сети передачи данных 24 часа в сутки) / *Keep spinning your lies, BBC. You're a bunch of crooks* (Продолжайте раскручивать свою ложь, BBC. Вы просто сборище мошенников).

Законопослушные граждане, призывающие к соблюдению мер безопасности, часто высмеиваются другими пользователями социальных сетей, для многих верить СМИ и властям значит демонстрировать свою глупость.

A: *Stay safe, stay strong, stay home.*

B: *Stay dumb.*

(*Оставайтесь сильными и здоровыми, оставайтесь в безопасности, оставайтесь дома. Реакция: оставайтесь тупыми.*)

Формирование вокруг объекта моральной паники системы верований, мифологии и конспирологических теорий является неотъемлемым ее атрибутом [4]. Так, в связи с коронавирусом среди пользователей лидирующие позиции занимают две теории: финансовый сговор глобальных корпораций и чипирование населения. В данной связи демонизации подвергся Билл Гейтс, чьи усилия по разработке вакцины и противодействию коронавирусу были названы лишь предлогом для последующего вживления людям микрочипов. (*Covid-19 is a hoax and we're not gonna take Bill Gates' vaccine (Ковид – это фейк, нам не нужна вакцина Билла Гейтса).*)

4) Другие страны – это враг.

В британском медиапространстве довольно распространенной является идея о внешних врагах, которые дестабилизируют ситуацию внутри страны, сеют панику и раздор; кроме того, на Китай до сих пор осуществляются нападки как на первоисточник этого смертоносного вируса.

Демонизация внешних врагов осуществляется при помощи использования лексем с ярко выраженной дерогативной семантикой: *malicious forces (темные силы); malicious actors (страны-изгои); criminal activity (преступная деятельность); attacks (атаки); abuse (насилие, нападки); malign online activities (враждебные действия в сети); disruptive messaging (сообщения, вносящие хаос и раздор); attempts to sow discord (попытки посеять раздор).*

Манипулятивный эффект усиливается благодаря использованию метафор, подчеркивающих неизмеримый ущерб от действий этих враждебных сил (*Malicious forces creating 'perfect storm' of coronavirus information – Враждебные силы, создающие «девятый вал» (шквал) сообщений о коронавирусе*); повторения в одном фрагменте высказывания слов со сходной семантикой (*Malicious actors trying to manipulate, confuse and spread disinformation – Страны-изгои, пытающиеся манипулировать, сбивать с толку и сеять дезинформацию*).

Russia and China and Trump are getting in on the act and imitating each other more and more (Россия, Китай и Трамп, объединяя свои усилия, все больше и больше имитируют друг друга). Последний из приведенных примеров интересен по нескольким соображениям. Во-первых, использование полисиндетона (повтор союза 'and') амплифицирует эффект численности врагов, что еще больше усиливается повторяющимся наречием *more and more*. Кроме того, необходимо обратить внимание на третий компонент в составе однородных подлежащих. То есть Россия и Китай выступают как совокупный образ стран-агрессоров, тогда как третий из объявленных врагов не страна, а конкретная персоналия.

5) Люди, не соблюдающие карантин – это враги.

При именовании таких людей, которые не соблюдают карантинные меры, устраивают многолюдные шумные вечеринки, принимают участие в лишенных всяческого здравого смысла челленджах, СМИ не стесняются в выражениях, открыто обвиняя этих людей в неповиновении и создании опасных ситуаций и для себя, и для окружающих. Так, весь мир облетел неологизм *covidiots (ковидиоты)*, использующийся применительно к безрассудным людям, которые лишены здравого смысла, тем самым ставят под угрозу жизнь окружающих их людей. В британских СМИ таких людей называют *boozing covidiots* (для наименования людей, которые устраивают шумные алкогольные вечеринки, несмотря на запреты властей), *lockdown louts / flouting louts* (данный инвектив близок по значению русскому слову «быдло»; несложно догадаться, что данный пример был взят нами из британских таблоидов). Были обнаружены и менее агрессивные примеры словотворчества, используемые британскими СМИ для характеристики тех, кто пренебрегает требованиями безопасности - *Coro-No-No (Коро-Нет-Нет)*.

Наряду со стигматизацией врагов, создание образа героя играет не менее важную роль в алармистском медиа-дискурсе СМИ. В нынешней ситуации в СМИ широко используется героизация медицинских работников (*frontline medics – медики, находящиеся на передовой*), которые, несмотря на недостаток ресурсов и смертельную опасность и усталость, ежедневно спасают жизни. Кроме того, в медиатекстах упоминаются люди других профессий (*unsung heroes – невоспетые герои*), без которых это сражение с врагом также было бы невозможным: *a second army of unsung heroes – teachers, drivers, shopkeepers and more – who are the backbone in our battle with coronavirus (еще одна армия невоспетых героев – учителя, водители, работники магазинов и все те, кто является главной опорой в нашей битве с коронавирусом)*.

Несмотря на то, что объекты паники в проанализированных медиатекстах различаются, их образы моделируются сходным набором речевых стратегий и тактик: 1) стратегия создания реальной угрозы; 2) стратегия создания дихотомии «мы-дискурс» vs «они-дискурс»; 3) стратегия идеализации героя и стигматизации врага [5; с. 61-62].

К другими методами манипулятивного воздействия, применяемым в алармистском медиадискурсе, можно отнести такие методы, как «общий вагон» (термин С.Г. Кара-Мурзы [1]), когда в медиадискурсе специальным образом отбираются слова и фразы, требующие единообразия в поведении, что создает впечатление, будто так делают все. При освещении трагических обстоятельств пандемии следующий новостной блок будет обязательно посвящен еще большей трагедии в других странах (*This is a global event that touches every one directly – Это общемировое событие, которое напрямую коснулось каждого из нас / The pandemic that has swept the globe – пандемия, которая захлестнула мир*). Кроме того, необходимо отметить метод «старой реакции» [Там же]. Суть этого метода состоит в том, что если в определенной ситуации у реципиента произошла достаточно сильная реакция на тот или иной раздражитель, то спустя некоторое время человека снова подвергают воздействию этого раздражителя. Так, в СМИ активно проводятся параллели с другими вирусами – SARS, «испанкой», чумой, что также способствует нагнетанию паники.

Проведенное исследование позволило выявить технологии построения алармистского дискурса, создания моральной паники и манипулирования сознанием реципиентов медиатекстов, ключевыми из которых является технология экспрессивного удара, репрезентируемая комплексом эмоциональных концептов, таких, как «страх», «смерть», «горе / беда / несчастье / трудности», концепт неопределенности, а также технология создания образов врага (в терминах теории моральной паники являющегося объектом моральной паники) и героя. Дискурсивный анализ реакций реципиентов медиа-информации позволил определить степень влияния целевых технологий на сознание потребителей текстов СМИ.

Библиографический список

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
2. Ключевская А.Ю. Концептуальное поле «агрессия» как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб, 2011. С. 177-185.
3. Ормокеева Р.К. Понятия «эмоциональный концепт» и «эмоционоконцептосфера» // Известия вузов Кыргызстана. Бишкек: Общественная академия ученых Кыргызской республики, 2016. С. 216-219.
4. Мартинович В.А. Моральная паника в жизни общества и феномен нетрадиционной религиозности // Христианское чтение.. СПб: Санкт-Петербургская духовная академия Русской Православной Церкви, 2016. С. 145-166.

5. Храброва Е.С. Способы моделирования образа героя и образа врага в английском политическом дискурсе (на материале политических выступлений 1939-1945 гг.) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Вена, 2014. № 9-10. С. 60-63.

References

1. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. Mocsow, 2005 . 832 p.
2. Klyuchevskaya A.Y. The conceptual field “aggression” as an object of linguistic research // The Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St.-Petersburg, 2011. P. 177-185.
3. Ormokeeva R.K. The notions of “emotional concept” and “emotional conceptual sphere” // The News of Kyrgyzstan universities. Bishkek, 2016. P. 216-219.
4. Martinovich V.A. Moral panic in social life as a phenomenon of non-traditional religiosity // Christian reading. St.-Petersburg theological academy of Russian Orthodox Church, 2016. P. 145-166.
5. Khrabrova E.S. Methods of modeling the image of the hero and the image of the enemy in the English political discourse (based on political speeches of 1939-1945) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Vienna, 2014. Vol. 9-10. P. 60-63.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 811.161.1

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
культуры речи и методики
их преподавания
Гоннова Н.В.
Россия, г. Самара, тел. +79277393326
e-mail: gonnovanv.filolog@yandex.ru*

*Samara State University of Social
Sciences and Education
PhD
associate professor of the Department of
Russian Language, Standards of Speech
and Methods of its Teaching
Gonnova N.V.
Russia, Samara, tel. +79277393326
e-mail: gonnovanv.filolog@yandex.ru*

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
аспирант
Осипова Н.Д.
Россия, г. Самара, тел. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

*Samara State University of Social
Sciences and Education
postgraduate student
Osipova N.D.
Russia, Samara, tel. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

Н.В. Гоннова, Н.Д. Осипова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РУСИСТИКЕ: МНОГООБРАЗИЕ МИКРОПАРАДИГМ»

N.V. Gonnova, N.D. Osipova

METHODOLOGICAL SEMINAR «METHODOLOGY OF LINGUISTIC RESEARCH IN RUSSIAN PHILOLOGY: VARIETY OF MICROPARADIGMS»

3 марта 2020 г. в Самарском государственном социально-педагогическом университете состоялся методологический семинар научной школы доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян «Динамические процессы в лексике и грамматике» на тему «Методология лингвистических исследований в русистике: многообразие микропарадигм». Участниками семинара стали преподаватели факультета начального образования и филологического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), аспиранты, магистранты и студенты.

Семинар открыла профессор Е.П. Иванян докладом «Поиск лингвистической методо-

логии, его инструментарий», представив слагаемые концепции научного исследования, основные традиционные и частные научные парадигмы, способы поиска русла исследования и лингвистических идей [1]. Е.П. Иванян отметила полипарадигмальное состояние современной лингвистики, охарактеризовала три основные лингвистические суперпарадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую. В докладе были также освещены основные частные парадигмы, к которым учёный относит, в частности, полевою концепцию языка А.В. Бондарко, научную школу грамматики П.А. Леканта, учение о переходности в области частей речи В.В. Бабайцевой. В процессе поиска новых исследовательских идей было высказано предложение обращаться к трудам Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, М.Н. Эпштейна и др., не пренебрегать и методом веб-серфинга среди публикаций последних лет. В заключение руководитель научной школы пожелала всем участникам семинара продуктивной работы и успехов, новых достижений в научной деятельности.

Первая часть семинара прошла в формате «Доклады участников научной школы».

В докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколовой «Состав и структура образных полей дендронимов в языке русской поэзии XVIII-XX веков» были рассмотрены основные подходы к систематизации образных средств поэтического языка в лингвистической литературе с позиций парадигматичности и инвариантности; предложена модель анализа образных полей дендронимов в русской поэзии на основе разработанных классификационных критериев распределения единиц поля по ядерной, центральной и периферийной областям [2].

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршина предложила к обсуждению вопрос о природе прецедентного феномена «прирастать провинцией», образованного в результате трансформации исходного текста, принадлежащего М.В. Ломоносову [3]. Характер трансформации основан на модели, которая диалектически объединяет алгоритм восприятия прецедентного текста, заданный семантикой глагола «прирастать», и инварианты его восприятия, обусловленные реализацией пространственных и казуальных связей, представленных тремя метонимическими моделями изменения значения лексемы «провинция». Проведённый анализ позволяет поставить вопрос о необходимости комплексного лингвистического описания прецедентного феномена «прирастать провинцией», что может быть важно для современной лексикографической практики, а также для описания функционально-семантического поля провинции в современном русском дискурсе.

В докладе кандидата филологических наук, доцента И.В. Гуровой нашли отражение вопросы методологии изучения *гейт*-производных (слов с интернациональным компонентом *-гейт* в значении 'скандал') [4]. Нарастание *гейт*-производных в русском дискурсе докладчик обосновал с позиции философии постмодернизма, исследующей феномен сверхсобытийности социальной жизни. В рамках теории когнитивной лингвистики И.В. Гурова представила модель (фрейм) события, маркером которого становятся слова с компонентом *-гейт*.

Магистрант 1 курса П.С. Иванова в докладе «Сравнения ольфакторного модуса перцепции в интернет-дискурсе» особое внимание обратила на выявленные черты парфюмерного дискурса: исключительность продукта, прецедентность, метонимичность, смысловая рамка «+, но –», соотнесение сравнительных лексем (так, в рекламном тексте частотна сравнительная лексема «напоминает», в отзывах – сравнительная лексема «похожее»). Интерес вызвали популярные темы сравнений: запах сравнивается с одеждой, солнцем, эпохами и др. [5].

Аспирант Е.Н. Полякова представила доклад на тему «Отражение религиозного мировоззрения в номинативном спектре лексико-семантической группы «последствия внебрачных половых отношений» в языке 1920-х г. (на материале журналов «Смена» и «Молодая гвардия»). Выступление было посвящено прагматике употребления обозначений с религиозной производной в контексте указанной группы в период антиклерикальной кампании фор-

мирующегося государства [6]. Е.Н. Полякова заключила, что подобные номинации деликатного вопроса использовались в «новобитных» изданиях в качестве механизма идеологического воздействия на реципиента.

Кандидат филологических наук, доцент Н.В. Гоннова рассмотрела отличающиеся в настоящее время высокой частотностью дериваты с оценочными компонентами *царь-*, *чудо-*, *горе-* (*царь-пирог*, *чудо-дети*, *горе-строитель* и др.) в аспекте языковой моды, охарактеризовала модные способы создания рекламных имён, акцентировала внимание на методиках определения модного слова (имени) и указала, что подобные дериваты являются средством выражения эмоциональной оценки [7].

Доклад доктора филологических наук, профессора М.Ю. Михайловой «Невыразимые смыслы в творчестве А. Грина» был посвящён исследованию функционально-семантических полей в русистике, особенностям функционирования поля невыразимого в творчестве писателя, методу «психологического романтизма» А. Грина [8].

На семинаре был представлен и стендовый доклад магистранта 1 курса Ю.Р. Сулякаевой «Для чего диминутивы в романе З. Прилепина «Обитель»?».

Вторая часть семинара состоялась в формате «Мозговой штурм», предполагающем помощь аудитории. Модераторы – О.Д. Паршина и И.В. Гурова. Аспирант Н.Д. Осипова выступила с докладом о критериях прецедентности прагматонима «Тамбовский волк». Аудитории было предложено подумать над соответствием наименования конфет обозначенным критериям. Присутствующие активно участвовали в обсуждении, выдвигали предположения. В частности, были высказаны версии о том, что выражение «Тамбовский волк» обрело широкую известность после выхода фильма «Иван Васильевич меняет профессию» (*«Тамбовский волк тебе боярин!»*). Для более точного определения критериев принадлежности данного онима к прецедентным О.Д. Паршина предложила обратиться к курсу лекций В.В. Красных «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология». Интересные параллели были проведены с прагматонимом «Тамбовский волк» – наименованием водки. С точки зрения И.В. Гуровой, целесообразно рассмотреть семиотическую составляющую прагматонима, обратиться к иллюстрации на упаковке (волк на фоне леса) и символике цвета: упаковка конфет и упаковка водки оформлены в синих тонах, что отсылает к гербу Тамбовской области. Таким образом может быть реализован региональный компонент семантики прагматонима [9].

В заключение подчеркнём, что участники семинара «Методология лингвистических исследований в русистике: многообразие микропарадигм» единодушно отметили значимость подобных мероприятий, поскольку выступления с докладами, участие в дискуссиях дают колоссальный опыт научного общения и открывают новые направления для исследования.

Выступает профессор, д. фил. н.
Елена Павловна Иванян

Обсуждение докладов в формате «Мозговой штурм»

Участники семинара с профессором Е.П. Иванян

Библиографический список

1. Иванян Е.П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 33-35.
2. Соколова М.Г. Развитие семантических признаков дендронима *тополь* в поэтическом языке XIX-XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 148-152.
3. Паршина О.Д. Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 126-129.
4. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 29-31.
5. Иванян Е.П., Иванова П.С. Представленность тематических групп в сравнениях ольфакторного модуса перцепции // Поволжский педагогический вестник. 2020. Том 8. № 1 (26). С. 54-60.
6. Полякова Е.Н. Лингвоцинизация микрополя «последствия внебрачных половых отношений» в дискурсе 1920-х годов как отражение аксиологических ориентиров общества начала XX века // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для молодых ученых. Отв. ред. Р.Р. Лукманова. Уфа, 2018. С. 239-248.
7. Гоннова Н.В. Дериваты с компонентами *чудо-*, *горе-*, *царь-* как средство выражения эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: Сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 23–24 ноября 2018 г.) / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) и др. Москва: ИИУ МГОУ, 2018. С. 92-96.
8. Михайлова М.Ю. Система средств передачи семантики невыразимого в творчестве А. Грина // Вестник Башкирского университета. Т. 20. № 2. 2015. С. 581-585.
9. Осипова Н.Д. Отастионимные прагматонимы-названия конфет в синтаксическом аспекте // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного про-

странства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для молодых ученых. Отв. ред. Р.Р. Лукманова. Уфа, 2018. С. 57-61.

References

1. Ivanyan E.P. Representation of semantics of omission in modern Russian discourse // Baltic Humanitarian Journal. 2015.No 1 (10). P. 33-35.
2. Sokolova M.G. The Development of the Semantic Signs of Dendronim Poplar in the Poetic Language of the XIX-XX Centuries // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No 1 (26). P. 148-152.
3. Parshina O.D. Province Phenomenon in the Humanities: Analytical Survey // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2020. Vol. 13. No.2. P. 126-129.
4. Gurova I.V. Gate-derivatives: Borrowed vs. Formed on the Russian Basis // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. No. 3 (24). P. 29-31.
5. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Representation of thematic groups in comparisons of olfactory mode of perception // Volga Pedagogical Bulletin. 2020. Vol. 8. No. 1 (26). P. 54-60.
6. Polyakova E.N. Linguinization Microfield «Consequences of Extramarital Sex» in the Discourse of the 1920s as a Reflection of Axiological Landmarks of Society at the Beginning of the XX century // Priorities of Modern Philological Science in Understanding Multicultural space. Ufa, 2018. P. 239-248.
7. Gonnova N.V. Derivatives with components *chudo-*, *gore-*, *tsar'-* as a Means of Expressing Emotional Appreciation // Rational and Emotional in Russian. Moscow, 2018. P. 92-96.
8. Mikhaylova M.Yu. The system of means of transmitting the semantics of the ineffable in the work of A. Green // Bulletin of Bashkir University. Vol. 20. No. 2. 2015. P. 581-585.
9. Osipova N.D. Otastionym pragmatonyma – Candy Names in Sintactic Aspect // Priorities of Modern Philological Science in Understanding Multicultural space. Ufa, 2018. P. 57-61.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального уни-
верситета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poet-is combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес-полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*. Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа *«некий объект как первый снег»*.

.....

.....

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним* [Больные

умирающие дети. – Н.М.] *идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(37) 2020

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 25.06.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,9. Усл. печ. л. 19,9. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84